ГЕЛЬФЕРИХ

НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Социалистическая Академия
Библиотека международной политики
под общей редакцией
Ф. Ротштейна

Карл Гельферих

НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Издательство
„Красная Новь"
Москва 1924 г.

Библиотека Института В. И. Ленина

Социалистическая Академия. Кабинет внешних сношений
БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ
под общей редакцией Ф. Ротштейна

Карл Гельферих

НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с немецкого
Н. Качкачева

Библиотека Института В. И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ▫ МОСКВА ▫ 1924

1. экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ВВ262 Р
Г 456.

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 6732
БИБЛИОТЕКА

307-1925
283823У

Главлит № 23.909. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“. Пименовск., 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.

Об авторе этой книжки, погибшем страшной смертью в железнодорожной катастрофе в Швейцарии прошлой весной, у нас, граждан Советской России, сохранилось воспоминание, как об неудачливом после, направленном к нам после убийства Мирбаха и довольно трусливо сбежавшем со своего поста. Несмотря на это, историку все же надлежит признать, что он в свое время был один из крупнейших деятелей после-бисмарковской Германии, человек недюжинного ума, больших знаний и большой энергии, который в качестве одного из руководителей сильнейшего финансового института Германии (Дейтше Банк) и директора анатолийской ж. д. был неутомимым и талантливым проводником германского влияния на Ближнем Востоке и носителем и вдохновителем империалистических дум молодого германского финансового капитала. Во время войны, как известно, он был пламенным поборником «неограниченной» подводной войны и отстаивал широкие аннексионистские планы в Бельгии и промышленных районах Франции. При всем том он войны не желал и не искал и вообще не был пангерманистом. Его книжка, представляющая очень ясную, с большим знанием дела составленную сводку дипломатической истории Германии со времени Бисмарка, выгодно отличается поэтому от обычной историографии этого рода своей сдержанностью и очевидным старанием быть объективным. Из этих соображений она и была редакцией выбрана среди множества других для ознакомления читателя с германской точкой зрения на развитие событий, приведших к мировой войне.

При всем том книжка Гельфериха остается апологией германского империализма и германской дипломатии периода

кайзеровской «мировой политики». Можно без большого риска присоединиться к основной мысли автора, что Германия не хотела войны. В худшем случае германское правительство легкомысленно отнеслось к вызывающему поведению своей австро-венгерской союзницы и слишком доверялось удачным прецедентам прошлого, когда державам удавалось балканские споры и ссоры локализировать. Как-раз в тот момент Европа благополучно выходила из тяжелого кризиса, создавшегося в связи и в результате балканской войны, при чем даже оказалось, что Германия стояла на тех же позициях, что и Англия против остальных держав, так что обе старые соперницы весьма близко сошлись и как-то нечаянно, к удивлению их самих и их народов, уладили все до сих пор разделявшие их вопросы. При таких условиях Германии легко было думать, что вызванный убийством в Сараеве кризис как-нибудь опять сойдет с рук, тем более, что и Англия с самого же начала заявила, что балканские дела ее не касаются. Это, повторяем, в свете событий, развившихся в дальнейшем, было легкомыслием, но считать Германию «виновницей» войны за это легкомыслие вряд ли приходится. Известное легкомыслие вообще отличало германскую дипломатию после-бисмарковского периода. Вильгельм II многократно бряцал саблей и грозил уничтожением всем своим врагам. Но это скорее была блажь своенравного барина, чем серьезная угроза войной, ибо всякий раз после фанфары следовала «шамада» и воинственный Мальбрук довольно постыдно ретировался. Вильгельм II, очевидно, наслаждался своей ролью владыки большой и блестящей армии, а впоследствии и большого флота, как ребенок наслаждается массою игрушек, которые ему надавали в день именин. От этого, конечно, европейскому человечеству большой пользы не было, так как не только кайзеровская империя продолжала вооружаться, но и другие державы, притворяясь испуганными этими фанфаронадами, громоздили в области вооружений Пелион на Оссу. В общем, все-таки интересно отметить, что щетинившаяся штыками императорская Германия в течение свыше сорока лет не вела войны, хотя удобных случаев к этому было немало. В основе своей она все же была трусливее, чем Англия и Франция, не говоря уже о России, несмотря на героические

позы своего кайзера и шумные демонстрации своих шовинистов. О каком-нибудь благородстве или прирожденном миролюбии, как это пытается доказать Гельферих, говорить, конечно, не приходится.

Но если можно согласиться с нашим автором, что Германия войны не хотела, то нельзя согласиться с его другим мнением, что всему виновницей явилась пресловутая «англичанка». Нет сомнения, Англия до этого не раз добивалась войны с Германией. Так было во время кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, так было и при столкновении в Агадире. Неверно, однако, что Англия хотела войны летом 1914 года. К этому времени, как только что было указано, ее старые распри с Германией были улажены: вопрос о багдадской ж. д. был разрешен, и, вдобавок, между ними были поделены португальские колонии в Африке, при чем Германия получила огромный и совершенно незаслуженный куртаж в виде возможности провести трансафриканскую ж. д. через всю толщу материка с востока на запад [1]). К этому привело сотрудничество обеих держав во время балканской войны, выявившей опасные для Англии аппетиты России. Английская дипломатия фактически не обратила никакого внимания на событие в Сараеве и еще накануне австрийского ультиматума,—отчасти даже позже,—продолжала держаться той точки зрения, что, поскольку весь этот эпизод носит «балканский» характер, она остается от него в стороне. То, что

---

[1]) Разрешаю себе маленькую нескромность. Переговоры между обоими правительствами велись больше года в чрезвычайном секрете, но нашли себе отражение в виде отдельных заметок и коротеньких сообщений (увязка и значение которых не были, вероятно, ясны самим авторам их) в мало читаемой экономической и колониальной прессе Англии и Франции. Внимательно и постоянно следя за этой прессой, я, так-сказать, по кусочкам восстановил картину всего того, что происходило в такой глубокой тайне за кулисами, и выступил в одной большой английской газете с двумя статьями, разоблачившими перед публикой неожиданный англо-германский сговор во всех его подробностях. Я помню, редакция, несмотря на все свое доверие ко мне, долго не решалась печатать мои статьи, боясь, как бы я ее не „подвел". В конце-концов, близкий к ней член парламента поставил правительству запрос, действительно ли, как он слышал, между германским и британским правительствами происходят переговоры на такие-то темы, и правительство, необычайно рассерженное такой „индискретностью", все же вынуждено было признаться, что такие переговоры ведутся. Тогда появились мои статьи, от которых у публики, что-называется, захватило дыхание. Они были сейчас отмечены всей европейской прессой, и секрет перестал быть секретом. Так как мои статьи напечатаны были анонимно, то и секрет авторства их сейчас также перестает быть секретом.

Грей, тогдашний руководитель английской дипломатии, был связан обменом писем в смысле оказания Франции военной помощи в случае нужды, ничего не доказывает, кроме того, что Англия про себя решила ни при каких условиях не давать Францию в обиду, как это давно решила про себя Германия по отношению к Австрии. Такое же малое значение, как доказательство ее вины в данной обстановке, имеют ее давнишние попытки согласовать с Бельгией план дружественного десанта на ее территорию на случай войны с Германией, равно как и взятая ею предосторожность после австрийского ультиматума задержать на месте собравшийся для маневров флот. Все эти факты лишь доказывают, что англичане были предусмотрительнее немцев, которые оставались долгое время в блаженной невинности насчет истинного характера нависших событий и в прошлом так неумело вели свою политику, что дали Англии окружить себя противниками со всех сторон. Словом, для Англии также угроза войны явилась неприятным и маложеланным сюрпризом, и только тогда, когда, благодаря стараниям французов и русских, а также непроходимой глупости самого Грея, конфликт принял европейский характер, противодействие английской дипломатии стало ослабевать, а затем, по объявлении войны Германией России, она решительно стала на сторону союзников. Но если Англия и Германия, две главные противоборствующие силы, главы двух основных коалиций, не хотели и не искали войны, то как же все-таки она произошла? Если ограничиться дипломатической историей кризиса, вызванного австрийским ультиматумом, то нужно совершенно определенно сказать: виновниками войны были пуанкаристская Франция и царистская Россия, которые не только давно уже определенно и конкретно стремились и готовились к этой всеобщей войне, но и с самого начала решили использовать данное положение в виду того, что вновь восстановившаяся дружба между Англией и Германией грозила в дальнейшем разрушить всю антанту и тем сделать войну при участии Англии навсегда невозможной. Теперь или никогда—такой рисовалась Пуанкаре и Извольскому ситуация с того момента, как Англия и Германия стали успешно договариваться, и они решили: лучше теперь, чем никогда. Оттого Россия открыто высту-

пила на защиту Сербии, которую она же сама в течение долгих десятилетий предавала и продавала Австрии, и оттого Франция немедленно и открыто заявила, что она поддерживает Россию, хотя никакого столкновения с Германией не было.

Совершенно ясно, однако, что такая «дипломатическая» история, как она ни верна в своих собственных границах, все же не может объяснить такого огромного события, как мировая война. Как ни ловка была французская или русская дипломатия, завлекшая в свои сети как Германию, так и Англию, но она была бы бессильна повлиять даже на эти две державы, не говоря уже об остальном мире, если бы обстановка не была объективно к тому подготовлена. Вот в этой объективно-подготовленной обстановке и надлежит искать истинную «виновницу» войны. В чем же она заключалась? Она заключалась, прежде всего, в том, что международная атмосфера была насыщена небывалой еще в истории злобой и взаимной враждой, превзойденной лишь во время самой войны. Правда, новые отношения между Англией и Германией внесли в нее некоторое успокоение, которое в будущем могло сыграть крупную роль. Но они еще были свежи и не успели отвердеть, они еще не нашли себе поддержки в прессе [1]) и других органах общественности и вообще не вошли еще активным фактором в международные отношения. Что же лежало в основании этого взаимного ненавистничества? Гельферих указывает на злобу, которую вызывали у Англии экономические успехи Германии и ее морские сооружения. Но, ведь, эти успех и сооружения не помешали, в конце-концов, сближению между обеими странами и заключению крупнейшего соглашения, которое при благоприятных условиях могло бы совершенно изменить дипломатическую карту Европы? Другие немецкие авторы усматривают главную виновницу войны во Франции, которая, будто бы, сгорала жаждой реванша. Но, ведь, и это совершенно неверно, ибо был период,—конец девяностых и начало девятисотых годов, когда об Эльзасе и Лотарингии не только говорить перестали, как в свое время рекомендовал Гамбетта,

[1]) Соглашения были лишь парафированы и, кроме как в связи с моими статьями, не составляли еще предмета гласного обсуждения.

но и думать ленились. Еще накануне войны обширная и талантливая литература на французском языке,—достаточно указать на книги Бурдона и Самба—доказывала всю нелепость реванша при громком одобрении широких кругов общественности. А, ведь, к этому времени шовинистические страсти националистических кругов доходили уже до белого каления, и проповедь войны открыто раздавалась на всех парижских перекрестках!

Что же в таком случае лежало в основе того страшного озлобления, которое могло при первой искре зажечь всемирный пожар? Не что иное как финансово-колониальные соперничества главных капиталистических держав. Мы очень много говорим об империализме, но мало кто конкретно уясняет себе, как на деле все эти империалистические столкновения и соперничества происходят. А происходят они весьма просто. В 1899 году Англия помогает Германии получить у султана концессию на сооружение анатолийской ж. д. Так мало она ее тогда еще «ненавидит», несмотря на свирепую конкуренцию германской тяжелой промышленности не только на нейтральном, но и на собственном английском и вообще британском рынке и несмотря на развернутую тогда же Германией колоссальную судостроительную программу, что она отдает ей еще собственную ж. д. в Анатолии, и вплоть до 1902 года не перестает приставать к ней с предложениями союза. Еще в начале 1903 года Англия ничего не имеет против продления немцами анатолийских дорог в Месопотамию, на Багдад, к Персидскому заливу, и только просит себе доли участия в предприятии, как это полагается между честными грабителями чужого добра. Но тут-то негоциаторы наткнулись на затруднения. Сколько дать, сколько получать? Немцы предлагали столько-то процентов, англичане требовали себе столько-то. Стали спорить, упорно торговаться, торг перешел в ожесточение, и в один прекрасный апрельский день, три недели после того, как глава английского правительства, Бальфур, публично благословил германское начинание, тот же Бальфур делает в палате общин заявление, что германские условия неприемлемы, и что «Англия», т.-е. английские финансисты, отказывается иметь что-либо общее с багдадским железнодорожным проектом. Внимательный читатель англий-

ской прессы мог бы тогда в точности до одного дня установить, когда в этот трехнедельный промежуток произошел разрыв в переговорах между английскими и германскими банками: о нем сообщал в письме в редакцию «Таймса» известный тогда финансовый и политический деятель Гибсон Баульс, заявивший, что отныне английские банкиры будут бойкотировать германский проект и «посмотрят, как немцы справятся со своей задачей без них». И вот, для того, чтобы немцы действительно не справились со своей задачей, начинается во всей прессе бешеная травля против них: проект багдадской дороги получает характер определенной и заведомой угрозы против Индии, зараз припоминается и ярко расписывается германская экономическая «опасность», а еще больше опасность со стороны коварно задуманного и еще коварнее осуществляемого судостроительного плана, и, в конце-концов, Германия, кровь которой еще так недавно провозглашалась в Англии родственной английской (Чемберлэн), превратилась в исконного врага Англии. С этого момента,—так как германские банки не уступали,—общественное мнение Англии начинает обрабатываться систематически, злостно и с величайшим искусством против Германии; германская пресса и другие органы гласности отвечают той же монетой, и не проходит года, как уже обе стороны готовятся к войне: Англия заключает «антанту» с Францией, стягивает флот в Северное море, а Германия строит флот пуще прежнего, и кайзер уже провозглашает себя «адмиралом Атлантического океана». Вот откуда пошла вражда между Англией и Германией: от банкиров она перешла к промышленникам и купцам, а оттуда проникла во все слои населения, не исключая и рабочий класс. Изо дня в день газеты пичкали своих читателей былью и небылицей о Германии, о ее кайзере, о ее милитаризме, о ее конкуренции, и, в конце-концов, уже ни один человек в Англии не мог безнаказанно хорошо отозваться о ней.

Не иначе происходило дело в отношениях между Германией и Францией. Еще в 1901 году французские политики колебались, не стоит ли заключить союз с Германией против «коварного Альбиона», и, как уже упоминалось, ни о каком реванше не думали. Напротив, бойкотируемые Англией, гер-

манские банки нашли доступ к кассам французских банков и преспокойно перекачивали оттуда средства для своей экспансии в Передней Азии. Но и тут внезапно возникли недоразумения: подобно французскому королю Франциску I и германскому императору («священно-римской империи») Карлу V, которые, как известно, друг с другом были вполне согласны, ибо оба хотели Мец, потомкам их, финансистам и капиталистам Франции и Германии, вдруг захотелось Марокко, т.-е. марокканских железных руд со всем тем, что к ним in spe (в надежде) принадлежало: железные дороги, порты и пр. Пока в проявлении этих аппетитов участие принимала и Англия, французы и немцы охотно шли вместе и даже устроили несколько «смешанных обществ» для эксплоатации железных богатств. Но когда Англия повернула против Германии, французы с необычайным коварством заключили союз с коварным Альбионом, отдав ему свои «права» на Египет и получив за это исключительные права на Марокко. Немцы, которые не сумели проделать такой маневр, хотя англичане не раз предлагали или подобную сделку, страшно рассвирепели и устроили раньше скандал в Танжере, а затем еще больший в Агадире. Французам пришлось откупаться от них значительной ценой, но злоба между обеими странами возгорелась страшная. После 1911 года, после Агадира, у французов загорелась «национальная гордость» (под таким заглавием вышла тогда брошюра, имевшая колоссальный успех и изображавшая на обложке карту расчлененной Германии), вспомнились опять несчастные дщери, Эльзас и Лотарингия, оторванные от любимой и любящей семьи прусским насильником. Мильеран стал во главе военного ведомства и возобновил старые, времен империи, разводы солдат с музыкой; на место Кайо, искавшего финансового сотрудничества с Германией, министром иностранных дел стал Пуанкаре. С Греем был произведен обмен письмами о военном сотрудничестве. Пуанкаре съездил к царю и условился о необходимых мерах к войне, в виде постройки новых стратегических железных дорог в Польше, с одной стороны, и введения трехлетней военной службы—с другой,—словом, вопрос о войне с Германией был формально поставлен в порядок дня. И из-за чего? Из-за спора, кому принадлежит преимущественное право

эксплоатировать богатства Марокко: группе ли Шнейдер из Крезо и Комите де-Форж, или группе Маннесман и Гольцман с сыновьями из Франкфурта? Как поссорились банкиры Англии и Германии из-за багдадской дороги, так поссорились финансово-промышленные группы Германии и Франции из-за железных руд Марокко. И отсюда уже пошли все качества.

Если с этой точки зрения,—а она единственно историческая,—осветить вопрос о «виновниках» войны, то окажется, что таковыми были не правительства, и даже не те или иные конкретные капиталистические группы, а капитализм в целом, капитализм в той его фазе, которую мы условились называть империализмом. Бешеная борьба мощных капиталистических групп, сложившихся при условиях современного развития финансового капитала и техники, за сырье и за предприятия, необходимые для реализации этого сырья,—такова подоплека той обстановки, пропитанной клеветой и злобой и начиненной угрозой неслыханных вооружений, из которой по ничтожному поводу вырвалось пламя мировой войны. Карликовые усилия дипломатии, хлопочущей о сохранении мира, теряются перед лицом таких грозных сил, как трескотня кузнечиков теряется перед раскатом грома. Пусть германская или иная дипломатия не хотела и не искала войны: германский и другие империализмы делали все, чтобы создать войну, и это их «вина» перед судом трудящихся народных масс, которым пришлось и все еще приходится расплачиваться так жестоко за их ссоры. И хуже всего то, что эти ссоры после войны возобновились еще с большей силой на еще более широкой базе и грозят, если народы не восстанут и не свергнут иго капитала, еще более кровавой бойней.

Ф. Ротштейн.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Я далек от мысли написать историю мировой войны. Эта задача должна быть отложена до более спокойного времени, когда человечество сможет на известном расстоянии окинуть взором события мировой войны. Но я все же полагаю, что уже и сейчас я могу сказать и должен сказать кое-что,— и, может-быть, довольно важное,— в связи с историей мировой войны.

Моя личная судьба сложилась так, что я в течение ряда лет, косвенно или непосредственно, наблюдением или делом, принимал участие как в событиях, предшествовавших войне, которые то запутывали узел, то временно опять как-будто распутывали его, так, наконец, и в самых событиях войны.

Мир жаждет ясности; он хочет знать, каким образом все могло произойти, и должно ли было все произойти. Его суждение о лицах, учреждениях и событиях зависит от этой ясности; а это его суждение должно так или иначе повлиять на судьбу народов и народных групп, так как все это пока находится в периоде созидания. И я полагаю, что я должен, по мере сил, содействовать этому разъяснению минувших событий.

Однако, мое намерение при этом идет дальше простого желания обогатить литературу мемуаров. Моею целью является охватить всю совокупность событий в их главных взаимоотношениях и представить их так, как я их пережил лично, наблюдая или действуя. Особое внимание будет при этом уделено изложению фактов, и прежде всего тех событий, в которых я принимал непосредственное участие. В своем суждении, особенно в суждении о лицах, партиях, экономических группировках и классах я буду по возможности сдержан,

что, по-моему, является обязанностью каждого участника еще не завершившихся событий.

Мною руководило в этом труде искреннее стремление к правде. Поэтому я смею надеяться, что эти страницы будут способствовать восстановлению истины, которую так часто искажали и жестоко извращали, а тем самым оздоровлению обстановки и умов в Германии и созданию сносных отношений между народами.

Настоящий том рассматривает историю событий, подготовлявших мировую войну. Изложение самых событий мировой войны в существенных чертах уже закончено и сможет выйти в свет вскоре за этим первым томом.

Карл Гельферих.

Берлин, конец марта 1919 года.

Часть I.

От тройственного союза к тройственному соглашению.

ГЛАВА I.

Перегруппировка держав со времени ухода Бисмарка.

Бисмарк создал новую Пруссию, заложил фундамент могуществу Пруссии в Германии и построил Германскую империю рядом войн, которые, не будучи им вызваны, были все же политически продуманы им и подготовлены дипломатически в том направлении, что противник оказывался изолированным, и не была допущена ни одна враждебная коалиция, превосходящая силы Германии. После войны 1870—1871 годов и основания империи он, по собственному его выражению, очутился до такой степени во власти «кошмара коалиций», что этот кошмар не давал ему спать. Так же, как и Мольтке, предсказавший, что Германии предстоит лет 50 бороться за завоевания 1870 года, Бисмарк отдавал себе ясный отчет в том, что умиротворение побежденной и жестоко униженной в своей исконной национальной и военной гордости Франции окажется невозможным еще в течение многих десятилетий, и что в силу этого каждой другой великой державе, готовой на войну с Германией, наперед обеспечен союзник, которого не приходилось ценить слишком низко. Благодаря этому обстоятельству, Германской империи постоянно угрожала опасность возникновения враждебных коалиций, вследствие чего для нее с самого начала

создавались такие трудности, какие не осложняли политики никакого другого государства.

Известно, каким образом Бисмарку удалось преодолеть эти трудности. Уходя в отставку, он оставил нам группировку держав, которая в общих чертах может быть обрисована следующим образом.

Германия, Австро-Венгрия и Италия были объединены в тройственный союз, носивший оборонительный характер. Россия тайным перестраховочным договором удерживалась от всякого наступательного союза против Германии. Англия по общей ориентации своей политики была дружественно расположена к тройственному союзу и оставалась свободной от каких бы то ни было договорных обязательств.

Сам Бисмарк никогда не преувеличивал значения союзов и договоров. Никто не сознавал лучше его, что союзы и договоры, даже достаточно прочные при той конъюнктуре, при которой они были заключены, требуют еще для своей устойчивости согласованности действительных интересов договаривающихся сторон. Прежде всего, Бисмарк давал себе ясный отчет в относительной ценности участия в союзе Италии. С одной стороны, итальяно-австрийские противоречия не могли быть устранены совершенно: они только или сглаживались теми преимуществами, которые Италия получала в тройственном союзе, или отступали на задний план перед более острыми противоречиями между Италией и другими странами, особенно Францией. С другой стороны, свойства береговой линии Италии вынуждали ее, как это всегда признавал Бисмарк, искать морской защиты у Англии. Указанные предпосылки для спокойного участия Италии в тройственном союзе имелись налицо в 1890 году, когда Бисмарк вышел в отставку: разногласие между Италией и Францией, более всего вызванное упрочением Франции в Тунисе и до крайности обостренное жестокой таможенной войной, ослабило ирредентистские стремления, направленные против Австрии. Англия, являвшаяся противницей Франции на Средиземном море и в колониях и усматривавшая в русском территориальном расширении на Востоке угрозу своим интересам в Азии и прежде всего своему владычеству в Индии, считала еще тогда правильной политику сотрудничества с тройственным союзом,

несмотря на некоторые трения, вызванные позднейшими колониальными притязаниями Германии. Что касается России, то последствия берлинского конгресса, все усиливающиеся панславистские тенденции, распри с Австро-Венгрией из-за балканских вопросов и, наконец, недоверие Александра III к политике Бисмарка до того принизили значение возобновленного в 1887 году русско-германского перестраховочного договора, что опасность войны на два фронта стала серьезно грозить Германии уже в последние годы канцлерства Бисмарка.

Библиотека Института В. И. Ленина 283823

Оплот Германии против более могущественной враждебной коалиции в том виде, как он был оставлен в наследство Бисмарком, оказался до крайности непрочным. Залог его устойчивости заключался не в нем самом, и он покоился на весьма шатком фундаменте, прочность которого уже в те времена могла быть сохранена только благодаря неусыпному вниманию и неустанным заботам и должна была подвергнуться серьезной опасности при неизбежных последующих осложнениях.

Сейчас же после ухода Бисмарка система, созданная им и, в конце-концов, только им самим и державшаяся, стала рассыпаться.

За невозобновлением перестраховочного договора с Россией в 1890 году в скором времени последовало русско-французское соглашение (антанта), которое в своем дальнейшем развитии перешло в двойственный союз. В силу этого обстоятельства опасность войны на два фронта сделалась с начала девяностых годов прошлого столетия постоянной. Все попытки Германии в течение последующего времени ослабить русско-французский союз оставались безрезультатными.

Отношения с Англией были вначале еще хорошими. Договор 1890 года по поводу Гельголанда и Занзибара устранил разногласия между Германией и Англией по колониальным вопросам; меж тем, англо-французское колониальное соперничество продолжало существовать и в 1898 году, после неудачи Франции у Фашоды, достигло наивысшего напряжения. Еще больше значения имело то обстоятельство, что между Англией и Россией острые противоречия попрежнему сохраняли всю свою силу. При таких условиях Германия

могла рассчитывать, что осмотрительной политикой ей удастся предотвратить опасную коалицию—присоединение Англии к двойственному союзу, направленному против Германии и ее союзников.

Надежда эта, казалось, начала оправдываться после того, как в Англии улеглось возбуждение, вызванное пресловутой крюгеровской телеграммой (в январе 1896 года), и британское правительство, несмотря на тогда уже пробудившуюся торговую зависть, сделало попытку к решительному сближению с Германией. Такой выдающийся человек, как Джозеф Чемберлен, открыто высказался тогда за германо-англо-саксонский тройственный союз, в который должны были бы войти Германия, Великобритания с Ирландией и Соединенные Штаты Сев. Америки. Но эта попытка к сближению не нашла поддержки ни в немецком общественном мнении, которое в связи с бурской войной было очень враждебно настроено против Англии, ни в германском правительстве, желавшем сохранить свободу действий в отношении как Англии, так и России. Кульминационным пунктом этой его политики было заключение осенью 1900 года между Германией и Англией соглашения по поводу Китая (в Германии оно обыкновенно называется соглашением «по поводу Янцзы»). В нем обе державы взаимно обязывались держаться принципа открытых дверей и предусматривали согласованность действий на тот случай, если бы какая-нибудь третья держава захотела использовать беспорядки в Китае для достижения территориальных выгод. Соглашение это было понято международным общественным мнением, как объединение Германии с Англией для противовеса русским замыслам на Манчжурию. Но между германским и английским правительствами в понимании этого решающего пункта обнаружилось очень серьезное разногласие. Когда несколько месяцев спустя после заключения соглашения вопрос обострился вследствие выступления России, князь Бюлов заявил в рейхстаге, что германско-английское соглашение относительно Китая не касается Манчжурии, в чем уже во время самых переговоров о соглашении у английских государственных деятелей, будто бы, не могло оставаться никакого сомнения.

Вразрез с этим лорд Сольсбюри заявил в нижней палате,

что утверждение, будто Германия при переговорах исключила Манчжурию, не отвечает действительности. Таким образом, вышло, что вместо англо-германского сближения, направленного против России, получился в результате глубокий англо-германский разлад, вероятно, сильно повлиявший на дальнейшее течение событий; вместе с тем оказалось, что Германия прикрывает в тылу русскую дальневосточную политику, что было с радостью встречено Россией, но не вызвало с ее стороны никакой благодарности.

Дальнейший ход событий ознаменовался сближением между Англией и Францией, которое, после привлечения к нему союзника Французской республики — России, разрослось в тройственное согласие. Необходимо отметить, что уже летом 1903 года сэр Эдуард Грей, ставший потом министром иностранных дел, а тогда бывший представителем оппозиции, охарактеризовал попытку совместного выступления с Германией в восточно-азиатских вопросах как безусловную ошибку и сделал отсюда вывод о желательности сближения с Россией.

Во Франции некоторое время сильно чувствовалось унижение, испытанное в связи с Фашодой. Во время бурской войны общественное мнение Франции выступило против Англии, пожалуй, не менее горячо, чем это было в Германии. Однако, вскоре обнаружились силы, которые, исходя как-раз из унижения при Фашоде, пытались дать новое направление французской политике по отношению к Англии. Фашода показала, что, имея против себя Германию и Англию, Франция оказалась бы не в силах удержать свое положение великой державы. Старая жажда реванша по адресу Германии проявила себя в этот момент более сильной, чем новое озлобление против засилья Англии. Делькассе, в качестве министра иностранных дел, спокойно и настойчиво приступил к делу англо-французского сближения. В Англии он нашел благоприятную почву. Там окончательно оставили надежду приобрести в лице Германии орудие против России; зависть к Германии на торговом поприще росла из года в год вместе с развитием немецких экономических сил, особенно немецкой внешней торговли, немецких предприятий за границей и немецкого коммерческого флота. Увеличение немецкого военного флота, находившее себе оправдание в усилении внеш-

ней торговли и в росте коммерческого флота, вызывало все большее и большее беспокойство. К тому же, по смерти королевы Виктории, в январе 1901 года на английский престол вступил Эдуард VII.

Сближение между Францией и Англией открыто обнаружилось перед всем миром в соглашении, подписанном 8-го апреля 1904 года и касавшемся, на-ряду с многими текущими колониальными вопросами, также и вопроса о Марокко и Египте. Поскольку дело шло о Марокко, этот дипломатический шаг был и по существу и по форме направлен против Германии. Оставив без внимания значительные немецкие интересы в Марокко (в позднее опубликованном тайном соглашении это еще очевиднее, чем в открытом договоре) и подписанную Германией мадридскую конвенцию 1880 года, Франция и Англия удовлетворили в то же время четвертую из наиболее заинтересованных держав—Испанию и сделали ее в открытом и тайном соглашении от 7-го октября 1904 года участницей их шага. Они обошли немецкие права и интересы, даже не известив германское правительство в официальном порядке о соглашении, столь близко касавшемся Германии. Германское правительство проявило сначала удивительную сдержанность. И только когда Франция приступила к фактическим мероприятиям в Марокко, являвшимся резким нарушением суверенитета мароккского султана и немецких прав, основанных на мадридской конвенции, Германия, через посещение императором Вильгельмом Танжера, ясно дала почувствовать, что она не позволит совершенно не считаться с ней. Шаг этот внес ясность в положение. Делькассе, решительно выступивший за отклонение бесспорно законного требования о международном разрешении мароккского вопроса, ранее разрешенного мадридской конвенцией в международном же порядке, имел возможность сослаться во французском совете министров на обещание не только дипломатической, но и военной поддержки против Германии со стороны Англии [1]). Если же дело все-таки не дошло до войны

[1]) Бельгийский посланник в Лондоне Гроотвен доносил тогда своему правительству, что сэр Эдуард Грей повторял при различных обстоятельствах аккредитованным в Лондоне послам, что Англия в мароккском вопросе связана с Францией, и что она до конца выполнит свои обязательства даже в случае германо-французской войны и невзирая ни на какие опасности.

между новой англо-французской коалицией и Германской империей, если Франция приняла, в конце-концов, предложение Германии о разрешении мароккского вопроса на новой международной конференции и принудила к отставке решившегося на войну Делькассе, то все это объясняется отнюдь не миролюбием английского правительства или тем, что Франция сама образумилась, а исключительно неподготовленностью французской армии, признанной французским военным министром, а также ослаблением России вследствие русско-японской войны и внутренних беспорядков.

Алжесирасская конференция, созыв которой был формальным успехом немецкой политики, а ход и результаты — плохо скрытым фактическим провалом ее, только подтвердила наличие англо-французского соглашения, определенно направленного против Германии. Она обнаружила далее, что Россия, несмотря на неоказание ей помощи ее союзницей Францией и дружественное поведение Германии во время русско-японской войны, попрежнему твердо стояла на стороне союзной Франции; что, во всяком случае, в этом вопросе, как касающемся Средиземного моря, Германии нечего рассчитывать на поддержку Италии против Франции, и что даже Австро-Венгрия, не затронутая здесь непосредственно в своих собственных интересах, является ненадежным другом.

Мы знаем теперь из той обширной речи, которую сэр Эдуард Грей произнес 3-го августа 1914 года в нижней палате, за день до вступления Англии в войну, что уже тогда, во время первого мароккского кризиса, англо-французская антанта носила военный характер. В ответ на желание французского посла сэр Эдуард Грей согласился устраивать через определенные промежутки времени совместные совещания начальников военного и морского штабов обеих сторон для выработки общего плана кампании против Германии. С формальной стороны свобода решения сохранялась до того случая, который имелся в виду при этих совместных совещаниях. Но то, с чем при этом приходилось считаться фактически, сэр Эдуард Грей изложил 3-го августа 1914 года в нижней палате. Он заявил тогда, что соглашение создало для Англии моральное обязательство помочь Франции. Он прибавил, что, в согласии с совместно выработанным условным планом кам-

пании, Франция должна сконцентрировать свой флот в Средиземном море и таким образом оставить свои западные и северные берега незащищенными, т.-е. предоставить их защиту английскому флоту.

Соглашение между сэром Эдуардом Греем и французским послом по поводу совместной работы генерального и морского штабов обеих сторон было сперва только устным. В Англии о нем было своевременно сообщено лишь министру-президенту сэру Генри Кемпбелль-Баннерману, лорду Холдену и Асквиту. Что же касается всего кабинета министров, то он был поставлен в известность об этом, как признался сэр Эдуард Грей, «значительно позднее»,—надо думать, во время марокканского кризиса 1911 года. На бумаге, в форме обмена письмами между сэром Эдуардом Греем и Полем Камбоном, соглашение было оформлено только 22-го ноября 1912 года. Английский парламент впервые услышал о нем 3-го августа 1914 года, когда вступление Англии в войну на основании этого соглашения сделалось уже неминуемым.

Следовательно, англо-французская комбинация, получившая реальное осуществление в июле—августе 1914 года, относится уже к рубежу 1905 и 1906 годов. Совместная военная работа была сейчас же распространена и на Бельгию. Ссылаясь на наличие военной опасности и угрозы для бельгийского нейтралитета, английский военный атташе предложил в Брюсселе в январе 1906 года начальнику бельгийского генерального штаба завязать с ним военные и секретные переговоры в роде тех, какие были начаты между Англией и Францией. Основу переговоров, на которые начальник бельгийского генерального штаба безоговорочно согласился, составлял предусмотренный английским военным атташе для определенного случая десант английского экспедиционного корпуса и его проход через Бельгию. Совместные действия этого экспедиционного корпуса с бельгийской армией были подробно разработаны в течение дальнейших переговоров [1]).

---

[1]) Что эти односторонние совещания с одной определенной группой держав были серьезным нарушением бельгийского нейтралитета,—этого не приходится оспаривать. Ссылка на то, что соглашение, достигнутое на этих совещаниях, должно было вступить в силу только в случае нарушения бельгийского нейтралитета Германией, не является достаточно веской. Самые совещания

Россия, союзница Франции, доставляла много забот Англии в последние десятилетия, пока англичане не усмотрели своего наиболее опасного противника в Германии. И в самом деле, Россия была единственной державой, способной угрожать мировому владычеству Англии на суше. Полная несовместимость английских и русских стремлений в течение долгого времени принималась за политическую аксиому. Самое отношение Англии к Германии значительно обусловливалось до начала нового века желанием Англии использовать Германию в качестве противовеса против России.

В 1900 году желание это было окончательно признано невыполнимым. Но в то время британская политика имела уже в виду другой противовес против России — Японию. 30-го января 1902 года был подписан англо-японский союз. Два года спустя разразилась русско-японская война, закончившаяся поражением России и крушением ее дальне-восточной политики.

Как в свое время Фашода подготовила Францию к союзу с Англией, так теперь неудачный исход дальневосточной войны подготовил к этому союзу и Россию. Замыслы России, опасные для английской мировой империи, были так основательно подорваны на будущее время, что соглашение теперь оказалось возможным. Вследствие ослабления России Германия сделалась для Англии врагом, не имеющим уже себе конкурента. И как несколько лет назад Англия стремилась направить немецкий меч против России, так теперь она стремилась перетянуть на свою сторону Россию с целью разделаться с Германией. Уже в сентябре 1905 года графу Витте, возвращавшемуся с мирных переговоров в Портсмуте, был предложен в Париже проект договора, выработанный королем Эдуардом и русским послом в Лондоне. Витте проявил сдержанность. Но два года спустя, 31-го августа 1907 года, в Петербурге между тогдашним министром иностранных дел

должны были дать одной стороне глубокое и ценное знакомство с военными средствами Бельгии, которого не давалось другой стороне. Кроме того, позднее, 23-го апреля 1912 года, британский военный атташе заявил начальнику бельгийского генерального штаба, что английское правительство безусловно предприняло бы десант в Бельгии во время последнего кризиса (марокканский кризис 1911 года), даже и в том случае, если бы Бельгия не потребовала помощи.

Извольским и английским послом был заключен договор, приблизительно соответствующий предложенному раньше проекту и разграничивающий сферу влияния обеих сторон в Персии, в Персидском заливе, Тибете и Афганистане. Таким путем были устранены давнишние и опасные трения между обеими великими державами и расчищена дорога для считавшегося до сих пор невозможным сотрудничества «слона с китом». Параллельно с этим давление России, для которой исход войны с Японией закрыл Дальний Восток, переносилось отныне из Средней Азии на Балканы и Турцию.

Меньше, чем через год, в июне 1908 года, король Эдуард имел свидание с царем Николаем в Ревеле. Всему миру было известно, что свидание это, вызвавшее величайшую сенсацию, имело целью рассмотрение вопросов Ближнего Востока и прежде всего вопроса македонского. Таким образом, русско-английская антанта вступила в область, которая, в противоположность договору 1907 года, касавшемуся Средней Азии, затрогивала немецкие и, главным образом, австро-венгерские интересы огромного значения.

С тех пор можно было уже с полным правом говорить о тройственном согласии. Что означала собою эта новая комбинация,—выражается лучше всего словами бельгийского посланника в Берлине, барона Грейндля:

«Тройственный союз в течение тридцати лет являлся гарантией всеобщего мира, так как во главе его стояла Германия, удовлетворявшаяся политической группировкой Европы. Новая группировка является угрозой миру, так как в нее входят державы, стремящиеся к пересмотру status quo» [1]).

Но объединением трех великих держав—Франции, России и Англии—еще далеко не исчерпывалась новая группировка держав. Под влиянием указанных международных событий сильно расшатывалась и созданная немцами союзная система, поскольку дело касалось Италии.

Я уже сказал, ссылаясь на Бисмарка, в какой сильной степени позиция Италии в тройственном союзе находилась в зависимости от ее отношения к Англии. Пока Англия со-

---

[1]) Сообщение от 22-го июня 1907 года. Status quo — существующее положение вещей (в политическом смысле).

храняла хорошее отношение к тройственному союзу, Италия могла себя чувствовать в нем спокойной. Но чем сильнее становилось противоречие между Англией и главной державой тройственного союза, тем сильнее должен был делаться для Италии искус другой ориентации, и тем меньшую цену представлял союз при серьезном конфликте, даже если бы Италия и оставалась в нем. К этому присоединилось еще и то, что факторы, вызывавшие трения между Италией и Францей, отступили на задний план.

Долго длившаяся таможенная война между обеими странами закончилась в 1898 году заключением торгового договора. Воспоминания о Тунисе померкли; с почти уже двадцатилетним французским протекторатом над Тунисом примирились тем легче, что теперь не только от Англии, но и от Франции были получены заверения относительно Триполи, представлявшиеся известной компенсацией за Тунис (объяснения, данные министром Каневаро весной 1899 года). Правда, тройственный союз был возобновлен в 1902 году без изменений; но возобновление его, как заявил тогда в рейхстаге князь Бюлов, состоялось не без затруднений. Перед его возобновлением рейхсканцлер высказал в рейхстаге мысль, что тройственный союз больше уже не является безусловной необходимостью; а после возобновления итальянский министр-президент Рудини заявил в итальянской палате, что после соглашения с Францией по вопросам Средиземного моря уже потеряла свое значение та забота, которая в свое время была решающим моментом для вступления Италии в тройственный союз. Если же Рудини в той же речи заявил, что благодаря тройственному союзу Италия в праве считать себя застрахованной на Балканах от комбинаций без ведома Италии или в ущерб ей, то это указывало на возможность новых трений между Италией и Австро-Венгрией на этой опасной почве,—трений, для устранения которых и были приложены усилия, в данный момент увенчавшиеся успехом. Осенью 1903 года король Виктор-Эммануил говорил во время своего посещения Парижа о «счастливо завершенном деле сближения» между Францией и Италией. Результаты этого дали себя почувствовать на алжесирасской конференции.

Для полноты картины необходимо сказать еще несколько

слов о взаимоотношениях Германии с Японией и Соединенными Штатами Сев. Америки.

Отношения между Германией и пробуждающейся империей Восходящего солнца были хорошими до вмешательства Германии после шимоносекского мира, завершившего в 1895 году китайско-японскую войну. Совместно с Россией и Францией Германия настояла тогда на отказе Японии от уступленного ей по мирному договору Ляодунского полуострова. Вмешательство оставило по себе в Японии глубокую обиду. Участие Германии в этом выступлении было вызвано желанием до некоторой степени ослабить двойственное соглашение и улучшить отношения с Россией, которые сделались натянутыми после невозобновления перестраховочного договора, после явных попыток Германии достигнуть дружеского соглашения с Англией и заключения франко-русского союза.

Но Германия жестоко поплатилась за эту попытку, поскольку дело касалось ее отношений к Японии, да и цели своей достигла лишь отчасти и притом временно. Занятие Германией в конце 1897 года Киао-Чао, за которым вскоре последовало занятие Россией Порт-Артура на южной оконечности обратно отобранного у Японии Ляодунского полуострова и занятие Англией Вей-Хай-Вея не способствовало улучшению взаимоотношений между Германией и Японией. Занятие Германией Киао-Чао, произведенное с прямого согласия России, на основании их совместного выступления в 1885 году, явилось для японцев постоянным напоминанием о чувствительном для них вмешательстве Германии после шимоносекского мира.

30-го января 1902 года был заключен в Лондоне союзный договор между Англией и Японией. После русско-японской войны и англо-русского соглашения Англия с успехом начала работать над новым сближением между обоими противниками. Таким образом, Япония оказалась включенной в систему тройственного согласия.

Соединенные Штаты до войны никогда не обнаруживали склонности вмешиваться в вопросы европейской политики. Во время испано-американской войны между начальниками американской и немецкой эскадр произошли у Филиппинских островов недоразумения, незначительные по

существу, но очень враждебно настроившие против Германии американскую прессу. Разногласия по поводу островов Самоа были устранены соглашением 1899 года. Венецуэльский вопрос (1902—1903 годы), в котором Германия выступала совместно с Англией, обнаружил еще раз сильную предвзятость американской прессы и общественной мысли в отношении Германии, которой без малейшего основания были приписаны всевозможные нелепые планы территориальных захватов на американской почве. Не преминули обнаружиться и торгово-политические противоречия. Действительные причины всех этих трений были совершенно ничтожными, и в Германии настойчиво и не без успеха работали над тем, чтобы создать в Америке более верное представление о немецком нраве и немецкой политике. Однако, все возникшие в Германии мысли о создании для нее, в лице Соединенных Штатов, серьезного противовеса против угрозы со стороны Великобритании и связанных с нею держав принадлежали к области самой беспочвенной фантазии. Для каждого знающего Америку было очевидно, что в случае мирового осложнения все симпатии Америки, несмотря на всю силу немецко-американских связей, оказались бы на стороне Англии или Франции, и что в лучшем случае Германия могла бы рассчитывать на неособенно благожелательный нейтралитет.

Так сложилась группировка держав в 1908 году, когда уже начали надвигаться роковые тучи. События, последовавшие за тем,—боснийский кризис 1908—1909 годов, марокканский кризис 1911 года, турецко-итальянская война, обе балканские войны,—являются уже непосредственными предвестниками мировой войны.

Если к моменту отставки Бисмарка положение Германии между великими державами обеспечивалось и помимо тройственного союза, благодаря сделавшемуся, правда, непрочным перестраховочному договору с Россией и хорошим отношениям с Англией, и если грезившей о реванше Франции тогда еще не удалось приобрести себе верного союзника, то к концу канцлерства Бюлова в лице тройственного согласия образовалась сильная группа держав, определенно направленная против Германии и Австро-Венгрии, близкая вдобавок к Японии через союз последней с Англией, да и с Италией

пришедшая в важнейших пунктах к соглашению. Тройственный союз оказался изолированным, а поскольку дело касалось Италии, подкопанным снизу. Бисмарковский «кошмар коалиций» стал действительностью. С этих пор Германии пришлось считаться с тем, что при каждом серьезном конфликте с одной из великих держав, с которыми вообще был мыслим серьезный конфликт, она увидит себя лицом к лицу с сильной коалицией.

ГЛАВА II.

Движущие силы.

Напрашивается вопрос: как могло это произойти? Явилось ли это только результатом более ловкой дипломатии противников Германии, давшей им возможность лишить последнюю крупных в этой игре фигур и усилить собственную игру, или же поток событий был направлен по этому руслу основными силами жизни народов?

Лично я готов, не колеблясь, признать за противной стороной, особенно за англичанами, бо́льшую дипломатическую ловкость и превосходство их политики. Их государственные деятели особенно постигли основное искусство политики — подчинять главной линии своей политики противные ей интересы и чувства, и притом даже такие, которые сами по себе имеют серьезное значение.

Я напомню о поведении Франции после Фашоды, о принесении Англией в жертву собственных очень серьезных интересов в Марокко ради привлечения на свою сторону Франции и в Средней Азии — ради привлечения России. Нашим немецким государственным деятелям не удавалось в той же мере и так же своевременно устранять трения с государствами, которые вовсе не неизбежно должны были становиться нашими врагами. В виду неизбежности (которую предвидел и я) обострения наших отношений с Англией и неизбежного влияния этого обострения на самую основу нашей самозащиты — на тройственный союз, нам надлежало заблаговременно, даже ценою больших жертв, создать для

себя достаточные обеспечения. Но политика наша была «политикой отсутствующих противовесов».

Я напомню о Японии, которую мы через свое вмешательство после шимоносекского мира сделали своим врагом, и для которой занятие нами Киао-Чао, в непосредственном соседстве с ней, служило прямым вызовом при всяком военном осложнении. Я даже решаюсь утверждать, что без территориального захвата нами Киао-Чао (наши портовые и железнодорожные предприятия в Турции доказали, в какой мере широкие экономические цели могут достигаться и без территориальных захватов) Япония никогда бы не выступила активно против нас; равным образом я убежден, что Турция была бы не нашим союзником, а нашим врагом в мировой войне, если бы мы воспользовались каким-нибудь случаем и сделали попытку территориального захвата хотя бы Хайдар-Паши или Александретты. Это является моим убеждением не только со времени мировой войны. Я припоминаю, что уже в 1904 году, будучи молодым сотрудником колониального отдела министерства иностранных дел, я изложил князю Бюлову свою точку зрения, доказывая, что наши рассеянные по свету колониальные владения, а особенно Киао-Чао, в острый момент окажутся для нас не опорными пунктами, а источником трений и слабости.

Сюда следует присоединить и известную неуклюжесть и резкость нашей дипломатической тактики и формы выражения наших мыслей и чувств, которые за границей частью воспринимались неправильно, а частью давали оружие против нас же. В виде примера укажу на наше поведение на гаагской мирной конференции в 1907 г. Руководители немецкой политики и немецкий народ были проникнуты, по меньшей мере, такими же стремлениями к миру, как и руководители английской политики и английский народ или как кто бы то ни был вообще. Но Англия, рука-об-руку с Испанией и Соединенными Штатами, появилась в белом одеянии ангела мира, предложив включить в программу конференции вопрос о сокращении вооружений; напротив, Германия выступила в железном одеянии бога войны со своим протестом против этого предложения. Я согласен с князем Бюловым, что дискуссия по вопросу о разоружении, за отсутствием практиче-

ских предложений и в виду лежащих в самом существе дела трудностей, не могла привести к практическим результатам. Более того: я считаю вероятным, что Англией руководила задняя мысль — раз навсегда закрепить за собой в международно-правовом порядке превосходство своего морского вооружения и, без дальнейших усилий и денежных затрат, держать в тесных границах каждую восходящую морскую державу и прежде всего Германию. Но именно потому-то и было бы более правильной тактикой предоставить англичанам формулировать предложения, неприемлемые не для одной только Германии, вместо того, чтобы объявлять наперед: «Мы не можем принимать участия в дискуссии, которая, по нашему убеждению, является если не сомнительной, то, во всяком случае, лишенной практического смысла» [1]).

Сюда же относятся и те часто пышные и громкие слова, в которых мы любили выказывать свое стремление к миру через резкое подчеркивание своей готовности к войне. Нами руководило желание не допустить Германию с ее географическим положением в центре Европы стать полем битвы для других народов, как было в отдаленном прошлом, и мы путем создания сильной армии сделали соответствующие выводы из истории. Это было правильно. Но было неумно постоянно «держать меч в зубах» и давать тем самым возможность нашим врагам за границей выставлять перед их общественным мнением самый миролюбивый народ и самого миролюбивого в свете монарха как одержимых демоном войны. Таким путем мы помогли созданию мифа о наших воинственных замыслах и возникновению международного настроения, которое дало направленной против нас коалиции массово-психологическую подоснову.

Но к подобной перемене в отношениях между народами, происшедшей в течение двух десятилетий со времени ухода Бисмарка и перевернувшей до основания весь мир, не могла бы привести самая совершенная государственная мудрость и величайшее политическое искусство, если бы мощные двигательные силы, направляющие развитие отдельных народов, не создали для нее подходящей почвы.

---

[1]) Слова князя Бюлова из его речи в рейхстаге 30-го апреля 1907 года.

Обзор важнейших двигательных сил, направлявших развитие народов, которые принимали участие в мировой войне, дает в общих чертах следующую картину.

Германская империя и Австро-Венгрия являлись державами «политически насыщенными». В Европе обе эти державы не имели никаких стремлений к расширению: целью их было сохранение status quo. Колониальные устремления Германии разрешались мирным путем. Не считая подавления происходивших временами восстаний туземцев, Германия не вела никаких войн из-за своих колоний. Вследствие ее колониального расширения у ней иной раз возникали распри с конкурирующими на колониальном поприще державами; однако, если не считать марокканского конфликта, имевшего свои особые причины, они никогда не имели важного значения для мировой политики и даже в отдаленной степени никогда не приводили к опасности военных осложнений.

Деятельное участие Австро-Венгрии в балканских делах было свободно от территориальных вожделений и направлялось исключительно на сохранение и укрепление status quo. То же приходится сказать и об отношениях обоих государств к Турции.

Сообразно с этим, союз обоих государств преследовал с самого начала исключительно только цели самосохранения и самозащиты; соглашений, касавшихся хищнических войн или распределения добычи, в нем не было.

Иначе дело обстояло у держав враждебной группы. Политика Франции со времени войны 1870—1871 года в первую очередь диктовалась неутолимой жаждой реванша за 1870 год и желанием получить обратно Эльзас-Лотарингию. Все прочие соображения и интересы, как бы они ни были сами по себе важны, в течение всех 43 лет от франкфуртского мира и до начала мировой войны подчинялись одной лишь этой цели. Осуществить ее можно было не иначе, как путем нападения и завоевания. Сама по себе Франция была слишком слаба по сравнению с Германией, превосходившей ее количеством населения и заметно усиливавшейся из года в год. Потому она нуждалась в коалиции, искала ее и представляла собой безусловно верного

сообщника всякой мыслимой коалиции, направленной против Германии.

На колониальном поприще Германия не ставила никаких препятствий сильному стремлению Франции к колониальному расширению. Напротив, отличительной чертой политики Бисмарка была поддержка колониальных устремлений Франции с целью отвлечь ее от идеи реванша и вогезской «дыры» и предоставить ее неиспользованным силам поле действия вне Европы. Вот почему после войны 1870—1871 года Франции с ее ничтожным приростом населения и слабым экономическим развитием удалось, при благожелательном попустительстве Германии, создать в Африке и восточной Азии огромную колониальную империю, в то время как Германии, вопреки значительному избытку населения и потребности в экономическом расширении, пришлось удовлетвориться очень маленькой долей колониального мира.

Из числа колониальных вопросов один только марокканский вопрос дал повод к серьезным трениям между Германией и Францией. Но даже и здесь трения и опасность войны возникли не потому, что Германия замышляла территориальные приобретения, но исключительно потому, что Франция стремилась присоединить к себе Марокко, совершенно не принимая во внимание наличия там значительных немецких интересов и, вообще, не считаясь с Германией. Франция и здесь вела наступательную и захватную политику, между тем как Германия стояла исключительно на почве установленного международным договором status quo. И в дальнейшем целью немецкой политики было разрешить марокканский вопрос помимо войны, чего она и достигла договором, заключенным в ноябре 1911 года.

Позиция Россиии в отношении к тройственному союзу меньше всего зависела от вопросов, касавшихся непосредственно Германии и России, но почти исключительно от отношения между Россией и Австро-Венгрией, главным образом, в связи с балканскими вопросами. Германия никогда не ставила препятствий сильным стремлениям России к расширению на Востоке. Напротив, она участвовала в интервенции после шимоносекского мира, предпринятой, главным образом, в русских интересах, чем навлекла на себя вражду Японии.

Позднее она отказала Англии в участии, на основании соглашения 1900 года, в выступлении против замыслов России в Манчжурии; а это, несомненно, очень способствовало окончательному охлаждению Англии к Германии и англо-французскому сближению. Наконец, во время русско-японской войны она проявила в отношении России гораздо более благожелательный нейтралитет, чем ее французский союзник. Также и в Средней Азии Германия никогда не причиняла русским ни малейших затруднений. Что же касается Австро-Венгрии, то она, вообще, никогда не была заинтересована во всех этих вопросах.

Зато тяготение России к Константинополю и Балканам создавало в высшей степени опасную возможность конфликтов. Исход японской войны и соглашение с Англией по вопросам Средней Азии в 1907 году отвлекли замыслы России относительно территориального расширения от Дальнего и Среднего Востока; именно с этих пор панславистский пыл с особенной силой устремился на Ближний Восток и стал вызывать там потрясения, не только ставившие под угрозу равновесие на Балканах, но и непосредственно угрожавшие целости Австро-венгерской монархии в ее юго-славских областях. Чем больше неблагоприятное для Германии развитие группировки держав связывало Германию союзом с Австро-Венгрией, тем больше сохранение Дунайской монархии должно было предоставляться немецкой политике жизненным интересом для Германии, и тем сильнее становилась опасность, что русская политика на Балканах приведет к неизмеримо важным осложнениям. Поэтому-то в конечном итоге подготовилась мировая война и вспыхнула как-раз на балканской почве.

По сравнению с русскими планами на Балканах, непосредственно затрогивавшими интересы Австро-Венгрии, виды России на Константинополь и на остальную Турцию имели второстепенное значение с точки зрения возможности конфликтов. Правда, с конца 80-х годов прошлого столетия Германия проявила большую заинтересованность в Турции, основав там крупные предприятия и создав дружеские отношения с Турецкой империей; но так как Россия со времени берлинского конгресса не обнаруживала непосредственных замыслов на турецкую территорию, то трения на почве русских

и немецких вожделений в Турции, поскольку они выступали наружу, в сущности ограничивались второстепенными вопросами, никогда не обострявшимися до кризиса. Но все же, чем обширнее становились немецкие интересы в Турции, чем больше Германия выступала в роли покровительницы Турции, тем больше в России привыкали уже не в Англии, а в Германии усматривать главное препятствие к выполнению завещания Петра Великого, и тем легче русское общественное мнение проникалось убеждением, что путь в Константинополь ведет не только через Вену, но и через Берлин.

Италия, сотоварищ Германии в тройственном союзе, тоже не была свободна от стремлений к территориальному расширению, способных дать повод к конфликтам. Мне не приходится останавливаться на направленных против Австрии ирредентистских стремлениях Италии; за все время существования тройственного союза они поневоле приносились в жертву более важным интересам, неизменно тая в себе, однако, скрытую опасность.

Позже, вслед за присвоением Францией Туниса, Италия остановила свои взоры на турецком Триполи, и это вожделение, по меньшей мере, должно было сильно осложнить дружеские отношения немецкого союзника к Турции.

Англия с ее грандиозными колониальными владениями не имела с немцами за все годы их колониальной политики никаких территориальных разногласий, которые могли бы стать критическими. Немцы не ставили Англии никаких препятствий при создании ею колониальной империи; наоборот, на широком базисе столковались с ней относительно африканских и полинезийских колоний.

В Египте,—стране столь важной для британской мировой империи,—немцы тоже предоставили Англии свободу действий. Во время бурской войны, несмотря на сильное возбуждение немецкого общественного мнения против Англии, имперское правительство соблюдало весьма корректный нейтралитет. Много раз Англия сходилась с Германией в вопросах сохранения status quo и открытых дверей. Во всяком случае, наступательные или завоевательные замыслы Германии ни в одном уголке мира не угрожали и Англии.

Зато германские отношения с Англией заключали в себе

другой взрывчатый материал, оказавшийся роковым. Германия проявила на экономическом поприще стремление к расширению, в котором Англия стала все более и более усматривать серьезную угрозу для своего промышленного и торгового преобладания, а следовательно, и вообще угрозу своему мировому могуществу.

Политическое объединение Германии и обеспечение ее положения среди народов устранили препятствие, до тех пор тормозившее развитие немецкого хозяйства. Сильный рост немецкого населения и еще большее увеличение товарного производства подняли экономическую силу Германии и направили ее на путь товарообмена с заграничными странами, на путь работы за границей. В развитии важнейших отраслей промышленности, развитии внешней торговли и торгового флота немцы побили рекорд среди народов всего мира. В производстве чугуна, которое еще в середине 80-х годов прошлого столетия составляло лишь половину производства Англии, в 1903 году Германия впервые обогнала Англию на десять миллионов тонн, а в последний довоенный год ее производство почти вдвое превышало английское. В добыче каменного угля Германия перед войною почти достигла цыфр, которыми гордилась Англия. По вывозу товаров она тоже сильно соперничала с Англией; ее вывоз в страны, не принадлежащие к Британской империи, даже значительно превосходил вывоз Англии в те же страны. Тоннаж германского торгового флота с середины 80-х годов прошлого столетия увеличился почти в шесть раз. В ряду торговых флотов мира Германия достигла второго места,—правда, все еще далеко отставая от Англии. Работоспособность германского флота стояла вне конкуренции. Во всех частях света все больше и больше проявляла себя немецкая предприимчивость; она отваживалась уже на предприятия мирового масштаба, например, на предприятия по сооружению железных дорог и портов, считавшиеся до того времени исключительным достоянием Англии и, пожалуй, еще Франции.

То было мирное соревнование, применение естественного права народов к работе и пользованию ее плодами. И однако же, успех этого мирного соревнования Германии на рынках мира оказался решающим фактором в установлении полити-

ческих взаимоотношений между Германией и Англией и образовании, в силу этих отношений, мировой коалиции, направленной против Германии. Опираясь на чрезвычайно могущественные средства в области мировой политики, обладая обширнейшей в мире колониальной империей, безусловно сильнейшим флотом и опорными пунктами, господствующими над морскими путями, Англия почувствовала искушение сохранить свое мировое экономическое положение, потрясенное соперничеством Германии, при помощи тех же насильственным средств, какими она создала его.

Экономический подъем Германии, начиная с середины 90-х годов, вызывал сильную и постоянно возраставшую тревогу в коммерческих и политических кругах Англии. Клеймо: «made in Germany» [1]) не достигало своей цели; больше того, оно сделалось своего рода показателем роста немецких достижений на поприще промышленности и торговли. Видные государственные деятели, распространенные и влиятельные газеты и журналы указывали, предостерегая и увещевая, на немецкую опасность. Уже давно лорд Розбери охарактеризовал Германиию как самого опасного соперника Британии: «Нам угрожает страшный противник, который гложет нас, как море гложет рыхлые берега. Торговля Соединенного королевства сокращается беспрерывно, и то, что она теряет, приобретает главным образом Германия». Но если лорд Розбери имел еще прежде всего в виду вдохновить своих соотечественников на борьбу с немецкой конкуренцией путем подражания немецкой подвижности, немецкой технической выучке и организованности, то вскоре послышались уже голоса, которые, ссылаясь на историю и традиции Великобритании, недвумысленно потребовали, чтобы на весы экономического соревнования был брошен меч. «Saturday Rewiew» («Субботнее обозрение») писало уже в августе 1895 года: «И прежде всего вот что: мы, англичане, расправлялись до сих пор на поле брани с нашими соперниками в торговле; сейчас наш главный соперник в торговле не Франция, а Германия. В случае войны с Германией мы безусловно могли бы легко выиграть, ничего не потерявши,

---

[1]) Сделано в Германии.

меж тем как в войне с Францией, каков бы ни был ее исход, мы безусловно понесли бы тяжкие потери».

Сознательно или безсознательно, высказанная или невысказанная, но эта мысль стала с тех пор влиять на английскую политику.

В сентябре 1897 года «Saturday Rewiew» писало по поводу одной заметки, приписанной газетою «Times» Бисмарку:

«Бисмарк давно понял то, что теперь начинает сознавать и английский народ, именно, что в Европе существуют две большие непримиримо борющиеся между собой силы, две большие нации, превращающие весь земной шар в свои владения и намеревающиеся взимать с него торговую подать: Англия, с ее длинной историей удачных наступательных войн, с ее чудесной верой в то, что преследованием своих собственных интересов она одновременно приносит свет народам, живущим во тьме, и Германия, кровь от той же крови и плоть от той же плоти, обладающая меньшей силой воли, но, быть-может, более острым интеллектом,—в каждом уголке земного шара вступают между собой в соперничество. В Трансваале, у мыса Капа, в Средней Африке, в Индии, в Восточной Азии, на островах Тихого океана и в далеком Северо-западе, всюду, где флаг последовал за библией и торговля за флагом, немецкий коммивояжер ведет борьбу с английским купцом. Всюду, где только речь идет об эксплоатации рудника или постройке железной дороге, об обращении туземца от плодов хлебного дерева к консервированному мясу, от воздержания к водке, там немец и англичанин стремятся вытеснить один другого. Миллион мелких трений создает повод к величайшей, какие только были когда-либо в мире, войне. Если бы Германия оказалась назавтра стертой с лица земли, то послезавтра во всем свете не было бы англичанина, который не стал бы богаче вследствие того. Нации годами воевали из-за одного города или из-за одного порядка наследования; не должны ли и мы сражаться за годовой торговый оборот в 200 миллионов фунтов стерлингов?.. Бисмарк понимает, а за ним скоро поймем и мы, что тут налицо не только острая борьба интересов между Англией и Германией, но и то обстоятельство, что Англия есть единственная великая держава, которая может побороть Германию

без грозной опасности и без малейшего сомнения в успехе. Увеличение германского флота имеет лишь то значение, что удар Англии тем сильнее падет на него. Не пройдет и двух дней, как немецкие суда пойдут ко дну или будут приведены в английские гавани в качестве добычи. Гамбург и Бремен, Кильский канал и остзейские порты находились бы под жерлами английских пушек до тех пор, пока не была бы выплачена английская контрибуция. А закончив работу, нам оставалось бы сказать Франции и России: «Ищите себе компенсаций, возьмите с Германии все, что вы хотите,—и владейте этим!» Статья заканчивалась возгласом: ceterum censeo Germaniam esse delendam» [1]).

Приведенные фразы, лучше обнаруживающие дух английской истории и политики, чем любое из цитируемых во враждебных Германии странах изречений Трейчке, Ницше или Бернгарди характеризует настроение немецкого народа, были изложены за семнадцать лет до начала войны, когда немецкое правительство внесло на рассмотрение рейхстага свою первую скромную судостроительную программу. Несколько месяцев спустя англичанин Сидней Уитман задал князю Бисмарку вопрос, каким образом, по его мнению, могли бы быть улучшены отношения между Германией и Англией. Бисмарк ответил, что он «жалеет, что отношения между Германией и Англией не лучше, чем они есть на самом деле; но, к своему прискорбию, не знает никакого средства для их улучшения», что единственное, известное ему средство «не может быть применено, так как оно заключается в том, чтобы была надета узда на нашу индустрию». В этих словах Бисмарка великолепно уловлено немецко-английское противоречие, выросшее на почве экономического подъема Германии, фатально неизбежное и не устранимое никакими способами.

Противоречие между экономическим расширением Германии и претензиями Англии на особое закрепленное за нею положение приобретало наиболее острый и опасный характер с того момента, как намерения Германии в областях, признанных Англией за сферу своих интересов или нужных

---

1) „А Германия, по моему убеждению, все-таки должна быть уничтожена",— перефраз возгласа Катона в римском сенате, постоянно повторявшего: „А Карфаген, по моему убеждению, все-таки должен быть уничтожен". *Ред.*

ей как путь для проникновения в эти сферы ее интересов, грозили хотя бы в отдаленном будущем принять характер территориального захвата.

Наиболее выдающимся и ярким примером здесь является долголетнее и упорное противодействие со стороны Англии постройке багдадской железной дороги, о которой мы будем потом говорить. Борьба Англии против этого проекта объясняется, главным образом, тем, что английские государственные деятели и английское общественное мнение усмотрели в этой дороге подход к Персидскому заливу вне контроля Англии и возможность территориального захвата Германией берегов залива, что являлось уже угрозой Индии.

Само-собой разумеется, что в связи со все более расширяющимися колониальными интересами и ростом торгового флота Германская империя почувствовала потребность в усилении своей морской защиты и стала удовлетворять ее. Ко времени вступления на престол Вильгельма II военный флот Германии занимал пятое место среди флотов других держав. На первом месте стояла Англия, за ней следовали Франция, Италия, Россия и только потом Германия. Превосходство Англии на этом поприще было так велико, что оно не могло быть серьезно оспорено даже при исключительных усилиях Германской империи, обремененной, не в пример Англии, необходимостью содержать сильную сухопутную армию. Поставленные при создании германского военного флота задания и намеченные границы были в свое время ясно обозначены в обосновании германского законопроекта 1900 года о флоте.

«Для того, чтобы защитить при существующих условиях морскую торговлю и колонии Германии, имеется только одно средство: Германия должна обладать таким большим боевым флотом, чтобы даже и для самого могущественного на море противника война была сопряжена с такими опасностями, которые поставили бы под вопрос его собственное могущество».

Морские планы Германии вызвали с самого начала волнение и беспокойство в Англии. Если уже вследствие мирового экономического роста Германии там почувствовали себя под угрозой опасности, то опасения еще увеличились в виду предстоящего значительного усиления германских во-

енных сил на море. Заокеанская торговля и колониальная деятельность Германии могли еще признаваться в Англии терпимыми, пока Германия не имела значительного флота и эта деятельность некоторым образом находилась в зависимости от доброй воли Англии. Но она стала вызывать тревогу с того момента, как Германия попыталась для своего растущего экономического владычества создать соответствующую основу в виде собственного сильного флота.

Чем яснее убеждались в Англии, что Германская империя с неожиданной точностью выполняет свою морскую программу, намеченную законами 1898 и 1900 годов, тем сильнее становилось там беспокойство и тем больше вопрос о флоте превращался в главный рычаг германо-английских отношений. «Нам приходилось строить наш флот, не сводя глаз с английской политики,—пишет князь Бюлов в своей книге о немецкой политике,—при таких условиях он и был построен. На выполнение этой задачи и были направлены прежде всего все мои усилия в области большой политики». Красной нитью проходит через все изложение князем Бюловом своей иностранной политики мысль о том, что необходимо создать достаточно сильный германский флот, но с таким расчетом, чтобы дело не дошло до войны с Англией.

Даже и после проведения законов о флоте 1898 и 1900 годов соотношение между силой военного флота и теми интересами, которые ему приходилось защищать в морях и за морями, было у Германии гораздо менее благоприятным, чем у какого бы то ни было другого великого народа. Закон 1905 года о флоте, поставивший германский военный флот, соответственно роли Германии в мировом хозяйстве, на второе место (хотя все еще далеко позади Англии), тоже не установил еще даже хотя бы приблизительного равновесия между мировыми экономическими интересами и морскими военными силами Германии. Если, тем не менее, попытки Германии создать для нападающего флота риск и хотя бы этим косвенным путем обеспечить защиту своих мировых экономических интересов вызывали в Англии такое сильное беспокойство, подозрение и возбуждение, то об этом можно было лишь сожалеть и искать той или иной защиты от последствий этого; но избежать этого без собственных усилий было

не менее трудно, чем избежать трений вследствие хозяйственного прогресса Германии.

Какой силы с ранних пор уже достигло в Англии, особенно в морских ее кругах, раздражение против германской судостроительной политики и в какой мере она вызывала потребность расправиться с Германией, обнаружилось в связи с инцидентом на Доггеровой мели осенью 1904 года. Русский флот, находившийся на пути из Либавы в восточно-азиатские воды, по ошибке обстрелял ночью английскую рыболовную флотилию, принятую им за японские торпедные суда. В Англии вспыхнуло необычайное возбуждение, при чем, странным образом, оно обратилось, под влиянием нелепейших слухов и предположений, не только против России, но также и против Германии, не имевшей ко всему инциденту ни малейшего отношения. Близко стоящая к британскому адмиралтейству «Army and Navy Gazette» („Газета армии и флота») писала тогда, что, повидимому, наступил момент покончить с германским флотом, что русский флот покинул Балтийское море, быть-может, навсегда, германский же военный флот остался там совсем один и что теперь Англии представляется неповторяемый случай раз навсегда уничтожить грозно возрастающий с каждым годом германский флот. В английской печати не одна только эта газета держалась подобного взгляда. Еще определеннее звучала речь, произнесенная в феврале 1905 года гражданским лордом адмиралтейства Артуром Ли по поводу предпринятой в то время реорганизации британского флота. «Англия,—говорил он,—должна с большей заботой, чем куда-либо, обратить свои взоры на Северное море. Соображение, что Англии скорее приходится считаться с возможной опасностью в Северном море, чем в Средиземном, повело к новому распределению флота и мобилизации всех судовых резервов». «Мы верим,—прибавил он,—в старую истину: трижды благословен тот, кто наносит первый удар! И я надеюсь, что в случае опасности английский флот сумеет нанести первый и достаточно тяжелый удар, еще прежде, чем другая держава узнает о начале войны».

По поводу этой речи «Daily Chronicle» («Ежедневная хроника») писала: «Германии следовало бы отплатить Англии

за дружбу прекращением своего дальнейшего вооружения. Если бы германский флот в октябре прошлого года (инцидент на Доггеровой мели) был разбит, мир в Европе был бы обеспечен лет на 60».

Последовавшие годы были ознаменованы попытками притти к соглашению относительно морского вооружения обеих сторон. Попытки эти, о которых будем говорить ниже, особенно настойчиво обнаружились в миссии Холдэна в 1912 году.

Вопрос о флоте есть только часть общей проблемы о вооружении. Как рост германского флота был принят в Англии за доказательство воинственных замыслов Германии, точно так же в мощности и в периодическом усилении германской сухопутной армии хотели видеть выражение стремления Германии к войне и господству. 22-го марта 1915 года сэр Эдуард Грей выразил эту мысль в нижней палате следующими словами: «Мы знаем теперь, что германское правительство так уже подготовилось к войне, как это может сделать лишь народ, замышляющий войну».

Что положение Германии в центре Европы, исторический опыт и, наконец, группировка держав в течение последних десятилетий создали для Германии необходимость в сильной армии, как орудии обороны и защиты мира, что, стало-быть, создание и усовершенствование сильной германской армии само по себе еще не может служить доказательством воинственных замыслов Германии,—все это признавалось до войны также и теми государственными людьми, которые впоследствии не находили достаточно слов для обвинения Германии в нарушающем общий мир милитаризме.

Ллойд-Джордж заявил в своей речи в Кингсхолле 28-го июля 1908 года: «Обратите внимание на положение Германии! Для Германии ее армия—то же, что для нас флот: это ее единственная защита против неприятельского нашествия. Германия не создала еще армии, равносильной армиям двух любых держав в совокупности. Пусть даже Германия обладает более могущественной армией, чем Франция, Россия, Италия или Австро-Венгрия, но, ведь, она расположена между двумя великими державами, которые вместе могут выставить значительно большее количество войск, чем их имеет Германия. Не забывайте же этого и не удивляйтесь, почему

Германия боится союзов, согласий и всяких таинственных махинаций, о которых говорится в прессе. Представьте себе, что мы были бы лицом к лицу с такой комбинацией держав, которая грозила бы нам неприятельским нашествием, представьте себе, что Германия и Франция, или Германия и Россия, или Германия и Австрия имели бы флоты, которые вместе оказались бы сильнее нашего,—разве не испугались бы мы? Разве мы не стали бы вооружаться? Конечно, стали бы вооружаться!»

И еще 1-го января 1914 года Ллойд-Джордж писал в «Daily Chronicle»:

«Немецкая армия является жизненной необходимостью не только для существования Германской империи, но и для жизни и независимости самого немецкого народа, так как Германия окружена другими нациями, из которых каждая обладает армией почти такой же сильной, как и немецкая. Мы забываем, что в то время, как мы сами для защиты своих берегов настаиваем на том, чтобы наши морские силы на 60% были выше германских сил, Германия совершенно не имеет такого превосходства перед Францией и, кроме того, конечно, должна еще считаться с Россией на своей восточной границе. Германии далеко до принципа — быть сильнее двух держав в совокупности. Потому-то Германия встревожена некоторыми последними событиями и собирается потратить большие суммы на усиление своих военных сил».

Эта деловая оценка все же не вполне отвечала действительному положению вещей, так как русская армия значительно превосходила численно немецкую и так как усилия Германии использовать народные силы для состава армии отставали от усилий Франции. Согласно сведениям, сообщенным в английской нижней палате в июне 1913 года, мирный состав русской армии выражался тогда цифрою 1.284.000, меж тем как немецкая армия мирного времени по новому закону должна была быть увеличена до 822.000 человек. Мирный состав французской армии был исчислен на будущее время в 742.000, австро-венгерской в 474.000 человек. Следовательно, русская армия превосходила немецкую в полтора раза с лишком. Соединенная русско-французская армия тоже превосходила бы численностью совокупность армий Гер-

мании и Австро-Венгрии. Мирный состав французской армии почти равнялся немецкому, хотя Германия имела 68 миллионов населения, а Франция круглым числом 40 миллионов. Непосредственно перед войной на миллион населения приходилось в круглых числах 20.000 человек мирного состава армии во Франции и только 12.300 в Германии. Расходы по содержанию армии и флота до войны, падавшие на каждого человека из населения, были во Франции и Англии значительно больше, чем в Германии. К тому же, Франция ссужала России еще грандиозные суммы на усиление русской армии, а также на постройку и содержание стратегических железных дорог, предназначенных для наступления на Германию. И, наконец, Франция еще повысила свое военное напряжение,—и без того значительно более сильное, чем у всех других народов,—возвратом в 1913 году к трехлетней военнной службе; этим самым она взяла на себя (под давлением России, как это теперь уже может считаться доказанным [1]) бремя, которого, вследствие привлечения к военной службе каждого сколько-нибудь годного человека, французский народ не мог бы долго выносить без серьезного экономического ущерба.

Несмотря на то, что в отношении вооружения Германия стояла значительно позади Франции с ее колоссальным напряжением сил, несмотря на то, что она находилась в особо тяжелом положении, признанном Ллойд-Джорджем еще в начале 1914 года, каждый шаг Германии, направленный в довоенные годы на усиление военной защиты, в соответствии с вооружениями ее возможных противников и ухудшавшейся политической конъюнктурой, громогласно объявлялся угрозой всеобщему миру. Я сам был свидетелем того необычайного возбуждения, которое поднялось во влиятельных кругах Франции в связи с внесением нашего военного законопроекта 1913 года. Законопроект этот был более чем достаточно обоснован перегруппировкой сил, явившейся последствием первой балканской войны. Но в этом стремлении Германии фактически осуществить всеобщую воинскую повинность, при-

---

[1]) См. Е. Д. Морель, „Truth and the war“ („Правда о войне“), Лондон, 1916, стр. 148 и сл.

нятую в законе, но полностью еще не осуществленную, во Франции усмотрели лишь одно—вытекающую из него невозможность для Франции поддерживать в дальнейшем армию мирного времени хотя бы приблизительно на одном уровне с немецкой армией, несмотря на колоссальную разницу в количестве населения по сравнению с Германией. То обстоятельство, что Германия решилась, наконец, под усиливающимся политическим давлением, использовать численное превосходство своего населения по сравнению с Францией (не полностью,—об этом не было и речи, но лишь в очень скромных размерах), было учтено как прямой вызов Франции. России можно было на французские деньги создать и вооружить армию, в полтора раза более сильную, чем одна немецкая, и почти равнявшуюся по силе немецкой и австро-венгерской армиям, взятым вместе. Когда же Германия, находясь под угрозой не только Франции, но и России, и при более чем 60%-ном численном превосходстве своего населения по сравнению с французским, сделала попытку довести мирный состав своей армии до уровня, непосильного для Франции, то это стали считать прямой угрозой и дерзкой попыткой напасть с кинжалом в руках. И сэр Эдуард Грей имел еще смелость утверждать, что так вооружаться, как вооружилась Германия, может только народ, готовящийся к войне!

Обзор, данный на предыдущих страницах, показывает, что коалиция, с которой немцам пришлось воевать, имела ряд целей, которые совокупно могли быть достигнуты только путем разгрома Германии и Австро-Венгрии; сюда относились: потребность Франции в реванше и отвоевании Эльзас-Лотарингии; тяготение России к Константинополю и поддержка ею панславистских вожделений, в конечном итоге являвшихся угрозой целости Австро-венгерской монархии; желание Италии присоединить к себе «неосвобожденные области» Австрии; беспокойство Англии за свое экономическое положение в мире, находившееся под угрозой немецкой конкуренции, и ее подозрительная недоверчивость по отношению к германскому флоту. В противовес этому, германская политика со времени национального объединения сохраняла оборонительную позицию: мы, немцы, желали, так же, как и

Австро-Венгрия, сохранения нашего политического и территориального уклада; мы, главным образом, были заинтересованы в сохранении status quo на Балканах и вообще во всем мире; мы хотели открытых дверей, свободного поля действия и защиты для нашей экономической работы. Князь Бюлов сказал как-то о тройственном союзе, что он является обществом страхования, а не наживы. О тройственном согласии можно было сказать, что оно прежде всего являлось обществом наживы. Англо-французская антанта началась с договора о дележе, так же, как и англо-русская антанта. Общество наживы проявило значительно бо́льшую притягательную силу, чем общество страхования: ведь, кроме чисто-негативной цели, сохранения существующего, оно могло открыть еще и заманчивые перспективы территориального и государственного усиления. Чем больше искусной политике Англии удавалось устранять трения с давнишними противниками—Францией и Россией—то насилием, то разумной уступчивостью, тем полнее проявлялась объединяющая сила целей и тайных помыслов, достижимых лишь с низвержением центральных держав, и тем легче было британскому государственному искусству проводить политику окружения Германии, сильнейшей континентальной державы и опаснейшего противника на море и на поприще мирового хозяйства; с другой стороны, тем труднее становилось для немецкой политики предохранить себя от грозящей изоляции. Прорыв кольца, все теснее и теснее смыкавшегося вокруг Германии, мог быть достигнут только ценой отказа от крупнейших собственных интересов, материальных и духовных, или принесения в жертву Австро-Венгрии на-ряду с попыткой образования совершенно новой группировки держав. Но даже и в этом случае успех был бы сомнительным. Искреннего желания мира и готовности всячески итти навстречу державам враждебной коалиции в вопросах, прямо не затрогивавших жизненных интересов у нас самих или у наших союзников, оказалось недостаточно для того, чтобы ослабить политическое окружение и избежать войны.

Часть II.

Этапы на пути к мировой войне.

Летом 1908 года дипломатическое наступление враждебной коалиции было в общих чертах закончено. Все наиболее важные спорные вопросы между Англией, Францией и Россией были разрешены или, по крайней мере, отложены. Япония, благодаря союзу с Англией, была включена в систему тройственного согласия; Италия, несмотря на формальную принадлежность ее к тройственному союзу, была фактически нейтрализована заключенными с ней соглашениями. Все еще не улаженные крупные конфликты и всевозможные поводы для конфликтов, с которыми приходилось еще серьезно считаться, касались отношения стран тройственного согласия к Германии и Австро-Венгрии. Судьба мира зависела от того, возьмут ли верх в этой напряженной обстановке силы и течения, направленные в сторону осторожного улажения трений и устранения поводов к ним, или же те, которые должны были неминуемо вызвать взрыв.

ГЛАВА III.

Боснийский кризис.

Чреватый важными последствиями толчок для дальнейшего развития событий на основе вышеочерченной общей конъюнктуры дала турецкая революция, разразившаяся летом 1908 года.

Свержение самодержавного режима Абдула-Гамида и установление владычества младотурецкого комитета снова вдруг выдвинули турецкий вопрос, всегда особенно опасный для всеобщего мира. Являлась ли революция началом окончательного разложения или началом укрепления Турецкой империи?

Старые мечты и опасения пробудились вновь. Прежде всего антанта могла с удовлетворением констатировать, что внутренний переворот серьезно угрожал положению Германии в Турции. Предполагалось, что Германия, бывшая перед тем другом Турции, связана со старым режимом неразрывными узами. Ставшие у власти младотурецкие вожди прежде жили большей частью эмигрантами в Париже и Лондоне, где и черпали поддержку для своих политических идеалов. Улицы Константинополя вновь огласились бурными овациями в честь английского, французского и даже русского послов, между тем как считавшийся до тех пор всемогущим представитель Германии барон фон-Маршалль вдруг был обречен на полную потерю влияния.

Еще больше осложнил положение Германии шаг, предпринятый Австро-Венгрией в октябре 1908 года. Руководитель австро-венгерской политики барон Эренталь счел необходимым внести ясность в отношение Австро-Венгрии к Боснии и Герцеговине. К этому его побудили, с одной стороны, неопределенность положения, создавшегося в Турции вследствие внутреннего переворота, а с другой стороны, сильный толчок, который получило на Балканах, при содействии России и Англии, славянское движение. По берлинскому трактату Австро-Венгрия, по желанию великих держав, заняла эти страны и взяла на себя управление ими на неопределенный срок; за протекшие с тех пор 30 лет она выполнила большую культурную работу, которую теперь не хотела подвергнуть опасностям, в связи с младотурецким переворотом и его последствиями на Балканах. 5-го октября 1908 года Австро-Венгрия провозгласила распространение своего суверенитета на обе эти страны. Одновременно Болгария, формально являвшаяся до тех пор вассальным государством по отношению к Турции, объявила свою независимость, на основании соглашения с Австро-Венгрией, как полагали в Турции.

Возбуждение в Турции было неимоверное. Хотя фактически Босния и Герцеговина уже в течение 30 лет были отделены от Турции и Турция никогда за эти годы не осуществляла своего суверенитета в этих странах, все же младотурки восприняли это заявление Австро-Венгрии как удар по лицу; а державы, нерасположенные к центральным державам, сделали, конечно, все возможное, чтобы еще больше подлить масла в огонь.

Германия, как союзница Австро-Венгрии, тоже оказалась ответственной за оскорбление, нанесенное молодой Турции. Немецкий посол барон фон-Маршалль, ошеломленный шагом Эренталя, совершенно так же, как и сами турки, увидел, что плоды его долголетней и успешной работы в Турции, и без того поставленные под угрозу внутренним переворотом, подвергнуты теперь серьезной опасности вследствие выступления Австрии, необходимость которого он не мог признать. По поручению Немецкого банка (Deutsche Bank), в котором я работал раньше и который я оставил в июле, незадолго до революции, я поехал в Константинополь, чтобы, при создавшихся там трудных обстоятельствах, оградить интересы вложенного в Турции немецкого капитала и работающих там немецких предприятий. Фон-Маршалль не скрыл от меня своего неудовольствия и своего отрицательного отношения к политике Эренталя и уполномочил меня по моем возвращении в Берлин в решительной форме изложить князю Бюлову его опасения. Я выполнил возложенное на меня поручение. Князь выслушал меня внимательно и ответил: «Когда вы снова будете в Константинополе, скажите барону Маршаллю, что в немецкой истории не должно быть второго базельского мира и что базельского мира я, во всяком случае, заключать не стану» [1]). Он объяснил мне затем, что Австро Венгрия рассматривает и должна рассматривать великосербское движение, как жизненную опасность для монархии; что мы никак не можем мешать Австро-Венгрии принимать предохранительные меры против этой опасности; что, напротив, общая политическая конъюнктура заставляет нас без колебаний встать на сторону

[1]) Базельский мир был сепаратный мир, заключенный в 1795 году Пруссией с Францией и предоставлявший Австрию собственной судьбе. Ред.

нашего союзника в момент защиты им своих жизненных интересов. Нашу помощь Турции мы должны ограничить содействием в установлении приемлемого для Австро-Венгрии соглашения и посильным облегчением ее тяжелого положения в других областях.

По этой программе и стали действовать. В феврале 1909 года при содействии немецкой дипломатии состоялось соглашение между Австро-Венгрией и Турцией.

Но подчинение Боснии и Герцеговины суверенитету Австро-Венгрии приходилось отстаивать не только перед Турцией, но в значительно большей еще степени перед другими, непосредственно не заинтересованными державами. Прежде всего в Сербии произошел сильный взрыв негодования. Там рассматривали Боснию и Герцеговину, как части Сербии, и сочли объявленную Австро-Венгрией аннексию за грубый отпор великосербским стремлениям. Великосербская партия, совершенно открыто агитировавшая за войну, нашла себе поддержку в лице России, несмотря на то, что русский министр иностранных дел Извольский был за несколько недель до объявления аннексии извещен бароном Эренталем об этом намерении Австрии, конечно, без указания срока, и не заявил против него никакого протеста. Но особенно характерно было то, что британское правительство возмутилось поступком Австро-Венгрии и встало к ней в оппозицию, пожалуй, даже больше, чем Россия. Британское правительство, за несколько лет до того заключившее с Францией соглашение, которое являлось не только формальным, но и значительным фактическим нарушением мадридской конвенции, оказалось теперь противником выступления Австро-Венгрии, хоть и представлявшего собою формальное нарушение берлинского договора, но фактически ничего не менявшего в положении вещей. Оно со всей строгостью встало на ту точку зрения, по существу безусловно правильную, что международные договоры могут быть изменяемы только с согласия всех подписавших договор.

В Петербурге английская дипломатия, представленная послом сэром Артуром Никольсоном, творцом русско-английской антанты, прилагала все свои усилия к обострению австро-русского конфликта. Хотя английские интересы тут совершенно не были затронуты, британское правительство обещало

русскому правительству всемерную дипломатическую поддержку. А согласно некоторым указаниям, британское правительство не довольствовалось дипломатической поддержкой, но и поощряло русских к обострению конфликта и доведению его до военных столкновений. Как в 1905 году Англия предложила французскому правительству военную поддержку на случай войны из-за Марокко, так и теперь она обнадежила русское правительство военною помощью. Впоследствии стало известно одно заявление сэра Эдуарда Грея, сделанное им по получении согласия со стороны России русскому поверенному в делах. «В Англии,—сказал он,—решение вопроса о войне и мире зависит не от правительства, а от общественного мнения; однако, я чувствую, что общественное мнение в Англии достаточно подготовлено для того, чтобы сделать возможным для правительства выступление Англии в войне на стороне России».

Немецкая политика «нибелунговой верности» увенчалась на этот раз полным успехом. Несмотря на подзадоривание Англии, русское правительство предпочло принять немецкое предложение, дававшее ему возможность, отказываясь от протеста по поводу австро-венгерского шага, в то же время сохранить за собой свободу действий. Не подлежит никакому сомнению, что ясно выраженная и безусловная решимость Германской империи всецело поддержиать Австро-Венгрию более всего способствовала предотвращению войны. Если бы Австро-Венгрия не была так недвусмысленно поддержана Германией, то или она должна была бы подчиниться настойчивым требованиям сербов и держав, стоявших за их спиной, или же дело дошло бы до войны. России пришлось бы одновременно воевать против Австро-Венгрии и против Германии; но вследствие ослабления после русско-японской войны и внутренних беспорядков на берегах Невы для такой войны не чувствовали себя достаточно сильными.

ГЛАВА IV.

Попытки к соглашению с Францией и Россией.

В противоположность Англии, Франция проявила во время боснийского кризиса удивительную сдержанность. Сдержанность эта могла быть вызвана тем, что в Париже были точно осведомлены о недостаточной подготовленности русского союзника, частью же тем, что как-раз в это время германское правительство вступило в переговоры с Францией относительно создания modus vivendi [1]) в Марокко, приведшие 9-го февраля 1909 года к соглашению, которое во Франции с полным основанием могло приниматься за проявление большого желания Германии пойти ей навстречу. В то время как Франция вновь обязалась признать независимость и целость монархии в Марокко, германское правительство признало особые политические интересы Франции в деле укрепления мира и порядка внутри Марокко и определенно согласилось преследовать в Марокко исключительно экономические интересы. Взамен этого Франция обязалась не затрогивать торгово-промышленных интересов Германии в Марокко. Наконец, оба правительства условились не создавать в Марокко никаких преимущественных экономических прав и стремиться к объединению подданных обеих сторон в предприятиях ради взаимной выгоды.

Успех соглашения с Францией, так же, как и благополучная ликвидация австро-русского конфликта, были, главным образом, обязаны посланнику Кидерлен-Вехтеру, который в то время руководил министерством иностранных дел вместо заболевшего фон-Шёна.

Целью Кидерлена было ликвидировать приемлемым для Германии способом марокканский вопрос, чтобы устранить таким образом крупные затруднения в отношениях между Германией и Францией, а сверх того, наладить экономическое сотрудничество обеих наций и на место прежних трений создать тем самым общность интересов в области, имевшей немаловажное значение. Это было применением к Марокко

---

[1]) Modus vivendi—„способ жить", т.-е. упорядочение взаимоотношений.

основной мысли той политики, которую Кидерлен проводил в последующие годы в должности министра иностранных дел совместно с рейхсканцлером фон-Бетман-Гольвегом, стремясь разрядить напряженную политическую атмосферу и разорвать кольцо окружения.

Попытка в этом направлении была сделана в 1910 году применительно к России. Тут обстоятельства были исключительно тяжелыми. Боснийская история оставила по себе даже и после ее формальной ликвидации глубокое неудовольствие России против Австро-Венгрии. Симптомом его было то, что царь, при своем посещении короля Италии в Ракониджи осенью 1909 года, сделал дважды большой крюк, чтобы только миновать австрийскую территорию. Самый факт этой встречи, в которой принимали участие и министры обеих сторон и в которой балканский вопрос, без сомнения, составлял важный предмет обсуждения, был дальнейшим показателем сближения Италии с тройственным согласием и выявлением итальяно-австрийских противоречий в балканских делах.

Усилия германского правительства улучшить русско-германские отношения привели, наконец, к тому, что в конце 1910 года состоялось свидание в Потсдаме царя, которого сопровождал новый министр иностранных дел Сазонов, с императором Вильгельмом II. Переговоры между государственными деятелями обеих сторон дали прежде всего результаты общеполитического характера и, кроме того, привели к особому соглашению касательно Персии и багдадской дороги.

Относительно общеполитических результатов совещания фон Бетман-Гольвег сообщил 10-го декабря 1910 года в рейхстаге следующее:

«Как на результат последнего свидания, я бы хотел указать на то, что обоими правительствами было принято новое решение не участвовать ни в какой комбинации, враждебно направленной против другой стороны. В этом смысле мы имели особенно удачный случай констатировать, что Германия и Россия одинаково заинтересованы в сохранении status quo на Балканах и вообще на Ближнем Востоке, а потому не будут поддерживать никакой политики, — откуда

бы она ни исходила, — направленной к нарушению этого status quo».

Особое соглашение, заключенное в Потсдаме, предусматривало с германской стороны признание преимущественных политических интересов России в северной Персии, при условии торгового равноправия для всех наций. Германия признавала свою незаинтересованность в постройке железных дорог и других путей сообщения в Персии к северу от определенной линии; Россия брала на себя постройку сети железных дорог в Персии. Далее Россия соглашалась не противодействовать больше проведению багдадской железной дороги, что она до тех пор пыталась делать по мере сил, и построить в течение определенного срока проходящую по персидской территории часть предполагаемой тегерано-багдадской железной дороги. В случае невыполнения этого обязательства по истечении установленного срока Россия не должна была возражать против постройки Германией также и персидского отрезка багдадской дороги.

Если бы общеполитическое соглашение было с русской стороны честно задумано и при дальнейшем ходе дел честно выполняемо, то оно знаменовало бы собою весьма важное для последующего развития жизни народов ослабление враждебных замыслов тройственного согласия против двойственного союза Германии и Австро-Венгрии.

Особое соглашение являлось для России дополнением к соглашению с Англией 1907 года. С его помощью германская политика стремилась путем уступок России в Персии разрешить спорные вопросы между Германией и Россией относительно багдадской дороги и через имевшееся в виду соединение персидской и немецко-турецкой железнодорожной сети создать такую же базу для их совместных интересов, какую она пыталась установить в отношении Франции марокканским соглашением 1909 года. В Англии и особенно во Франции германо-русское соглашение вызвало большое возбуждение. Тотчас же был произведен сильнейший нажим на Россию со стороны дипломатии и прессы, дабы ослабить или обезвредить потсдамское соглашение. Поведение русского правительства вскоре показало, что нажим этот не остался без последствий. С русской стороны сообщение германского

рейхсканцлера по поводу общеполитической части потсдамского соглашения никогда не было ясно и точно подтверждено, но, конечно, и не оспаривалось. Желание Германии письменно закрепить общеполитический результат потсдамских переговоров не встретило сочувствия русского правительства. Письменное закрепление особого соглашения тоже затянулось на много месяцев, благодаря французским интригам. Оно было подписано лишь 19-го августа 1911 года в Петербурге.

ГЛАВА V.

Мароккский кризис 1911 года.

Попытка Германии разрядить политическую атмосферу не удалась.

Германо-французские отношения остались и после февральского соглашения 1909 года в прежней зависимости от положения дел в Марокко. Вскоре обнаружилось, что означенное соглашение не ликвидировало окончательно мароккского вопроса. Французы тормозили участие немецких предприятий в разрешении крупных экономических задач в Марокко, особенно в деле разработки рудников, постройки железных дорог и устройства портовых сооружений. С другой стороны, в Германии со все растущим недоверием следили за тем, как Франция пользовалась признанием за нею преимущественных политических прав в Марокко, дабы путем разного рода по существу незначительных экспедиций все больше и больше подтачивать признанные ею же целостность и независимость Мароккской империи. Каждая сторона упрекала другую в том, что она требует больше, чем полагается, и не предоставляет другой стороне того, что предусмотрено в соглашении. При этом притязания Германии на участие в экономических предприятиях страны так и остались платоническими, между тем как военный захват Францией султаната и французский контроль над всеми доходами Марокко, введенный весной 1910 года, вместе с предоставлением стране большого займа, представляли собой вполне реальные факты.

Положение стало невыносимым, когда, под предлогом мнимой опасности для европейцев, Франция предприняла весною 1911 года наступление на главный город страны Фец и 21-го мая заняла его.

Германское правительство не заявило официального протеста против этого выступления, разрушившего на глазах у всего мира последние остатки независимости султана. Однако, путем полуофициальных сообщений и бесед с французским посланником в Берлине оно не оставило никаких сомнений в том, что поведение Франции фактически лишало значения алжесирасский договор и что поэтому у германского правительства развязаны руки.

Вновь приобретенную свободу действий немецкая политика не стремилась использовать для вмешательства в дела Марокко; ее целью было скорее достигнуть теперь с Францией прямого соглашения по поводу Марокко, в духе тех соглашений, какие до алжесирасского договора Франция заключила с Англией, Испанией и Италией. Во всяком случае, Кидерлен не собирался дать возможность французам, без каких-либо переговоров с Германией, захватить Марокко вопреки алжесирасскому договору и германо-французским соглашениям, заключенным в феврале 1909 года. Этим приемам старой политики Делькассе, игнорировавшей Германию, несмотря на алжесирасский договор и февральское соглашение, Кидерлен был намерен воспрепятствовать, во что бы то ни стало.

Желтая книга, позже опубликованная французским правительством, свидетельствует о том, с какой настойчивостью Кидерлен еще до занятия Феца предлагал французскому послу в Берлине, Жюлю Камбону, притти к какому-нибудь соглашению. Еще 14-го марта 1911 года,—по данным Желтой книги,—сэр Эдуард Грей сказал французскому послу в Лондоне Полю Камбону: «Переговоры фон-Кидерлена с Жюлем Камбоном, повидимому, указывают на желание германского правительства притти к соглашению». А 7-го апреля, за 10 дней до решения об отправке экспедиционного корпуса в Фец, Кидерлен письменно известил французского посла в Берлине, что, в случае осложнений в Марокко, он охотно вступит с французским правительством в переговоры о мерах, которые последнее сочтет необходимыми.

Французское правительство предпочло отдать приказ о наступлении на Фец, не входя в предложенные Германией на этот случай переговоры.

После занятия Феца указания канцлера и Кидерлена на создающуюся неустойчивость положения сделались более частыми и настойчивыми. 21-го и 22-го июня Кидерлен имел в Киссингене собеседования с Жюлем Камбоном, который вслед за этим выехал в Париж. «Привезите нам что-нибудь из Парижа»,—были прощальные слова Кидерлена своему гостю. Однако, и эта последняя попытка склонить Францию к полюбовному разрешению вопроса о Марокко не встретила в Париже никакого отклика.

Чтобы не быть совершенно отстраненной и не сносить безропотно упорное нарушение своих прав в Марокко, закрепленных алжесирасскими актами, Германия должна была приступить к открытым и решительным действиям. Германское правительство постановило наконец отправить в Агадир крейсер «Пантеру».

Цель этого шага, тотчас же вызвавшего сильнейшее возбуждение во Франции и в Англии, ясна из вышеизложенного: Францию надлежало принудить, наконец, к серьезным переговорам с Германией о Марокко и к получению согласия Германии на желательный французам протекторат тою же ценой, какой было получено согласие Англии, Испании и Италии, т.-е. предложением компенсаций. О территориальных компенсациях в самом Марокко германское правительство не помышляло. Напротив, оно хотело совершенно покончить с марокккским вопросом, предоставить Франции в политическом отношении полную свободу действий, а для себя обеспечить лишь достаточную, основанную на договорах защиту немецких предприятий и свободу немецкой торговли. Компенсацию за Марокко немецкая политика искала в приобретении других колоний. Но так как тут речь шла о том, чтобы за отказ Германии от голоса в марокккском вопросе выторговать для нее другие компенсации, то не только нельзя было отказываться от этого голоса до обеспечения достаточных компенсаций, но надо было еще по возможности возвысить этот голос.

За границей, да и в самой Германии создалось сначала

впечатление, будто появление «Пантеры» на агадирском рейде имело целью немецкое укрепление в Марокко. Когда же позже стали известны основы обсуждавшегося с Францией соглашения, то сложилось мнение, будто непредусмотренное вмешательство Англии вынудило германское правительство отказаться, вопреки первоначальным планам, от своей доли в Марокко.

Но этот взгляд неправилен. Немецкое правительство заявило с самого начала, что отправка «Пантеры» не преследует целей территориального захвата. В переговоры с французским послом о признании французского протектората над Марокко взамен территориальных компенсаций в средней Африке оно вступило еще до того времени, как Ллойд-Джордж произнес 21-го июля свою знаменитую речь в Мэншонхаусе [1]). Насколько, однако, заинтересованные в Марокко немецкие круги не хотели свыкнуться с мыслью о том, чтобы совершенно оставить Марокко, показывает следующий маленький случай.

1-го июля, в день появления «Пантеры» в Агадире, Кидерлена не было в Берлине. Когда он вернулся обратно, я посетил его в министерстве иностранных дел. В приемной у него я встретил одного известного писателя-пангерманиста, который сообщил мне, что он просил доложить о себе Кидерлену, чтобы поздравить его с упрочением немецкого положения в Марокко. Когда Кидерлен принял меня после кратковременного посещения этого господина, то я спросил его о содержании его беседы с этим господином. Кидерлен похлопал себя ладонью по лбу и сказал, смеясь: «Я ему вполне определенно заявил, что мы ничего не хотим в Марокко; но не тут-то было: этот глупец» (на самом деле последовало более сильное выражение) «просто не поверил мне».

Дальнейший ход инцидента общеизвестен. Как только французское правительство поняло, что Германия не согласна дать себя устранить, оно приступило через посредство своего берлинского посла к переговорам на предложенной германским правительством основе компенсаций в средней Африке,

---

1) Дворец лондонского лорда-мэра. *Ред.*

Уже и без того нелегкие переговоры были еще значительно осложнены вмешательством Англии. Хотя в конвенции 1904 года Англия признала по отношению к Франции свою полную незаинтересованность в Марокко, тем не менее Эдуард Грей заявил через три дня уже после появления «Пантеры» у Агадира, что Англия не станет признавать никаких новых соглашений, заключенных без ее участия. Английская пресса сделала все, чтобы еще больше раздражить возбужденное этим «coup d'Agadir» [1]) французское общественное мнение. Ясно чувствовалось намерение воспрепятствовать мирному разрешению конфликта между Францией и Германией. Все эти старания достигли высшей точки в речи, произнесенной Ллойд-Джорджем 21-го июля 1911 года в Мэншон-хаусе. Вот главное место этой речи, согласно тексту, установленному в совете министров:

«Если сохранение мира может быть куплено ценою отказа Великобритании от того великого и благодетельного мирового положения, которое она завоевала себе веками геройства и успехов, и ценою третирования Великобритании в вопросах, затрогивающих ее жизненные интересы, как страны, исключенной из совета наций, то такой мир—во что бы то ни стало—был бы унижением для столь великой страны, как наша».

Таким образом, Франция вела переговоры под руководством склонного к соглашению министра-президента Кайо, а в это время британское правительство считало уместным громогласно угрожать войной. За что же? Приведенные Ллойд-Джорджем причины не выдерживали критики. Никто в Германии не помышлял о том, чтобы ослаблять мировое положение Англии в вопросе, в котором сама Англия семь лет назад подтвердила свою незаинтересованность. Жизненные интересы Англии тут совершенно не затрогивались,—тем более, что британское правительство было точно осведомлено о том, что Германия не намерена захватить атлантическое побережье Марокко (да и было ли бы этой угрозой «жизненным интересам» Англии?) и что она ищет компенсации в других областях; при том же еще 21-го июля, до речи

---

[1]) Агадирским ударом.

Ллойд-Джорджа, германский посол, в приведенной сэром Эдуардом Греем беседе, решительно отрицал намерение, приписанное Германии Ллойдом-Джорджем. Следовательно, поведение британского правительства могло быть объяснено только одним мотивом, который германский посол после речи Ллойд-Джорджа коротко и ясно охарактеризовал сэру Эдуарду Грею в следующих словах:

«Если бы английское правительство стремилось осложнить и запутать политическое положение и потом добиться насильственного выхода из него, то оно, во всяком случае, не могло бы выбрать лучшего средства, чем речь лорда казначейства».

Но британское правительство не удовольствовалось тогда одними лишь словами. Подобно тому, как в 1905 году оно предложило Делькассе прислать для поддержки английский экспедиционный корпус, так теперь оно привело в готовность свой флот и приняло все меры к переправе сухопутной армии в Фландрию. Из разоблачений английского полковника Фейбера и из брюссельских документов мы знаем в настоящее время, что британское правительство было тоже твердо намерено «en tout état de cause» [1]), хотя бы и без согласия бельгийского правительства, высадиться во Фландрии или вступить в нее.

Спокойное и твердое поведение германского правительства отвратило в тот момент военную опасность.

После долгих и трудных переговоров был заключен германо-французский договор 4-го ноября 1911 года, по которому, в обмен за признание французского протектората над Марокко, Германия получила часть французского Конго. Более грандиозное округление германских колониальных владений в Африке, рисовавшееся первоначально Кидерлену, не удалось, отчасти вследствие противодействия французов, поддержанного англичанами, но отчасти также и вследствие поддержанного колониальным министерством протеста немецких колониальных кругов, не пожелавших обмена прежних колониальных областей Германии.

Марокканский вопрос был теперь «ликвидирован». Но вме-

---

1) При всех обстоятельствах.

сто того, чтобы улучшить взаимоотношения обеих сторон, устранение этого давнишнего и опасного источника трений повело, при усердном содействии Англии, к прямо противоположному результату. В Германии успех нашей дипломатии, заставившей Францию против ее воли столковаться с нами по поводу Марокко и дать нам компенсацию за счет своих собственных владений, был ослаблен и даже сведен к нулю впечатлением, что Англия своими грубыми угрозами войной принудила нас к отступлению. Во Франции почувствовалась горькая обида на то, что под немецким давлением пришлось ради сохранения мира отдать французские владения. Французский шовинизм, ободренный поддержкой Англии и видами на успешную реорганизацию и усиление русской армии, поднял голову с новой силой и новыми надеждами.

Таким образом, и эта попытка германской политики улучшить положение в Европе устранением источников трений не достигла своей цели. Отношения между Германией и Францией остались попрежнему крайне натянутыми.

ГЛАВА VI.

Миссия лорда Холдэна.

В противоположность этому, кризис 1911 года и окончательное улажение марокканского вопроса должны были, казалось, способствовать улучшению германо-английских отношений.

Обязательство, взятое на себя Англией, оказывать французскому правительству, по договору 1904 года, помощь в марокканском вопросе заключало в себе залог германо-английского конфликта, который во всякое время мог обостриться и действительно обострился в 1905 и 1911 годах. С улажением марокканского вопроса это обязательство, заключавшее в себе возможность войны, теряло свое значение, следствием чего явилось фактическое улучшение германо-английских отношений. К тому же, события 1911 года вызвали в самой Англии известную реакцию против политики, едва не приведшей к войне благодаря обязательствам, скрытым от

парламента и большинства членов кабинета. В какой бы мере эти обязательства ни влияли на позицию британского правительства, какую бы роль ни играли здесь другие соображения, английский кабинет все-таки проявил готовность вступить, по предложению германского рейхсканцлера, в переговоры о соглашении. Лорд Холдэн, английский военный министр и организатор английской армии, был послан в Берлин (в феврале 1912 года) со специальной миссией обсудить возможности соглашения с германским правительством.

В этих переговорах лорд Холдэн выдвинул на первый план необходимость притти к соглашению об ограничении дальнейшего усиления военных флотов обеих держав. Подготовлявшийся тогда в Германии новый закон о флоте, предусматривавший усиление военного флота и улучшение его боеспособности путем преобразования, вновь пробудил в Англии опасение перед слишком быстрым ростом германского флота. Снова прибегли к попытке, предпринятой уже в 1904 году, сохранить безусловный перевес английского флота более дешовым путем, а именно, путем соглашения о предельном числе новых судовых единиц. С немецкой стороны предложение это не отвергалось с первого же раза; однако, на первый план там выдвигалось общеполитическое соглашение. «Я спросил английского министра,— сообщал впоследствии Бетман-Гольвег в рейхстаге,—не придает ли он большего значения открытому соглашению с нами, которое исключило бы не только призрак англо-германской войны, но и вообще всякой мировой войны, чем тому обстоятельству, будет ли у Германии двумя дреднотами больше или меньше».

Вслед за тем произошел обмен мнений по вопросу о формуле для урегулирования отношений между Германией и Англией в случае войны одной из этих держав с какой-либо третьей державой. Этот обмен мнений, продолженный и по возвращении лорда Холдэна в Лондон, не привел ни к какому результату и был наконец прерван. Предложение, с которым лорд Холдэн вернулся в Лондон и которому он лично сочувствовал, заключало в себе обязательство условного нейтралитета: в случае, если одна из двух сторон оказалась бы вовлеченной в войну, в которой она не была наступающей стороной, другая сторона обязывалась сохранять благожела-

тельный нейтралитет и делать все от нее зависящее, чтобы по возможности локализировать войну. Позднее адмирал фон-Тирпиц говорил мне, что, в случае такого соглашения, он был бы готов точно выполнить и условия соглашения, касающиеся флота. Несмотря на это, лорд Холдэн не был поддержан своим правительством. Сэр Эдуард Грей заявил, согласно донесению германского посла, что соглашение на основе безусловного нейтралитета (что вовсе не являлось германской формулой) вызвало бы раздражение общественного мнения во Франции и что он не хотел бы подвергать опасности дружественные отношения с Францией и Россией. В виде контр-предложения им было лишь заявлено, что Англия не предпримет наступления против Германии, не будучи к тому вызванной, и что она не присоединится ни к какому соглашению, которое будет преследовать эту цель. Английское правительство отклонило предложение, на котором настаивал рейхсканцлер, дополнить этот пункт вытекающим из него следствием: «а потому Англия будет, конечно, соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если бы Германии была навязана война». Оно попрежнему ссылалось на то, что всякая другая формула соглашения, выходящая из рамки ее предложения, грозила бы испортить ее отношения к России и Франции.

Таким образом, Англия хотела сохранить за собой свободу действий даже в том случае, если бы война была вызвана не Германией, а была бы навязана ей. Это была, именно, та позиция, которую она заняла в конце июля 1914 года в момент, когда разразилась мировая война. Германскому правительству показалось недостаточно удовлетворительной формула, которую Англия свела лишь к тому, что она не сделает нападения на Германию, не будучи вызвана к тому, сохраняя при этом за собой свободу действий в случае навязанной Германии войны. Во время переговоров обнаружилось с достаточной ясностью, что цель, преследуемая германским правительством достигнуть путем соглашения с Англией о нейтралитете подобной же гарантии против мировой войны, какая в свое время заключалась в перестраховочном договоре с Россией, являлась неосуществимой. Это ясно обнаружилось при ходе переговоров как в явно выра-

женном недоверии Англии к немецким замыслам, так и в сознательном стремлении британской политики иметь наготове при всех обстоятельствах сильную коалицию против Германии, сильнейшей державы на континенте и опаснейшего противника на море и в мировом хозяйстве с тем, чтобы при удобном случае использовать эту коалицию для свержения Германии.

Политика Германии стремилась в течение последующего времени к тому, чтобы устранить это недоверие Англии к ее целям; это выразилось, с одной стороны, в том, что она при постройке своего флота положила в основу предложенное лордом Холдэном соотношение сил флотов Германии и Англии, с другой стороны, в том, что она стала пытаться достигнуть с Англией соглашения по важнейшим вопросам, каковы вопросы о колониях, багдадской железной дороге, Месопотамии и Персидском заливе.

ГЛАВА VII.

Триполийская война.

Тем временем германо-французские переговоры о Марокко дали повод к новому осложнению.

Италия, много лет уже назад получившая согласие Англии и Франции на занятие Триполи, не хотела больше оставаться в выжидательном положении после того, как осуществился французский протекторат над Марокко. Еще прежде, чем были формально закончены германо-французские переговоры о Марокко, в конце сентября 1911 года, итальянский посол известил Порту о том, что, в виду не прекращающегося нарушения итальянских интересов в Триполи и Киренаике, Италия возьмет охрану собственных интересов в свои руки и с этой целью займет обе африканские провинции Турции; турецкому правительству, с своей стороны, предлагалось принять меры к тому, чтобы этому занятию не было оказано сопротивления. Вслед за отклонением этого требования последовало бы объявление Италией войны. Этот насильственный акт со стороны союзной Италии еще больше,

чем аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, осложнил отношения Германии с Турцией и, сверх того, явился новым бременем для тройственного союза. Германская дипломатия выдержала это испытание. Отношение к новой Турции было тем временем настолько упрочено,—в значительной мере благодаря той финансовой помощи, которую Германия за год до того оказала Турции в критическом положении,—что она оказалась достаточно сильной, чтобы вынести это новое бремя, тем более, что Германии и Австро-Венгрии удалось настоять на том, чтобы Италия воздержалась от нападения на берега Европейской Турции. Правительство Италии с благодарностью отметило лойяльную позицию, занятую союзниками в трудный для них момент. С другой стороны, триполийская война временно вызвала сильную натянутость отношений между Италией и Францией, когда Франция в весьма оскорбительной форме выразила Италии свой протест по поводу захвата ею французских судов с военным грузом для боровшихся в Триполи турецких войск. В Италии возникло недовольство также и против Англии, когда последняя вскоре после начала триполийской войны заняла Солумскую гавань, близ египетской границы, относившуюся до тех пор к Триполи. Ко всему тому, в связи с триполийской войной возникло довольно серьезное осложнение также между Россией и Англией, о котором, насколько мне известно, до сих пор еще ничего не было опубликовано.

Турецкое правительство закрыло Дарданеллы из опасений перед нападением со стороны Италии. Получившееся вследствие этого препятствие для русского торгового судоходства было использовано русским правительством для поднятия вопроса о Дарданеллах. Русский посланник Чарыков предъявил Порте ряд серьезных требований. Английская дипломатия проявила в отношении к ним осторожную сдержанность, очевидно, в надежде, что Германия и Австро-Венгрия, идя навстречу желанию Турции, о котором она знала, заявят протест против требований России. Послы Германии и Австро-Венгрии действительно настаивали перед своими правительствами на таком протесте в защиту Турции от России. Барон фон-Маршалль доходил даже до того, что ставил вопрос об отставке кабинета. Кидерлен, не желавший брать на себя

раньше Англии этот неприятный почин в протесте против России, настоял на своей точке зрения, и Германия с Австро-Венгрией сохранили свою выжидательную позицию. Результатом такой политики было то, как мне рассказывал впоследствии Кидерлен, что русский посол в Англии, граф Бенкендорф, настойчиво умолял русского министра иностранных дел Сазонова, в интересах сохранения русско-английской дружбы, взять обратно предъявленные в Константинополе требования. Это и было сделано, при чем Чарыков, выполнивший лишь данные ему предписания, был сделан жертвой искупления.

Таким образом, триполийская война, с одной стороны, обнаружила в одном очень важном пункте противоположность интересов между Англией и Россией, а с другой,—омрачила, по крайней мере, временно, дружбу Италии с Францией и Англией и приблизила опять Италию к ее союзникам. При таких обстоятельствах вопрос о возобновлении тройственного союза, которое должно было произойти только в 1914 году, был рассмотрен уже весной 1912 года; в декабре того же года договор был вновь подписан. Одно время уже казалось, что начатая королем Эдуардом VII политика окружения должна была постепенно потерять свою силу со смертью этого монарха (в мае 1910 года).

Прежде чем, благодаря энергичному содействию со стороны германского правительства, был заключен мир между Италией и Турцией, над Балканами уже стояли новые грозовые тучи.

ГЛАВА VIII.

Две балканские войны.

Уже в феврале 1912 года по настоятельному требованию России между Сербией и Болгарией был заключен тайный договор, который в течение следующих месяцев был расширен со стороны содержания и дополнен болгаро-греческим договором, военной конвенцией между этими государствами и соглашениями с Черногорией. Эти договоры, создавшие так

называемый «балканский союз», были направлены прежде всего против Турции, албанские и македонские провинции которой являлись военной целью. Но, на-ряду с этим, болгаро-сербские соглашения заключали в себе обязательство обоюдной поддержки в случае нападения Австро-Венгрии; сверх того, Болгария брала на себя обязательство военной поддержки Сербии, если бы Австро-Венгрия вздумала воспрепятствовать ей расширить свою область до Адриатического моря занятием албанских и македонских областей. В сербо-болгарских соглашениях, в случае возникновения разногласий, русский царь был намечен третейским судьей.

В августе 1912 года Болгария первая предъявила турецкому правительству требования реформ в Македонии. В конце октября последовало совместное выступление всех балканских держав, и 8-го октября Черногория открыла враждебные действия вступлением на турецкую территорию.

Кидерлен направил все свои усилия к тому, чтобы достигнуть единения между Австро-Венгрией и Россией с целью воспрепятствовать войне или в случае, если бы это оказалось невозможным, локализовать войну. Петербургский кабинет, видимо, склонялся к этому; но его представитель в Белграде—Гартвиг и в Париже—Извольский успешно действовали в обратном направлении. Позиция французского правительства была неясна. С одной стороны, при наличии имевшихся как в Турции, так и в балканских государствах значительных французских интересов, оно как-будто проявляло склонность действовать в смысле сохранения мира; с другой стороны, нельзя было не признать влияния Извольского. Лондон в эти критические дни совершенно замкнулся в себя. Сэр Эдуард Грей остался, несмотря на обострение положения, в имении, где он был на отдыхе, а замещавший его сэр Артур Никольсон не давал никакого ответа на попытки выяснить позицию английского правительства. 8-го октября телеграфное агентство Рейтера сообщило об объявлении Черногорией войны Турции. Венское официальное телеграфное агентство сперва опровергло это сообщение: однако, в тот же день сообщило об отозвании черногорского посланника в Константинополе и о выдаче паспортов турецкому посланнику в Цетинье.

В тот же день русский министр иностранных дел, следуя из Парижа в Петербург, проехал через Берлин. Я виделся с Кидерленом вечером, после того как он до этого имел долгую беседу с Сазоновым. Кидерлен открыто объявил Сазонову, что Россия объединила балканские государства с целью войны против Турции. Сазонов, не отрицая покровительства России балканскому союзу, утверждал, однако, что Россия создала этот союз исключительно ради самозащиты. Кидерлен ответил: «В Париже есть кое-кто, кто мог бы дать вам точные сведения на этот счет». Это был намек на русского посланника в Париже Извольского. Кидерлен тут же указал на осмотр французских пограничных крепостей великим князем Николаем Николаевичем, далее—на заключенную тогда между Россией и Францией морскую конвенцию, на предполагавшееся одновременное посещение русским и английским флотом Копенгагена и на приготовления России к пробной мобилизации. Он заметил, что все это, вместе взятое, слишком серьезно и не может остаться без внимания с нашей стороны.

Также и в последующие дни ни со стороны России, ни со стороны Англии или Франции не было сделано ни одного решительного шага, способного предотвратить войну.

Турецкая армия за короткое время потерпела в Македонии и Фракии ряд серьезных поражений. Вся область Европейской Турции до самых окрестностей Константинополя была потеряна в течение нескольких недель, и лишь на линии Чаталджи, защищающей Константинополь, Турция сумела организовать действительное сопротивление.

Великие державы, представители которых, по предложению Кидерлена, с начала войны собрались в Лондоне на постоянную конференцию, объявили было сперва сохранение status quo на Балканах, независимо от хода военных операций. Однако, в виду быстрых и значительных успехов, достигнутых балканскими государствами, это оказалось невозможным. Тогда балканский вопрос сразу развернулся во всем своем объеме и со всей таившейся в нем опасностью.

Задачей германской политики было, во-первых, воспрепятствовать вовлечению Австро-Венгрии в конфликт, далее—примирить австро-венгерские и итальянские интересы и, на-

конец, склонить Англию, а, по возможности, также и Францию к сдержанной политике, в противовес неукротимой политике России.

Непосредственно перед началом войны турецкое правительство пыталось вызвать немедленное вмешательство Австро-Венгрии предоставлением ей Новобазарского санджака. Кидерлен настаивал в Вене на отклонении этого заманчивого предложения, принятие которого, по всей вероятности, сейчас же повело бы к войне с Россией.

После того как status quo оказался безвозвратно нарушенным, Австро-Венгрия стала проявлять сильнейшую заинтересованность в том, чтобы Албания не подпала под владычество Сербии и чтобы Сербия не распространилась до Адриатики. В отношении албанцев, принадлежавших частью к римско-католической церкви, Австрия чувствовала себя уже давно в положении покровительствующей державы и в этом смысле всегда выступала перед Портой защитницей этого горского народа. В сербском наступлении через албанскую область до моря австро-венгерская политика усматривала недопустимое усиление великосербской угрозы с юго-востока.

Относительно своей точки зрения в этом вопросе венское правительство с самого начала не оставило никаких сомнений. Поэтому, когда в начале ноября, французский министр-президент Пуанкаре внес предложение, чтобы все великие державы объявили свою полную незаинтересованность в балканских вопросах, то в этом предложении можно было усмотреть только сознательный и преднамеренный вызов, направленный против Австро-Венгрии.

Эта дипломатическая атака была отбита. Как австро-венгерское, так и итальянское правительство решили не дать обойти себя при территориальных перегруппировках на Балканском полуострове. В переговорах с Сан-Джулиано, итальянским министром иностранных дел, прибывшим в ноябре в Берлин для обсуждения вопроса о возобновлении тройственного союза, удалось установить единство политики держав тройственного союза в балканском вопросе. Прежде всего сошлись по вопросу о создании автономной Албании под покровительством Австро-Венгрии и Италии.

Совместное выступление союзных держав возымело свое действие. Прежде всего отказалось от предложения Пуанкаре английское правительство. Кидерлен сказал мне 9-го ноября, что Англия выказывает нам исключительное внимание; что английский посол за все время его службы еще никогда не навещал его так часто без приглашения и никогда не высказывался так подробно, как за последние восемь дней; что также и сэр Эдуард Грей беспрестанно просит к себе германского посла. Результат этих англо-германских собеседований обнаружился в речи английского премьера Асквита на банкете лорд-мэра 9-го ноября, когда он сказал, что Англия не заинтересована непосредственно в переменах на Балканах, но что имеются другие державы, которые не допустят, чтобы их голос не был принят во внимание, когда настанет время для окончательного разрешения; что, пока продолжается война, английское правительство уклоняется от рассмотрения вопросов, которые, будучи выдвинуты разрозненно и преждевременно, вероятно, вызвали бы в дальнейшем непримиримые разногласия, но которые, однако, оказались бы более приемлемыми, если бы их сейчас пока оставили в стороне с тем, чтобы потом, при общем разрешении вопросов, рассмотреть их под более широким углом зрения.

Таким образом, с одной стороны, в противоположность предложению Пуанкаре, мы имеем полное признание за Австро-Венгрией и Италией права участвовать в территориальной перегруппировке на Балканах, с другой—уклонение, согласно с германской политикой, от разрешения отдельных вопросов до того момента, когда окажется возможным общее их регулирование.

Удивительным, но характерным для английской политики является тот факт, что это расхождение английского правительства в своих взглядах с точкой зрения, занятой французским правительством, и совместная работа английской и немецкой дипломатии почти совпали по времени с формальным закреплением дипломатической и военной антанты с Францией. 22-го и 23-го ноября 1912 года, следовательно, четырнадцать дней спустя после речи Асквита в Гилдхолле, произошла переписка между Эдуардом Греем и Полем Кам-

боном, которая явилась первым письменным документом со времени устного соглашения в 1906 году об англо-французском сотрудничестве в случае «невынужденного нападения». Мысль о причинной связи напрашивается здесь сама собой. Французское правительство было, без сомнения, встревожено англо-германским сотрудничеством в балканских вопросах, и руководящие английские государственные деятели сочли нужным устранить это беспокойство вручением союзной Франции более верного формального залога, чем она имела до сих пор, и дали ей тем самым уверенность в том, что случайное разногласие во мнениях по вопросам дипломатической тактики по существу дела ничего не меняет в англо-французском союзе.

В то время как Англия орудовала, таким образом, на два фронта, германское правительство было вынуждено оказать серьезное давление на союзную Дунайскую монархию.

Продвижение сербов через Албанию к Адриатическому морю и сообщения об ужасных зверствах, учиненных сербской армией в Албании, вызвали в Вене сильное возбуждение и стремление к немедленному вмешательству. Поведение России, стянувшей, под видом пробной мобилизации, значительные военные силы у галицийской границы, не способствовало тому, чтобы ослабить это возбуждение.

Для характеристики поведения германского императора в этом затруднительном для германской политики положении, очень напоминающем положение в июле 1914 года, показательна телеграмма, отправленная в то время Вильгельмом II рейхсканцлеру, следующего содержания: «Союзный договор с Австро-Венгрией заставляет нас выступить, если на Австро-Венгрию последует нападение со стороны России. Тогда будет вовлечена также и Франция, а при таких обстоятельствах, вероятно, не останется безучастной также и Англия. Возникшие сейчас спорные вопросы не находятся ни в каком соответствии с этой опасностью. Смысл союзного договора не может заключаться в том, чтобы мы были вынуждены броситься в борьбу на жизнь или смерть из-за одной лишь прихоти нашего союзника, когда ничто не угрожает его жизненным интересам. Конечно, если бы можно было установить, что другая сторона замышляет нападение, то нам пришлось бы пойти на любой риск».

Эта спокойная и уверенная точка зрения, которая единственно только и могла сохранить мир, явилась руководящей для германской политики также и в дальнейшем развитии обстоятельств. Удалось оказать отпор как сильному давлению со стороны России, так и противоположным тенденциям и временному недовольству в Вене.

Россия попыталась-было в Берлине пустить в ход угрозы. Так, первый секретарь русского посольства Боткин заявил мне 18-го ноября, что сербам не может быть отказано в доступе к Адриатике; если бы Австро-Венгрия воспрепятствовала этому, то Россия, уступая своему общественному мнению, была бы вынуждена вмешаться, что имело бы следствием мировую войну. Два дня спустя меня посетил Давыдов, бывший директор русского государственного казначейства [1]) и правая рука Коковцева, а в то время председатель Русского банка для внешней торговли. Он прибыл из Парижа, где он заключил заем для Болгарии. Он долго рассказывал мне об экономическом и финансовом подъеме России, будто Россия в одной только Германии имеет теперь актив в 700 милл. марок. Затем он коснулся политического положения и спросил меня, допускаю ли я, чтобы из-за сербских стремлений могла разразиться европейская война. Я ответил, что ему это должно было быть лучше известно, чем мне, так как это зависит от России. Он возразил, что Германия должна образумить Австрию; что, если положение в дальнейшем еще более обострится, то он, чтобы снять с себя ответственность, должен будет, как финансист, поставить себе вопрос о том, правильно ли поступает Россия, держа столько денег за границей. Это был ясный намек на то, что в случае дальнейших осложнений от нас будут изъяты русские миллионы, число которых Давыдов, между прочим, сильно преувеличил. Мне удалось установить, что Deutsche Bank (Немецкий банк) имел значительно больше претензий к России, чем Россия имела в нем актива. Сумма всего русского актива во всех немецких банках была, безусловно, значительно меньше указанной Давыдовым цифры,

---

1) Точнее: директор особой канцелярии по кредитной части при министерстве финансов. *Ред.*

при чем из этой меньшей суммы надо было вычесть еще очень значительные краткосрочные обязательства Германии перед Россией. Германская политика не дала ввести себя в заблуждение этим хвастливым выпадом.

Поддержка Германии далеко не удовлетворила Вену. Наперекор тревожным слухам об австро-венгерском ультиматуме Сербии, предстоящей мобилизации в Австро-Венгрии и другим подобным слухам, исходившим из Вены, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северо-германская всеобщая газета») 26-го ноября поместила энергичное опровержение этих известий, при чем сообщалось, что державы пришли к заключению подвергнуть албанский и адриатический вопросы обсуждению и окончательному разрешению лишь в связи с прочими вопросами, которые возникнут в результате событий на Балканах. Это был тот же план действий, который был намечен Асквитом в его гилдхоллской речи.

В Вене не было проявлено большой радости по поводу ясного изложения этой точки зрения официозным органом германского правительства. Отголоском этого настроения в венских официозных листках было заявление, что австро-венгерское правительство оставляет за собой полную свободу в выборе момента для разрешения албанского и адриатического вопросов. Кидерлен сказал мне вечером следующего дня: «Граф Берхтольд никогда не знает, чего он хочет. Венское правительство не может решиться воспрепятствовать занятию Сербией Албании и портов Адриатического моря; с другой стороны, оно не может также решиться и на то, чтобы заявить определенно, что разрешение этих вопросов должно быть отложено на будущее время. Мы готовы поддержать Австро-Венгрию, но именно поэтому мы имеем право знать, чего собственно хотят в Вене». Далее он сказал, что его не пугает война, но что было бы очень важно, чтобы именно в случае войны Англия осталась в стороне; что эта возможность не исключена, и он знает по этому поводу больше, чем венцы, и больше, чем он мог бы им сказать; что быть на его месте — небольшое удовольствие, и он был бы благодарен богу, если бы его нервы могли выдержать борьбу до конца.

Несколько недель спустя, 30-го декабря 1912 года, Кидерлен скончался от апоплектического удара. Германская дипломатия потеряла в его лице крупную силу.

В январе между балканскими государствами и Турцией было заключено перемирие. При участии послов великих держав в Лондоне начались переговоры о мире, к большой досаде Пуанкаре, который предпочел бы, чтобы мирная конференция состоялась в Париже под его председательством, и теперь настаивал на том, чтобы связанные с вопросом о балканском мире финансовые и экономические вопросы подверглись обсуждению на особой конференции в Париже. Эта особая конференция, на которую я, благодаря моему близкому знакомству с турецкими финансами и железнодорожными вопросами, был в качестве представителя делегирован германским правительством вместе с советником парижского посольства бароном фон-дер-Ланкеном, доктором Швабахом и генеральным консулом Причем, германским представителем при управлении государственных долгов Турции, открылась весною 1913 года.

Между тем разногласие по албанскому вопросу между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Сербией,— с другой, обострилось еще больше. Сербия требовала для себя большие территории чисто-албанской области; Австро-Венгрия оказывала этим требованиям сильнейшее противодействие. Я со своим коллегой Гвиннером приезжал 31-го января и 1-го февраля 1913 года в Вену для важных переговоров о восточных железных дорогах, интересовавших австро-венгерское правительство. Государственный секретарь фон-Ягов, которого мы посетили перед отъездом, напутствовал нас словами: «Передайте господам на Балльплаце, что нам здесь албанский вопрос причиняет некоторое беспокойство». Прежде всего мне представилась возможность побеседовать об этих делах с начальником отдела министерства иностранных дел, графом Викенбургом. Он сказал мне, что считает главную опасность уже миновавшей, но что Австро-Венгрии предстоит теперь отстоять свои интересы в очень важных деталях. Албания, по его словам, необходима в качестве запруды против усиливающегося югославского половодья. Запруда должна быть устроена так, чтобы она могла выдер-

живать напор. Особенно это относится к вопросу о границах Албании; но именно в этом вопросе Россия выдвигает наибольшие трудности, заставляя отрывать и отвоевывать у нее каждый клок албанской территории. По этому вопросу еще придется повоевать. Я высказал свои сомнения в значении албанской плотины и сказал, что, поскольку мне известно, албанцы отличаются от всех прочих народов тем, что к ним не применимо выражение Аристотеля, что человек есть «общественное животное», что они никогда не проявляли государственной силы и что я не могу отрешиться от опасения, что албанское государство явится для его вдохновителей не оплотом, а лишь источником новых волнений и забот.

31-го января, после завтрака у управляющего государственным поземельным банком Зигхардта, я беседовал с графом Берхтольдом. Граф Берхтольд довольно непринужденно спросил меня, что собственно в Германии думают о положении вещей и действительно ли там, насколько об этом можно судить, твердо намерены сохранить мир. Я ответил, что, по моему убеждению, все ответственные лица в Германии серьезно желают сохранения мира. Граф Берхтольд, ссылаясь на усиливающееся обострение опасности, грозящей монархии, а вместе с ней и немецкому народу с юго-востока, сказал, что, по его мнению, все равно не миновать решительной борьбы между германцами и славянами. Я напомнил ему слова Бисмарка о том, что невозможно заглядывать в карты судьбы, но что, если бы даже такая борьба оказалась неизбежной, то, по моему мнению, каждый год, протекший в мире, явился бы выигрышем для Германии, население которой, а также экономическая и финансовая мощь постоянно увеличиваются. После этой беседы мне стало совершенно ясно, до какой степени разрослись великосербские тенденции в представлении наших австро-венгерских союзников, превратившись, наконец, в жизненную опасность для монархии. Правда, вскоре после того, в марте 1913 года, конфликт между Россией и Австро-Венгрией был ликвидирован. Но в этой ликвидации я усматривал лишь передышку. С тех пор я с удвоенной заботой следил за событиями на Балканах, будучи уверен, что отношения между Австро-Венгрией и Сербией не выдержат нового трудного испытания и что при занятой Россией

позиции каждый австро-сербский конфликт сейчас же вызовет величайшую опасность мировой войны.

Мои наблюдения на парижской конференции, созванной для урегулирования финансовых вопросов, явившихся следствием балканской войны, укрепили во мне это убеждение. Конференция поручила мне председательствовать в комиссии, которая должна была обсуждать вопрос о принятии на себя части государственного долга Турции балканскими государствами, которым, согласно заключенному в Лондоне прелиминарному миру, была обещана бо́льшая часть территории Европейской Турции. Я имел тут возможность наблюдать, до какой степени военные успехи против Турции вскружили умы возгордившейся Сербии, как русский посланник Извольский направлял и возбуждал не только представителей балканских государств, но держал на поводу также и французских представителей на конференции. Франция, как самый большой кредитор Турции, была, конечно, больше всех заинтересована в справедливом улажении вопросов, подлежавших рассмотрению в моей комиссии. Но французское правительство и его представители отодвинули даже и эти значительные интересы на задний план, лишь бы не дойти до разногласия с Россией. Английский представитель, сэр Поль Харвей, бывший докладчиком в моей комиссии, держал себя очень деловито и лойяльно. Зато члены итальянского представительства, под руководством главным образом Вольпи, посредника при заключении лозаннского мира, оказались в высшей степени ненадежными, скрытными и склонными в любой момент договориться с Сербией, Черногорией и Россией. В результате у меня в течение трех месяцев упрочилось убеждение, что Россия не только поддерживает хищнические замыслы балканских государств, но еще и возбуждает их и тем самым поддерживает пламя разгорающейся мировой войны; что Франция при случае тоже помогала раздувать пламя и ни под каким видом не хотела быть отрезанной от России даже тогда, когда на карте стояли собственные крупные интересы; что Англия сохраняла с внешней стороны корректную, но непроницаемую и выжидательную позицию; что на Италию, хотя и пришедшую с Австро-Венгрией к соглашению относительно Албании (оказавшемуся, правда, весьма непрочным), совершенно нельзя было положиться.

Политического результата парижская конференция не имела. Прежде чем закончились ее совещания, возникший между Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией,—с другой, спор по вопросу о разделе областей, уступленных Турцией согласно прелиминарному миру в Лондоне, привел ко второй балканской войне. Румыния напала на Болгарию. Турция, под предводительством Энвера, продвинулась до Адрианополя. Болгария вскоре оказалась вынужденной сложить оружие. По бухарестскому миру Болгария лишилась большей части первоначально уступленной ей территории и должна была отдать Румынии часть южной Добруджи, в то время как Греция и особенно Сербия весьма значительно округлили свои владения.

Австро-венгерская дипломатия, не желавшая допустить слишком большого увеличения Сербии и усмотревшая в Болгарии, хотя и очень ослабленной, противовес Сербии, потребовала пересмотра бухарестского мира в пользу Болгарии. При этом она сознательно закрывала глаза на то обстоятельство, что Болгария за год до того,—несмотря на поддержку, полученную ею от Австро-Венгрии при объявлении своей независимости,—заключила с Сербией договор, дававший последней военную поддержку также и против Австро-Венгрии. Далее, она не учла в достаточной мере того обстоятельства, что, в виду выдающегося интереса Румынии в бухарестском мире, такой протест должен был возмутить Румынию и создать еще более благоприятную почву для стремлений Румынии к дружбе с антантой, которые и без того были сильными. Германская политика, в явном противоречии с австро-венгерской, выступила в защиту бухарестского мира, с целью настроить благоприятно в пользу центральных держав оба неславянских государства на Балканах,—Румынию и Грецию. В виду такого поведения Германии, Австро-Венгрия, недовольная и озлобленная, взяла обратно свое требование о пересмотре бухарестского мира.

После второй балканской войны великосербская опасность не только продолжала существовать для Австро-Венгрии, но сделалась еще большей, чем когда-либо. Сербия, увеличившаяся по сравнению с прежней территорией, далеко еще не была насыщена; напротив, с повышением своего самосо-

знания, благодаря своим последним военным успехам, она теперь лишь направила свои взоры на запад, и великосербская пропаганда громче, чем когда-либо, объявила своей близкой к выполнению целью — присоединение югославских областей Австро-Венгрии.

Ко всему этому присоединилось еще то, что временное улучшение отношений между Австро-Венгрией и Италией оказалось непрочным. Автономная Албания сделалась новым яблоком раздора между ними. Правда, им удалось притти к соглашению относительно кандидатуры принца Вида, как главы вновь создаваемого государства. Но уже при переговорах о предоставлении первого кредита для нового княжества, которые мне, по поручению князя, пришлось вести с одной австро-венгерской и одной итальянской банковской группой, непосредственно перед его отъездом в Дураццо, обнаружились их зависть и недоверие друг к другу.

Дальнейший ход все более и более неблагоприятно слагавшихся обстоятельств в Албании совершенно свел к нулю все последствия сближения Италии с обеими центральными державами, с таким трудом достигнутого во время триполийской и первой балканской войны.

Таким образом, балканские войны оставили по себе тяжелую атмосферу, предвещающую грозу.

Часть III.

Последние попытки к соглашению.

Чтобы по возможности устранить опасности, грозившие всеобщему миру, германская политика с удвоенным усилием стремилась, путем соглашения по отдельным важным вопросам и ликвидации прежних спорных пунктов, улучшить отношения между Германией и западными государствами. Таким путем предполагалось создать гарантию мира в противовес угрожавшей с юго-востока опасности. Поведение Англии во время обеих балканских войн особенно давало повод надеяться, что через соглашения по отдельным вопросам, быть-может, удастся устранить недоверие Англии и Германии и, несмотря на экономическое соревнование, создать общую заинтересованность в сохранении всеобщего мира. К вопросу о достижимости этой цели можно было отнестись с доверием или скептически; но лично я и сейчас еще держусь того мнения, что во всяком случае следовало сделать честную попытку отвратить грозившую миру катастрофу путем соглашения по конкретным вопросам с той державой, которая больше, чем какая-либо другая, держала в своих руках судьбу всеобщего мира,— хотя бы уже для того, чтобы, по возможности, затруднить задачу тем элементам в Англии, которые, оставаясь верными традициям старой политики насилия, ставили себе целью разгром сильнейшей державы на континенте и сильнейшего противника в мировом хозяйстве и на море, и чтобы отнять у них поводы к войне, которые могли бы показаться английскому и международному мнению сколько-нибудь вескими.

Имелось два больших комплекса вопросов, по которым в то время пытались войти в соглашение с Англией, чего к началу мировой войны и добились: это — колониальные вопросы в Африке и экономические и железнодорожные вопросы в Передней Азии.

ГЛАВА IX.

Соглашение с Англией по вопросам об африканских колониях.

Так как я не принимал непосредственного участия в переговорах, то история соглашений по вопросам об африканских колониях известна мне только в общих чертах. Речь шла прежде всего о ликвидации португальских колониальных владений. Вследствие политической, военной, экономической и финансовой невозможности для Португалии содержать большие колониальные владения, ликвидация их оказалась бы необходимой с того момента, как только Англия отказалась бы от искусственной поддержки колониального могущества Португалии. Колониальное владычество Португалии являлось лишь фикцией. Обширные области принадлежали Португалии только на карте, но в действительности не находились под ее суверенитетом и не эксплоатировались ею. Там же, где имелось налицо фактическое обладание, властелином оказывался большею частью английский капитал, державший под весьма призрачным прикрытием португальского флага всю власть в своих руках.

Уже в 1898 году, в этот ранний период германо-английских попыток к сближению, между обоими этими правительствами было заключено тайное соглашение о португальских колониях на случай ликвидации их, которая, вследствие финансовой нужды Португалии, считалась неизбежной в ближайшем будущем. Это соглашение никогда впоследствии не получило реального осуществления, так как Англия, от которой фактически зависело не доводить дела до ликвидации, энергично поддерживала Португалию в ее попытках сохранить свои колониальные владения. Более того, в 1889 году Ан-

глия заключила тайный договор с Португалией, так-называемый виндзорский договор, по которому обе державы взаимно гарантировали неприкосновенность их колоний. Германскому правительству было сообщено о виндзорском договоре лишь тринадцать лет спустя после его заключения, когда, уже после холдэновской миссии, были снова начаты переговоры о колониях. Король Эдуард VII тотчас же по своем вступлении на престол аннулировал это заключенное до него соглашение. Свой первый же визит по вступлении на престол он сделал португальскому двору, произнесши при этом речь, в которой подчеркнул, что «сохранение в неприкосновенности» колоний обеих сторон является предметом самых сильных его желаний и стремлений.

Между тем король Эдуард VII умер, и Португалия сделалась республикой. С изгнанием португальского королевского дома для английской политики отпали определенные соображения личного свойства. Революционные волнения еще сильнее поставили под вопрос способность Португалии сохранить хотя бы видимость владычества над своими колониями. Таким образом, казалось, что теперь как-будто наступила возможность перейти к более реальному соглашению. Английское правительство признало необходимость территориального расширения германских колоний; оно проявило готовность признать за сферу интересов Германии бо́льшую часть португальских владений в восточной Африке, начиная от границы германской Восточной Африки до реки Замбези, а в западной Африке бо́льшую часть португальской Анголы. Экономическая деятельность Германии должна была в означенных областях предшествовать их формальному переходу в будущем во владение Германии. Следовательно, английское правительство не только не намеревалось препятствовать экономическому внедрению немецких предприятий, но предполагало еще и способствовать ему.

На основании этого соглашения в 1913—1914 году состоялись переговоры, целью которых было передать в руки Германии важные предприятия в предназначенных ей областях. Так, например, я заключил с одной английской группой ряд соглашений для консорциума немецких банков и колониальных домов; по этим соглашениям нам была пред-

оставлена доля участия, с правом контроля, в Nyassa Company (Общество Ньясса), обладавшем коронными правами над областью, граничащей на юге с германской Восточной Африкой. Переговоры велись с ведома и при поддержке английского правительства. Подобные же переговоры велись в момент начала мировой войны относительно бенгуэльской железной дороги, кратчайшего сообщения между западным берегом Африки и важным рудниковым районом Катанга в бельгийском Конго, также и относительно железных дорог, начинающихся от португальских гаваней Порта Александра и Тигровой бухты и открывающих доступ в северную часть германской Юго-Западной Африки. Эти переговоры, законченные еще к началу мировой войны, велись тоже при поддержке английского правительства, на основе заключенного с германским правительством колониального соглашения. Роберт Виллиамс, бывший представителем Англии в переговорах относительно участия Германии в сооружении бенгуэльской железной дороги, сказал 2-го февраля 1915 года а общем собрании Tanganyika Concessions Ltd. (Концессионного общества Танганийка), имевшего до тех пор право контроля над бенгуэльской железной дорогой: «Сэр Эдуард Грей, которому делали запрос в 1912 году по этому поводу, заявил тогда, что вопрос о привлечении иностранного капитала относится к такой области, в которой Обществу предоставляется свобода решения; но если бы оно все же пришло к решению привлечь иностранный капитал, то он посоветовал бы обратиться к немецкому капиталу».

ГЛАВА X.

Вопросы, касающиеся Передней Азии. Багдадская железная дорога.

Если при разрешении колониальных вопросов, касающихся Африки, Англия и Германия старались проявить взаимное доброжелательство и предотвратить возможность трений в будущем, то в вопросах, касающихся Передней Азии, они стремились устранить прежние трения и найти способы мирного сотрудничества.

Вопрос о багдадской железной дороге, стоявший в центре вопросов Передней Азии, играл в течение больше десяти лет важную роль в англо-германских отношениях,—правда, более важную в представлении англичан, чем немцев. Возникавшие по этому вопросу разногласия подвергались со стороны английского правительства всегда такому серьезному и внимательному рассмотрению, как никакой другой предмет спора между Англией и Германией, за исключением, впрочем, вопроса о флоте. Так как вопросом о багдадской железной дороге с самого начала сильно интересовались также Франция и Россия, то он стал чрезвычайно сложной проблемой международной политики. После того как Россия, в силу потсдамского соглашения 1910 года, перестала быть заинтересованной в багдадской железной дороге и предоставила Германии свободу действий, Германия хотела сговориться также с Францией, и особенно с Англией, не только для более успешного выполнения этого важного предприятия, но и вообще для улучшения отношений между нею и западными державами, а значит, и для упрочения всеобщего мира.

Эта попытка притти к соглашению имела свою очень длинную и сложную историю. Когда, приблизительно в конце 80-х годов прошлого столетия, немецкая инициатива и немецкий капитал заинтересовались Турцией, то немецкие замыслы нашли поддержку в Англии, между тем как во Франции и России они встретили враждебное недоверие. Франция смотрела в то время на Турцию, как на свое владение в финансовом и экономическом отношении; поэтому появление нового конкурента, и именно в лице Германии, было там встречено недружелюбно. Россия, ждавшая развала Турции и рассчитывавшая получить львиную долю наследства больного человека у Босфора, относилась уже заведомо неблагосклонно к каждой новой попытке сохранить Турцию и способствовать внутреннему упрочению Османской империи. Напротив, Англия, спасшая Турцию в 1878 году от разгрома, видела тогда еще в Турции сильный оплот против стремлений России к расширению, который не должен быть разрушен Россией или взят под свой исключительный финансовый и экономический контроль Францией. Так как английская инициатива и английский капитал были в те годы полностью по-

глощены великими заданиями самой Британской мировой империи и проявляли мало склонности к более значительной работе в самой Турции, даже уступив место французскому капиталу, то обнаружившаяся заинтересованность Германии в Турции оказалась очень на-руку английскому правительству. Дружественные отношения Англии к тройственному союзу вполне объясняли эту поддержку и вводили ее в общие рамки английской политики.

После того как в 1888 году немецкая финансовая группа, во главе с Немецким банком, получила концессию на постройку и эксплоатацию железной дороги от Хайдар-Паши (предместье Константинополя на азиатском берегу) до Ангоры, в Обществе анатолийской железной дороги, организованном для постройки этой линии, на-ряду с немецким, австрийским и итальянским капиталом, принял участие и английский капитал, правда, в очень скромной доле (к тому же он скоро был уже изъят из предприятия).

Ангорская дорога была закончена в течение немногих лет и сейчас же дополнена ветвью Эскишехир—Кония. В 1896 году была открыта для эксплоатации и эта ветвь. Новая железнодорожная сеть, общая длина которой превышала 1.000 км., в противоположность построенным до тех пор под французским и английским руководством коротким железнодорожным веткам в западной части Малой Азии и Сирии, открывала для эксплоатации внутренние области Анатолийского плоскогорья, известного в древности своим плодородием и своими минеральными богатствами и ждавшего теперь своего пробуждения от глубокого многовекового сна.

Когда Франция увидела, что Германия не отступает от намеченной себе цели, и что Германия, все еще считавшаяся бедной страной, оказалась в состоянии собрать средства, необходимые ей для проведения своих планов, она примирилась с совершившимся фактом. Между немецкими и французскими участниками в Турции постепенно наладились хорошие отношения, не исключавшие, конечно, возможности отдельных обострений, но приводившие в важных случаях к совместному выступлению и совместной работе. Наиболее проницательные умы во Франции, прежде всего Констан, бывший с 1899 года в течение многих лет послом в Константинополе, порвавший

цепь национальных предрассудков, пришли к убеждению, разделяемому и Германией, что интересы Германии и Франции в Турции в важнейших вопросах, каковыми являются сохранение турецкой независимости и финансовое и экономическое упрочение Турции, совпадали друг с другом и открывали поле для совместной лойяльной работы. Наоборот, дружеская вначале заинтересованность Англии в том, чтобы Германия принимала участие в работе Турции, в течение 90-х годов все более и более ослабевала в соответствии с общеполитическими отношениями. Один только раз за это время, при обострении англо-французских отношений в 1898 году (Фашода), при том затруднительном положении Англии в первый период бурской войны, который использовала Россия в своей политике в Передней Азии, следовательно, в момент попыток Чемберлена создать германо-англо-американскую антанту, казалось, могло вновь осуществиться совместное выступление Германии и Англии также и в железнодорожном строительстве в Передней Азии.

В то время проект багдадской железной дороги впервые получил реальные формы.

Эта дорога, которая должна была, пересекая Малую Азию и Месопотамию, соединить Константинополь с Персидским заливом, являлась бы не только главной магистралью всей железнодорожной сети Азиатской Турции и вследствие этого самой важной в стратегическом и экономическом отношении железной дорогой для Османской империи, но, будучи кратчайшим путем сообщения между Европой и Индией, имела бы все шансы сделаться также и одной из главнейших мировых линий. Понятно поэтому, что проект постройки багдадской железной дороги постоянно обсуждался в течение последних десятилетий, и что самые разнообразные финансовые группы вели о ней переговоры с турецким правительством. То обстоятельство, что все эти обсуждения и переговоры оставались до сих пор без всякого результата, объясняется прежде всего финансовыми трудностями проекта: осуществление его требовало сотен миллионов; о доходности, могущей привлечь частный капитал, в течение многих лет не могло быть и речи, для государственной же гарантии у Турции нехватало средств; далее, имелась еще одна политическая

трудность; недоверчивый до крайности султан Абдул-Гамид, как ни горячо интересовался проектом багдадской дороги, не хотел отдать постройку и эксплоатацию этой важнейшей турецкой железной дороги в руки тех, в лойяльность которых к Турции и в надежности которых он не был безусловно уверен.

В конце 90-х годов как-будто представилась возможность преодолеть эти препятствия. Анатолийская дорога явилась многообещающим началом. Экономическое и финансовое развитие Турции давало возможность создания новых источников дохода, которые могли быть использованы в качестве основы для финансирования багдадской железной дороги. И, наконец, султан проникся к Германии, не преследовавшей в Турции никаких территориальных целей и вынужденной в своих собственных интересах защищать независимость и неприкосновенность Турции, достаточным доверием, чтобы поручить ей это большое предприятие.

Германское правительство, к которому султан стал все чаще и настойчивее обращаться с просьбой проведения проекта, усмотрело тут возможность весьма значительного расширения всемирно-экономического положения Германии и потому охотно пошло навстречу желаниям Турции. Группа немецких финансистов, создавшая анатолийскую сеть, предложила свои услуги для этого большого предприятия.

В Германии с самого начала давали себе отчет в том, что быстрое выполнение этого большого предприятия возможно только на международной основе. Грандиозность капиталов, необходимых для постройки пути длиною около 2.500 км., необходимость согласия европейских великих держав для создания новых турецких государственных доходов, нужных для финансирования предприятия, международное значение новой мировой линии, особенно, как пути сообщения с британской Индией, наконец, большая зависимость предприятия от политической позиции отдельных великих держав,—все это, вместе взятое, указывало на необходимость заручиться не только согласием, но и содействием наиболее заинтересованных в предприятии великих держав и их финансовых кругов.

В отношении к Франции усилия в этом направлении увенчались сначала успехом. Между группой Немецкого банка

и французской группой Оттоманского банка в мае 1899 года, при содействии посланников обеих стран в Константинополе, барона Маршалля и Констана, состоялось основное соглашение по поводу совместного выступления в вопросах железной дороги.

Переговоры с Англией тоже носили сперва, повидимому, благоприятный характер. В ноябре 1899 года, когда император Вильгельм II с рейхсканцлером гостил у английской королевы в Виндзоре, Чемберлен высказался в том смысле, что ему кажется желательным участие Англии в немецких железнодорожных предприятиях в Передней Азии и что ему приятнее видеть немцев в Малой Азии, чем русских и французов. Однако, дело не пошло дальше проявления политического благорасположения; попытки привлечь английскую финансовую группу к активной работе оказались безрезультатными. Когда после получения предварительной концессии на багдадскую дорогу (в декабре 1901 года) были возобновлены попытки заручиться финансовым содействием Англии, там обнаружилась еще большая сдержанность. В феврале 1901 года главный руководитель багдадского предприятия директор Немецкого банка д-р Георг фон-Сименс имел в лондонском министерстве иностранных дел собеседование, в котором в качестве английских представителей приняли участие заместитель государственного секретаря в министерстве иностранных дел Сандерсон и английский посол в Константинополе сэр Николас О'Конор. Речь шла преимущественно о том, чтобы выяснить, согласится ли Англия на повышение турецких пошлин, необходимое для финансирования багдадского проекта; английские представители высказались в том смысле (с оговоркой, что это только их личное мнение), что Англия только в том случае могла бы подвергнуть обсуждению этот вопрос, если предварительно в проектированном предприятии багдадской железной дороги было бы создано достаточно английских интересов. Создать такие интересы для Англии они предоставили немецкой группе, не поддержав ее даже указанием, в каком направлении ей следовало приложить свои усилия. Д-р фон-Сименс, не добившись толку, вернулся в Берлин.

В течение всего последующего времени, в согласии со всей английской политикой, проявлялась все сильнее подчер-

киваемая враждебность Англии к багдадскому проекту. Англия задерживала разрешение вопроса о повышении турецких пошлин и подняла спорный вопрос о Ковейте. Ковейт—маленький городок на северном берегу Персидского залива; его гавань считалась значительно превосходящей удобствами все остальные гавани той местности и естественным конечным пунктом для железной дороги в направлении от Багдада к Персидскому заливу. Правительство британской Индии давно уже заключило с ковейтским шейхом договоры, содержание которых никогда не могло быть точно установлено. Основываясь на этих договорах, Англия претендовала для себя если не на протекторат над Ковейтом, то все же на особое положение, не определяемое более точно, между тем как Порта настаивала на своем суверенитете над Ковейтом. Когда осенью 1901 года турки захотели, под предлогом восстания в Ковейте, высадить там войска, то им воспрепятствовали в этом английские суда. В связи с этим происшествием английское правительство сообщило турецкому, что, при условии признания турками status quo, попрежнему более точно не определенного, они воздержатся от занятия Ковейта и объявления протектората. Тем дело и кончилось. В виду запутанности ковейтского вопроса Германия пыталась найти выход в том, чтобы в предоставленной Германии в начале марта 1903 года окончательной концессии на постройку и эксплоатацию багдадской железной дороги конечный пункт дороги у Персидского залива не был точно обозначен, и чтобы разрешение вопроса о нем отложено было до позднейшего соглашения.

Несмотря на такую готовность Германии итти навстречу и на ее стремление войти в соглашение с английским правительством также и в других важных для Англии вопросах, английское правительство окончательно уклонилось от какого-либо соучастия. Бальфур, поставивший 8-го апреля 1903 года нижнюю палату в известность о новых немецких предложениях и обещавший подвергнуть их серьезному рассмотрению, сообщил 23-го апреля 1903 года, что предложенные Германией гарантии равноправного положения Англии в предприятии являются недостаточными, и что поэтому Англия не может обещать своего участия.

Одновременно Делькассе объявил во французской палате, что предварительным условием участия Франции в багдадском предприятии является признание полной равноправности ее в отношении капитала и управления.

Таким образом, английская и французская политика объединились для того, чтобы вырвать из рук Германии подготовленное и основанное ею предприятие или чтобы предъявлением претензии на полное равноправие, которое на самом деле превратилось бы в подчинение себе Германии, воспрепятствовать его осуществлению. На таком враждебном отношении английской и французской политики дело и осталось; что касается России, то, по указанным уже причинам, она с самого начала чинила препятствия багдадскому предприятию.

Несмотря на это, французская финансовая группа Оттоманского банка сохранила в силе выраженное ею желание и свое обещание участия в предприятии, вероятно, получив на это тайное согласие французского правительства. Однако, в виду того, что французский рынок оставался закрытым для багдадских ценностей, французское участие имело для немецкой группы значение только постольку, поскольку оно не разрывало окончательно нитей и оставляло открытыми известные перспективы в будущем.

Представленная в марте 1903 года концессия охватывала главную линию от Конии, конечного пункта анатолийской железной дороги, до Персидского залива, а также большое количество боковых ветвей. Однако, финансовое соглашение простиралось только на первые 200 километров от Конии, так как только они могли быть обеспечены достаточными гарантиями. Вопрос о предоставлении гарантий для всей сети все еще оставался открытым.

Первый участок дороги в 200 километров (Кония—Булгурлу) был открыт для эксплоатации уже осенью 1904 года. Но дальнейшее проведение дороги было приостановлено на много лет, так как турецкое правительство оказалось не в состоянии предоставить дальнейшие гарантии вследствие противодействия Англии и Франции.

Весной 1906 года я был послан Немецким банком в качестве его представителя и в качестве делегата совета общества анатолийской железной дороги и общества багдадской же-

лезной дороги в Константинополь. Моей главной задачей было оказать содействие в преодолении финансовых затруднений и заключить с турецким правительством договоры относительно дальнейшей постройки багдадской железной дороги, которую безусловно необходимо было провести за Таврский хребет и возможно скорее до Алеппо, предполагаемого пункта соединения с французской сетью железных дорог в Сирии.

Также и мне было совершенно очевидно, что исключительные условия багдадского железнодорожного предприятия настойчиво требуют международного соглашения. Для того, чтобы полностью использовать багдадскую железную дорогу, как большую международную магистраль между Европой и Индией, надо было, прежде всего, притти к соглашению с Англией. Однако, с другой стороны, каждая новая попытка притти к соглашению казалась мне заранее обреченной на неудачу до тех пор, пока противоположная сторона оставалась при своем убеждении, что мы без ее согласия не сможем продвинуться вперед ни на шаг, и что поэтому она может поставить нам любые условия и вырвать у нас плоды нашей работы. Почва для приемлемого для нас соглашения должна была быть предварительно подготовлена фактами, которые могли бы доказать всему миру, что мы достаточно исполнены решимости и силы для того, чтобы устранить препятствия, поставленные нам на пути, и что мы, в случае необходимости, сумеем довести предприятие до конца за свой собственный риск и страх.

После упорной работы и ожесточенной борьбы удалось, наконец, заручиться финансовой основой для дальнейшей постройки дороги. Правда, англичане настояли на том, что доход с трехпроцентного повышения пошлин, разрешенного, наконец, туркам в 1907 году на семилетний срок, должен был итти на проведение реформ в Македонии, так что этот важный источник дохода оказался закрытым для финансирования багдадской железной дороги. Однако, благодаря нашим усилиям, нам удалось заручиться для финансирования дальнейшей постройки багдадской железной дороги другими поступлениями, которые образовались частью вследствие проведенной в 1903 году унификации старого государственного

долга Турции, частью благодаря экономическому развитию Турции и давали надежду на благоприятное развитие в будущем. 2-го июня 1908 года я уже мог подписать договоры с турецким правительством относительно постройки дальнейших 840 км. пути. Новые договоры предусматривали пересечение Тавра и Амана, соединение с заливом Александретты через посредство ветви Мерсина — Адана, незадолго до того приобретенной немецкой группой, соединение с сирийской железнодорожной сетью в Алеппо и, наконец, переход через Евфрат; предварительным конечным пунктом был намечен Тельхелив, местечко к югу от Мардина, исходного пункта предусмотренной в концессии 1903 года важной боковой ветви в Диарбекир. Эти договоры явились значительным шагом вперед после четырех лет застоя.

Лишь немного недель спустя после того, как они были подписаны, разразилась младотурецкая революция. Новое направление, находившееся сперва под сильным французским и английским влиянием, было сильно настроено против «немецкого» багдадского предприятия. Но багдадские договоры могли выдержать любую критику; также и младотурки должны были притти к убеждению, что проведение начатого дела является жизненной задачей для Турции.

Со стороны Германии при этих новых условиях вновь была сделана попытка к совместному с Англией и Францией выступлению в турецких вопросах. Осенью 1908 года, по немецкой инициативе, группа Немецкого банка, французская группа Оттоманского банка и одна близко стоящая к сэру Эрнесту Касселю английская группа объединились, чтобы помочь новой Турции в ее финансовых затруднениях предоставлением ей кредита, а в связи с тем и займа. По вопросу багдадской железной дороги был сделан осторожный подход и к Англии. Осенью 1909 года я встретился в Константинополе с сэром Эрнестом Касселем, который, благодаря основанию Национального банка Турции больше тем временем заинтересовался предприятиями в Турции; при этой встрече была подвергнута обсуждению возможность совместной работы в турецких предприятиях, особенно в багдадском предприятии. Приблизительно к концу года Кассель приехал в Берлин. Он предложил на наше рассмотрение вопрос о том, могли ли

бы мы дать свое согласие на предоставление южного участка багдадской дороги, от города Багдада до Персидского залива, обществу, стоящему под английским руководством, взамен чего Англия должна была отказаться от своего противодействия багдадскому предприятию и предоставить ему к северу от Багдада свободу действий. Само по себе такое разрешение вопроса являлось сносным с точки зрения немецких интересов при условии, если бы турецкое правительство превозмогло свое недоверие к Англии, связанное с усилением ее положения в южной Месопотамии, и если бы между обеими финансовыми группами могли быть заключены соглашения относительно такого способа эксплоатации обеих линий, чтобы гарантирована была непрерывность пассажирского и товарного сообщения, как оно происходит на одной и той же сети.

Однако, первоначально переговоры эти не привели ни к какому результату. Напротив, в 1910 году имело место еще одно выступление со стороны Франции, поддержанное также и Англией, против финансового и экономического положения Германии в Турции. Французская группа, вошедшая в контакт с английскими кругами, повела энергичную кампанию за проект железной дороги из северной Сирии, вдоль долины Евфрата, к Багдаду с тем, чтобы при помощи этой конкурирующей линии, более короткой, но в экономическом и стратегическом отношении для Турции менее ценной, нанести смертельный удар немецкой багдадской дороге, идущей по долине Тигра. Одновременно, французским правительством было использовано сильное денежное затруднение Турции, чтобы навязать ей условия, которые оказались бы равносильными созданию финансового контроля и подчинили бы Турцию во всех экономических вопросах, и особенно в вопросе о сооружении железнодорожной сети, произволу западных держав. Турецкий министр финансов, которому в Париже были предложены неприемлемые условия, обратился за помощью в Лондон, но наткнулся здесь на закрытые двери. В Париже и Лондоне царило убеждение, что Германия недостаточно сильна, чтобы оказать Турции существенную финансовую помощь. «Londres ne veut pas, Berlin ne peut pas!» [1]) — торжественно провозгласили французские газеты.

[1]) Лондон не хочет, Берлин не может.

Расчет оказался неверным. В сознании того, что вопрос шел о сохранении независимости Турции и вместе с тем о сохранении равноправного положения Германии в этой важной и многообещающей в будущем стране, весь германский и австро-венгерский банковый мир объединился в один большой консорциум, чтобы помочь Турции в нужде. В ноябре 1910 года я поехал, по поручению этого консорциума, в Константинополь для переговоров с турецким министром финансов по поводу условий займа. Уже через несколько дней были подписаны договоры, обеспечивавшие Турции на два года средства для покрытия дефицита в ее государственном бюджете.

Турция воспользовалась приобретенной свободой действий для того, чтобы обеспечить возможность дальнейшей постройки багдадской дороги, все значение которой было тем временем оценено и младотурецкими властителями. В марте 1911 года были заключены договоры, которыми предоставлялось право немедленно приступить к сооружению главной линии до Багдада. Обществу предоставлялась также концессия на боковую ветвь до Александретты и на постройку и эксплоатацию портовых сооружений в этом важном пункте.

Чтобы все же дать турецкому правительству возможность по вопросу о багдадской дороге прийти к соглашению также и с Англией, с согласия министерства иностранных дел было подано заявление великому визирю, по его просьбе подписанное моим коллегой Гвиннером и мною, о том, что мы готовы ходатайствовать перед Обществом багдадской железной дороги, чтобы оно согласилось, при определенных условиях и компенсациях, о которых речь должна быть впереди, передать свои права на участок дороги от Багдада до залива, целиком или частью, вновь образуемому турецкому обществу, однако, при том непременном условии, чтобы Германии в этом обществе была гарантирована не меньшая доля участия, чем всякой другой не-турецкой группе. Сверх того, Общество багдадской железной дороги отказывалось от всех своих прав на поступления от предусмотренного повышения пошлин, чтобы раз навсегда отнять у Англии основание к протесту против такого, будто бы, недопустимого для турецких финансов расходования новых доходов.

ГЛАВА XI.

Соглашение с Францией по вопросу о турецких железных дорогах.

Новые договоры, в связи с предшествовавшим им предоставлением займа Турции, действительно способствовали выяснению положения. В Англии на некоторое время совершенно затихли разговоры о багдадской дороге. Россия после потсдамского соглашения перестала быть заинтересованной в ней; Франция, выступление которой против багдадского предприятия было окончательно подорвано, стала теперь домогаться в других областях «компенсаций» взамен достигнутых Германией успехов. Она приступила к переговорам относительно больших железнодорожных концессий в Европейской Турции и северо-восточной Анатолии и обещала Турции, в случае благоприятного исхода переговоров, предоставление большого займа. Эти новые французские замыслы являлись серьезным посягательством на более давние права анатолийского и багдадского предприятия; на этот раз французская группа пыталась, однако, войти в полюбовное соглашение с немецкой группой. При переговорах, не касаясь отдельных спорных пунктов, обсуждали прежде всего возможность объединения деятельности обеих сторон в Турции и установления одной общей программы, предусматривающей разделение работ по сооружению турецкой железнодорожной сети и принимающей во внимание экономическую нужду Турции и ее финансовые ресурсы. Наибольшую трудность при этом представляло неопределенное положение французской группы в багдадском предприятии. Французская группа продолжала участвовать в предприятии в тридцати процентах; между тем вновь объявленное незадолго до того министром иностранных дел Пишоном закрытие французского рынка для багдадских ценностей отнимало у нее возможность активного участия в финансировании предприятия. Я имел по этому вопросу в июне 1911 года в Константинополе собеседование со вновь назначенным директором Оттоманского банка Ревуалем, занимавшим прежде пост французского посланника в Танжере и Мадриде и известного своей настойчивой защитой фран-

цузской точки зрения в марокканском вопросе. Я настаивал на приведение в ясность французской политики в вопросе о багдадском предприятии, указывая, что, если действительно имеется в виду дальнейшее участие Франции в предприятии, то следовало бы устранить как препятствия к действительному ее участию в доставлении финансовых средств, так и официально-враждебное отношение французского правительства к багдадскому предприятию. В противном случае мы изъявляли готовность отказаться от французского участия в предприятии. Ревуаль еще решительнее высказался тогда против исключения французской группы, заявивши, что его правительство также желает дальнейшего участия французской группы в багдадском предприятии, но что нужно попытаться найти другие пути для удовлетворения наших требований, правомерности которых он не оспаривал.

Переговоры эти были прерваны с появлением «Пантеры» у Агадира, вызвавшим критическое обострение германо-французских отношений. Вслед за тем турецко-итальянская война и балканские войны вызвали необходимость дальнейшей отсрочки переговоров. Они были возобновлены лишь весною 1913 года.

Мое тогдашнее пребывание в Париже было использовано для того, чтобы завязать переговоры о германо-французском соглашении по турецким предприятиям; на этот раз вопрос об отношении Франции к багдадскому предприятию был окончательно выяснен. В ответ на вновь поставленную мною Ревуалю альтернативу: «или лойяльное сотрудничество, или полное разделение», последний заявил, что он будет в состоянии дать мне точный ответ лишь после беседы с министром иностранных дел. Несколько дней спустя мне был доставлен ответ из министерства; он гласил (к глубокому сожалению Ревуаля, как он сам об этом заверял): «Полное разделение».

На основании этого ответа переговоры были вслед за тем продолжены в Берлине уже относительно всего комплекса вопросов, при участии французского посла, представителя французского министерства иностранных дел и помощника управляющего Французским банком. 15 февраля 1914 года договоры могли быть уже подписаны.

Они устанавливали соглашение о выходе французской группы из багдадского предприятия по дальнейшей постройке проектированных обеими группами железнодорожных сетей в Азиатской Турции, далее, в них имелись постановления о передаточных пунктах; о тарифных ставках, затрогивавших общие интересы обеих железнодорожных сетей, о постепенности сооружения новых ветвей применительно к финансовым силам Турции и, наконец, о совместном гарантировании турецких займов, поставленных под вопрос балканской войной, и упрочении турецких финансов. Соглашение должно было войти в силу лишь в зависимости от исхода переговоров, которые велись с турецким правительством как немецкой, так и французской группой. Далее, имелась, конечно, тесная связь между германо-французскими договорами и теми соглашениями, которые в то время подлежали обсуждению между Германией и Англией по вопросу о предприятиях обеих сторон в Малой Азии и Месопотамии.

ГЛАВА XII.

Соглашение с Англией по вопросам Передней Азии.

Багдадский вопрос, возбуждавший разногласия между Германией, Англией и Турцией, не двинулся с места со времени заключения договора относительно дальнейшей постройки дороги до Багдада (в марте 1911 года). Сильно обострившийся благодаря вмешательству Ллойд-Джорджа марокканский кризис помешал Англии возобновить переговоры, в то время как Германия могла утешать себя мыслью, что каждый новый километр дороги, открытый для движения (а работа, несмотря на неблагоприятные условия, велась энергично), укрепляет ее позицию на предстоящих переговорах. Переговоры между лордом Холдэном и германским правительством весной 1912 года, казалось, подготовили почву для соглашения как по вопросам африканских колоний, так и относительно предприятий в Передней Азии. Барон фон-Маршалль, отправленный в качестве посла весною 1912 года из Константинополя в Лондон, оказался очень подходящим

человеком для переговоров по турецким делам. К сожалению, переговоры между бароном фон-Маршаллем и сэром Эдуардом Греем едва только были начаты: через несколько месяцев после своего назначения фон-Маршалль скончался от тяжкой болезни. Его преемником был князь Лихновский, мало знакомый с турецкими делами и предоставивший поэтому рассмотрение самых существенных вопросов советнику посольства Кюльману, впоследствии статс-секретарю министерства иностранных дел.

Переговоры о предварительном мире, завершившем первую балканскую войну, вызвали необходимость приезда в Лондон в качестве уполномоченного бывшего великого визиря Хаккипаши. Хакки-паша, один из интеллигентнейших и выдающихся по уму турецких государственных деятелей, задался целью использовать свое пребывание в Лондоне для точного выяснения возникших между Турцией и Англией вопросов, готовый, в случае необходимости, пойти даже на жертвы для достижения этой цели. Особенно в багдадском вопросе Хаккипаша исподволь вел такую политику. Так, в марте 1911 года в связи с заключением договоров он в свое время, в качестве великого визиря, заставил нас письменно подтвердить нашу готовность передать свои концессионные права на южный участок багдадской дороги новому, имеющему быть учрежденным обществу. Из переговоров между сэром Эдуардом Греем и Хакки-пашой, о ходе которых германское посольство получало сведения от обеих сторон, выяснилось, что английское правительство преследовало в общих чертах следующие цели:

во-первых, урегулирование вопросов, касающихся северного берега Персидского залива, особенно области Ковейта, в смысле давнишних английских притязаний;

во-вторых, предоставление монополии на судоходство по Тигру и Евфрату вновь учрежденному турецкому обществу, в котором английский капитал и английское влияние должны быть преобладающими;

в-третьих, гарантию в том, что на багдадской дороге не будет делаться различия в условиях грузового движения в пользу или в ущерб товаров какой-либо национальности или какого-либо места отправления или назначения.

Первый пункт включал в себе требование отказа со стороны Общества багдадской железной дороги от доведения своей магистрали вплоть до Персидского залива и от постройки и эксплоатации в заливе гавани. Взамен этого английское правительство, прежде всегда настаивавшее, по меньшей мере, на праве контроля всего участка железной дороги к югу от Багдада, в случае принятия вышеупомянутого обязательства, изъявило теперь готовность не ставить в дальнейшем Обществу багдадской железной дороги препятствий к проведению главной линии до города Басры, расположенного на Шат-эль-Арабе, у места слияния Евфрата с Тигром.

На такой основе представлялось возможным прийти к соглашению, не нарушающему немецких интересов в багдадской дороге. На Шат-эль-Арабе в то время уже совершались рейсы пароходами линии «Гамбург—Америка», установившей регулярное сообщение с Басрой, а также и пароходами Британско-индийского пароходного общества (British India Steamship Navigation Campany) и других пароходных обществ. Расположенная перед Шат-эль-Арабом отмель, являвшаяся главным препятствием для судоходства, была проходима для этих пароходов во время половодья. По мнению специалистов, можно без большой затраты труда и денег настолько углубить русло, чтобы суда даже и с более глубокой осадкой могли во всякое время проходить по реке. Германия могла согласиться на отказ от предусмотренной в багдадской конвенции ветви от Басры до залива лишь при условии, что будут приняты необходимые меры для восстановления и постоянного поддержания судоходности Шат-эль-Араба от залива до Басры и будет в достаточной мере гарантирована свобода судоходства по Шат-эль-Арабу.

Предварительным политическим условием было согласие турецкого правительства. Это последнее во время Абдул-Гамида, а также и позднее рассматривало каждую немецкую уступку Англии в вопросе о конечном участке багдадской железной дороги, как отказ от помощи Турции при отстаивании ею своих суверенных прав над турецким побережьем Персидского залива и над южной Месопотамией. Если теперь Турция изъявляла готовность уладить спорные вопросы, относящиеся к побережью залива, путем таких уступок Англии,

которые не наносили ущерба жизнеспособности багдадской железной дороги и ее значению, как большого мирового пути сообщения, то Германия, конечно, не должна была препятствовать в этом Турции. С точки зрения Германии можно было, напротив, только приветствовать турецко-английское соглашение по вопросу о заливе, если оно открывало путь к германо-английскому соглашению по спорному вопросу багдадской железной дороги, тем более, что такое соглашение не только способствовало бы очищению общей политической атмосферы, чего так добивалось германское правительство, но могло быть также использовано и для обеспечения дальнейшей постройки багдадской железной дороги и ее важнейших ответвлений.

Такая гарантия дальнейшей постройки багдадской железной дороги и была выставлена Германией, как условие ее согласия на отказ от линии между Басрой и заливом и от гавани в Персидском заливе, точно так же, как и в переговорах с французами подобная гарантия являлась предварительным условием для тех или иных уступок со стороны Германии. Гарантии эти должны были быть не только отрицательного характера, не только заключаться в том, чтобы Англия и Франция, как раньше этого Россия, отказались от своего противодействия в вопросе о багдадской дороге. Было необходимо еще и активное участие этих держав, чтобы восстановить пошатнувшиеся, благодаря исходу балканской войны, финансовые основы багдадского предприятия. Отпадение почти всей европейской территории от Турецкой империи имело своим неизбежным следствием соответствующее уменьшение турецких государственных доходов, предоставленных в обеспечение облигаций багдадской дороги. Вопрос о том, каким путем следует охранить интересы кредиторов Турции, пострадавших от территориального уменьшения Турецкой империи, тоже явился предметом переговоров парижской финансовой конференции. Доброжелательство и содействие западных держав при разрешении этого вопроса представляли особую важность в вопросе о гарантировании багдадского предприятия.

Финансовое обеспечение багдадской дороги и ее дальнейшей постройки должно было быть, главным образом, пред-

метом переговоров с турецким правительством. При этом вопрос должен был итти не только о компенсациях за грозящее вследствие потери территорий Европейской Турции сокращение доходов, обеспечивавших багдадские облигации, но также и о предоставлении достаточных гарантий для дальнейшей постройки главной линии до Басры и важнейших боковых линий, особенно ветви Багдад—Ханекин (к персидской границе), которая, согласно потсдамскому соглашению с Россией, должна была там соединиться с железнодорожной сетью северной Персии. Кроме того, для обеспечения дальнейшего развития багдадской железнодорожной сети было необходимо приспособление финансовой стороны багдадского предприятия к условиям государственного кредита Турции, которые стали значительно хуже после триполийской и балканской войн. По всем этим вопросам, параллельно с германо-австрийскими и германо-французскими переговорами, велись переговоры также и с турецким правительством, с таким расчетом, что наши договоры с Турцией, с одной стороны, и с Англией и Францией — с другой, взаимно обусловливали друг-друга.

Если безусловная гарантия дальнейшей и притом безотлагательной постройки багдадской железной дороги являлась необходимой предпосылкой нашего отказа от конечного участка дороги и от гавани в Персидском заливе в отношении англичан и нашей любезной предупредительностью в отношении французов при разграничении железнодорожной сети обеих стран, то эта необходимость еще больше усилилась, благодаря целому ряду новых требований, выставленных Англией на переговорах. Я уже упомянул о притязаниях Англии на речное судоходство в Месопотамии. Монополия, которую английское правительство стремилось получить для турецкого общества, состоявшего под английским контролем, являлась для германского правительства новым тяжелым камнем преткновения. Хакки-паша связал себя этим обещанием в Лондоне перед лондонским министерством, и вот английское правительство при каждом договоре по вопросам Передней Азии непременно ставило предварительным условием, чтобы германское правительство признало предоставляемую турецким правительством Англии концессию на судоходство

по рекам Месопотамии. Несмотря на все противные доводы, оно с величайшей настойчивостью отстаивало свою точку зрения. Если германское правительство не хотело срывать переговоров, то ему приходилось только охранять по возможности немецкие интересы в судоходстве по рекам Месопотамии, требуя равноправия для немецких фрахтов и участия немцев в капитале и управлении этого общества. Но, соглашаясь на монополию судоходства под английским контролем, германское правительство с удвоенной силой должно было настаивать на гарантии немедленного продолжения постройки багдадской железной дороги, чтобы не дать Англии в районе этой дороги достигнуть такого преимущества, которое уже трудно было бы нагнать.

То же действие вызвали и английские притязания на оросительные сооружения в Месопотамии и на эксплоатацию месопотамской нефти.

Наконец, английское правительство распространило переговоры еще и на соглашение, аналогичное германо-французскому договору, между железной дорогой Смирна—Аидин, находящейся в западной части Малой Азии и стоящей под контролем английского капитала, с одной стороны, и анатолийской и багдадской железной дорогой, с другой стороны.

Переговоры представили большие трудности. Они велись с английской стороны с невероятным упорством, даже и в отстаивании таких мелочей, которые по сравнению со всем комплексом стоящих на карте интересов могли иметь для Англии только весьма маловажное значение. При таких условиях перед Германией все время ставился вопрос о целесообразности дальнейших переговоров. Нужен был огромный запас терпения и доброй воли для того, чтобы преодолеть все маленькие и большие препятствия.

После длившихся более года переговоров состоялось, наконец, соглашение, приведшее в общих чертах к следующему.

Южным конечным пунктом багдадской железной дороги был намечен город Басра. Общество багдадской железной дороги отказывалось как от дальнейшего проведения железной дороги до залива, так и от порта в самом заливе. Взамен этого английское правительство обязывалось не ставить ни-

каких препятствий к проведению дороги до Басры и не оказывать поддержки в какой бы то ни было форме замыслам проводить в Багдадском и Моссульском вилайетах железные дороги, конкурирующие с багдадской. Общество багдадской железной дороги взяло на себя обязательство не допускать никакого различия в условиях транспорта ни в зависимости от национальности, ни в зависимости от места отправления или назначения товаров. Оно предоставляло английской финансовой группе, которая еще должна была быть составлена, возможность участия в капитале общества и обязывалось предоставить два места в управлении английским участникам.

Постройка и эксплоатация портовых сооружений в Багдаде и Басре предоставляются вновь учрежденному обществу, подчиненному Обществу багдадской дороги. Это портовое общество должно было находиться под контролем немецкой группы; английским капиталистам предоставлено было участие в нем в размере 40%.

Англия заключила с Турцией соглашение, к которому присоединилась и Германия, о приведении Шат-эль-Араба в годное для судоходства состояние, так чтобы по нему могли проходить более глубоко сидящие пароходы. Вместе с тем была установлена полная свобода судоходства по Шат-эль-Арабу для судов всех национальностей, с устранением всякого различия в отношении пошлин или других условий судоходства. Были установлены весьма умеренные предельные суммы пошлины, взимаемой с судоходства по Шат-эль-Арабу в виде взноса за расходы по урегулированию русла.

Германское правительство обязалось не ставить препятствий в вопросе о предоставлении концессии на судоходство по месопотамским рекам стоящему под английским контролем обществу. Участие в капитале общества первоначально предполагалось быть распределенным поровну между Англией и Турцией. Однако, в конце-концов, сошлись на том, чтобы 40% турецкой доли участия, т.-е. 20% всего капитала, были предоставлены немецким участникам. С этим был, конечно, связан вопрос о соответствующем представительстве в совете правления общества. Тут так же, как и по отношению к багдадской дороге, исключена была возможность каких-либо различий в условиях транспорта. В договорах между Англией

и Турцией и в уставе пароходного общества было уделено большое внимание тому, чтобы во всех важных вопросах, в случае равенства голосов, решение было предоставлено председателю совета правления, выставляемого английской группой.

Вступление в силу этих договоров было поставлено в зависимость от пополнения сократившегося вследствие потери европейских провинций обеспечения за багдадские облигации и от заключения с Турцией договоров относительно предоставления гарантий, необходимых для немедленной постройки багдадской железнодорожной сети. Английское правительство, с своей стороны, изъявило готовность поддержать возможность предоставления этих гарантий, отказавшись, наконец, от противодействия проектированному Турцией и безусловно необходимому для упрочения турецких финансов повышению пошлин. Хотя Общество багдадской дороги уже в 1911 году окончательно отказалось от своих прежних притязаний на ту сумму, которую давало повышение пошлин, и теперь не предполагало использовать повышение пошлин для финансирования постройки своей сети, все-таки это согласие на повышение пошлин облегчало для турецкого правительства, хотя бы и косвенным путем, возможность точно указать требуемое для постройки багдадской дороги обеспечение.

Одновременно с этими договорами пришли к соглашению также по вопросу об оросительных работах, которые предстояло произвести в Месопотамии, о совместной эксплоатации месопотамских нефтяных залежей и по вопросу об очень значительных домогательствах общества железной дороги Смирна—Аидин. Что касается оросительных работ в Месопотамии, то германское правительство обязалось не поддерживать никакой конкуренции в ущерб предпринятых уже Англией работ; в виду обширности этих работ, согласно давно уже предложенным планам сэра Виллиама Уилькокса, это являлось большой уступкой. В учрежденном для эксплоатации месопотамских нефтяных источников обществе немецкая группа удовольствовалась долей участия в размере 25%, что, во всяком случае, давало довольно значительные права, между тем как английская группа получила 50%, а нидерландская группа Королевского нефтяного общества—25%. В отношении обще-

ства железной дороги Смирна—Аидин Общество анатолийских железных дорог отказалось от своего права протеста против некоторых, давно требуемых тем обществом, боковых и соединительных линий, которые до тех пор рассматривались анатолийской дорогой как конкурирующие и потому нежелательные ветви.

К середине 1914 года эти важные соглашения, урегулировавшие все важные точки соприкосновения немецких и английских интересов в Азиатской Турции и устранившие важнейший, на-ряду с флотом, спорный вопрос между Германией и Англией, были обсуждены во всех подробностях. После того как уже в феврале 1914 года соглашения между Германией и Францией были подписаны, оставалось только достигнуть соглашения между Германией и Турцией, что являлось необходимым предварительным условием для вступления в силу других соглашений. Соглашения между Германией и Турцией после очень трудных переговоров тоже настолько уже подвинулись вперед, что в ближайшее время можно было ждать удовлетворительного результата.

Большая и важная работа для дела упрочения всеобщего мира была близка к окончанию. Разразившаяся мировая война смела все результаты этой работы и разрушила все возложенные на нее надежды.

ГЛАВА XIII.

Германо-английское соглашение и русско-английская морская конвенция.

В связи с ужасной катастрофой, которой завершились переговоры о соглашении, стоившие таких больших усилий, неотвязно напрашивается вопрос, не были ли эти попытки установить устранением трений и налажением совместной мирной работы более прочное основание для всеобщего мира лишь маневром, при помощи которого одна сторона думала задержать другую и ввести ее в заблуждение относительно своих истинных намерений.

Нетрудно прийти к выводу, что мировая война легко могла бы быть предотвращена, если бы стремление к миру, которое в конечном итоге только и давало смысл и оправдание переговорам об устранении серьезных спорных вопросов, было искренним у обеих сторон.

На основании своих личных наблюдений я могу только сказать, что, поскольку вопрос касается Германии, все ответственные учреждения и лица были проникнуты самым искренним стремлением уменьшить опасность войны между европейскими народами постепенным улучшением политических отношений и повысить шансы к сохранению мира. И я имею основание утверждать, что ответственные политические деятели были полны надежд, что их стремления увенчаются успехом. Доказательством этому является состоявшаяся в Берлине беседа между германским рейхсканцлером и английским послом в день вступления Англии в войну. Поведение держав тройственного согласия, и особенно Англии, менее ясно и определенно.

Разберем факты.

Выше я уже обратил внимание на то, что в течение первых месяцев балканской войны сэр Эдуард Грей проявил по отношению к Германии удивительное дружелюбие и готовность к солидарному выступлению в интересах сохранения мира; это кажущееся сближение с Германией не помешало ему, однако, тогда же обменяться с французским послом в Лондоне письмами, которые впоследствии признаны были сэром Эдуардом Греем в решительный момент за моральное обязательство оказать военную поддержку Франции. После того как переговоры по вопросам Передней Азии были приведены к концу, система воздействий, направленная против Германии, не только не была ослаблена, но еще и усилена, как и раньше в ноябре 1912 года.

21-го апреля 1914 года король Георг посетил в Париже президента Пуанкаре. Его сопровождал статс-секретарь министерства иностранных дел, сэр Эдуард Грей. Этот факт тем сильнее подчеркнул политическое значение этого посещения, что Эдуард Грей до тех пор вообще никогда не покидал островов Великобритании. Еще до приезда короля Георга в Париж русский посол Извольский предложил использовать

приезд короля для преобразования непрочного тройственного согласия в союз, аналогичный тройственному союзу. Его предложение было радостно принято французским министром иностранных дел, Думергом. Правда, сэр Эдуард Грей уклонился от предложения заключить формальный союз; ведь, такого союза не было заключено и с Францией; свою же переписку с Полем Камбоном о совместном выступлении сухопутных и морских сил обеих сторон сэр Эдуард Грей скрывал даже от английского парламента, который он постоянно заверял в том, что Англия сохраняет за собой свободу действий. Он согласился, однако, дополнить существовавшее уже военное соглашение между Англией и Францией таким же соглашением между Англией и Россией. В первую очередь вопрос зашел о морском соглашении. Эдуард Грей получил на это согласие английского кабинета, и было решено, что на этой основе военные переговоры будут вестись в Лондоне непосредственно между английским адмиралтейством и русским морским атташе.

Всякое сомнение в значении этого более тесного сплочения тройственного согласия исчезает при ознакомлении с донесениями русского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа, недавно опубликованными русским правительством. Последний также находился в Париже во время пребывания там короля Георга и доносил оттуда 21-го апреля 1914 года Сазонову в Петербург, что он достиг, по его мнению, «самого главного, а именно, заменил пока еще слишком теоретические и миролюбивые основоположения антанты чем-то более реальным; что в случае войны едва ли нашлась бы более сильная гарантия для совместных военных операций, чем выявившийся дух этой антанты, усиленный существующими военными мероприятиями». Граф Бенкендорф также не советовал заключать формального и открытого союза, отклоненного сэром Эдуардом Греем, так как таковой «явился бы более благоприятным полем для агитации в пользу Германии». «Агитацией в пользу Германии» называлось стремление английских сторонников мира улучшить отношения с Германией и исключить возможность вооруженного столкновения!

Таким образом, как-раз в то время, когда германо-ан-

глийские переговоры по вопросу о колониях и Передней Азии близились к концу, английское правительство сочло уместным укрепить систему антанты военным соглашением с Россией, явно направленным против Германии. Этот факт, по меньшей мере, указывает на то, что даже соглашение с Германией по столь важным отдельным вопросам не остановило руководителей английской политики от еще более энергичного продолжения своей военной и политической подготовки, длившейся уже десять лет, к войне с Германией. Идея, обнаружившаяся в начатых лордом Холдэном в начале 1912 года переговорах, продолжала господствовать в английской политике: Англия не хотела уступать своей боевой позиции, занятой по отношению к Германии. При таких условиях соглашения по отдельным вопросам, как ни важны они были сами по себе, не могли достигнуть своей главной цели — создания атмосферы доверия между обеими великими державами, важнейшего условия для улучшения международного положения. Действие переговоров об англо-русской морской конвенции на правительство и общественное мнение Германии, которым они стали известны, несмотря на все попытки к их опровержению и замалчиванию, было обратное тому, которое ожидалось от соглашения по колониальным вопросам и вопросам Передней Азии. Немецкие официозные газеты выражали опасение, что русско-английская морская конвенция сведет на-нет все достигнутые до сих пор успехи на пути германо-английского сближения, и что следствием ее неизбежно будет обострение недоверия между обеими странами. Такое действие этих переговоров было неминуемо еще и потому, что, благодаря более тесному сплочению тройственного согласия, воинственные стремления во Франции и России, усилившиеся уже и до этого, получили новую пищу.

Отправка осенью 1913 года немецкой военной миссии в Константинополь явилась для русской военной партии очень на руку. Тот факт, что стоявшему во главе этой военной миссии генералу Лиману фон-Сандерсу предполагалось передать командование армейским корпусом в Константинополе, тогда как прежние начальники военных миссий в Турции, включая и последнего из них, генерал-фельдмаршала фон-дер-Гольца, не занимали подобного командного поста,

был использован враждебными силами для возбуждения общественного мнения против Германии. Со стороны русского правительства последовал сильный протест в Константинополе и Берлине; к нему присоединились также французское и английское правительства, хотя в Турции уже с некоторых пор работала английская морская миссия, глава которой также был облечен правами командования. Желая избежать конфликта с Россией, Германия уступила и выразила, в конце-концов, свое согласие на то, чтобы полномочия генерала Лимана были ограничены генеральной инспекцией турецких военных школ. Но и эта уступка не приостановила выходок против Германии. Русская и французская пресса стала принимать все более резкий тон против Германии. В России заговорили о правах России на Азиатскую Турцию и о справедливости славянских притязаний на населенные славянами области близкой к развалу австро-венгерской монархиии; с французской стороны с новой силой и настойчивостью указывалось на безусловное право Франции на Эльзас-Лотарингию. Пресса обеих стран стала совершенно открыто обсуждать перспективы войны с Германией, значительно улучшившиеся, благодаря близкому завершению вооружения России. Газеты, близко стоящие к официальным кругам Петербурга и Парижа, тоже принимали участие в этой кампании. Русский военный министр Сухомлинов часто высказывался в близко стоящем к нему листке [1]), едва скрывая свою угрозу войною: «Франция и Россия не хотят войны, но Россия готова к ней и надеется, что Франция также будет готова». 24-го апреля 1914 года, следовательно, тотчас же вслед за посещением королем Георгом Парижа, бельгийский посол в Берлине, барон Бейенс, доносил своему правительству: «Камбон (французский посол в Берлине) опять усматривает руку Извольского в этой бессмысленной кампании, поднятой русскими и французскими газетами». Когда в мае 1914 года я был в последний раз в Париже для деловых переговоров, я там застал среди искренних друзей мира очень нервное и тревожное настроение. Пресса и общественное мнение находились в состоянии возбуждения,

---

[1]) В „Биржевых Ведомостях". Ред.

которое трудно было объяснить одними только конкретными фактами и которое то передавалось правительственным кругам, то от них же и получало толчок. В Париже в то время как-раз царило возмущение по поводу того, что в одном театральном представлении, кажется, в берлинском «Ледяном дворце», на сцену выводились французские солдаты иностранного легиона в полной форме. Меня серьезно спрашивали по этому поводу знакомые, действительно ли Германия добивается войны во что бы то ни стало. Я попросил дать мне последний номер газеты «Temps» и показал им в театральном анонсе три-четыре пьесы, в которых германские офицеры в самых жалких ролях выводились изо дня в день на парижских сценах и высмеивались при шумном рукоплескании публики. Я вынес тогда из Парижа впечатление, что, несмотря на все наши попытки к соглашению с Россией и Францией, мы более, чем когда-либо, были далеки от возможности мирного разрешения вопросов, и что отношения между центральными державами и антантой были напряжены до крайности; это мое впечатление разделялось также и другими. В настоящее время перед нами донесение бельгийского посла в Париже, барона Гильома, помеченное 8-м мая 1914 года и гласящее: «Бесспорно, французская нация в течение этих последних месяцев сильно прониклась шовинизмом и самомнением. Те же самые признанные знатоки дела, которые еще два года назад выражали серьезные опасения при одном только упоминании о возможности осложнений между Францией и Германией, сейчас настроены совершенно иначе: они выражают свою уверенность в победе, возлагают много надежд на успехи французской армии (между прочим, действительно достигнутые) и выражают уверенность в том, что в худшем случае Франция сумеет достаточно долго держать под угрозой германскую армию, чтобы дать России время произвести мобилизацию, сконцентрировать свои войска и кинуться на своих западных соседей... Один опытный и высокопоставленный дипломат сказал недавно: «Если бы теперь вдруг возник серьезный инцидент между Францией и Германией, то государственные деятели обеих стран должны будут приложить все старания, чтобы найти мирное разрешение в течение ближайших трех дней; в противном случае грозит война».

Не думаю, чтобы английское правительство не было осведомлено об этих настроениях и течениях во Франции и России. Невозможно, чтобы сэр Эдуард Грей и его сослуживцы не давали себе отчета в том, что предложенное Извольским более тесное сплочение тройственного согласия должно было, по его мысли, служить и фактически послужило тому, чтобы еще сильнее «подогреть перегретый уже котел».

Можно, пожалуй, допустить в отношении британской политики мысль, что Эдуард Грей отозвался тогда на предложение Извольского лишь с той целью, чтобы дать встревожившимся исходом англо-германских переговоров союзникам гарантию лойяльности Англии по отношению к антанте; что он имел в виду лишь сохранить сильную коалицию против Германии на случай, если бы соглашение с Германией не состоялось или если бы не наступило улучшения германо-английских отношений, ожидавшегося в связи с этим соглашением; но допускать, что английские государственные деятели не отдавали себе отчета в том, что принципиальное принятие ими предложения Извольского и их вступление в переговоры относительно проектировавшейся морской конвенции между Англией и Россией должны были вызвать сильнейший подъем воинственного настроения во Франции и России, допускать, что они не сознавали того, что германо-английское соглашение вследствие этого теряло свой смысл прежде, чем переговоры были доведены до конца,—значило бы несправедливо умалять способность суждения английских государственных деятелей.

Если связать с германо-английским соглашением, находившимся тогда в стадии завершения, еще и тот факт, что Германия при постройке своего флота добровольно руководствовалась модусом, предложенным лордом Холдэном в феврале 1912 года, то из всего этого можно вывести только то заключение, что английские государственные деятели при всех условиях, и совершенно независимо от улажения хотя бы и очень важных вопросов, решили настойчиво проводить как высшую цель своей политики дипломатическую и военную подготовку военного столкновения с Германией.

Объяснение этого явления нужно искать, пожалуй, не столько в злой воле английских государственных деятелей,

стоявших в этот решающий момент всемирной истории у кормила правления, сколько в старых традициях английской политики, благодаря которым Англия приобрела и пыталась сохранить свое величие. Политика Англии была всегда направлена против сильнейшей в политическом и экономическом отношении континентальной державы; с тех пор как Германия сделалась такой именно державой, с тех пор как Англия почувствовала со стороны Германии больше, чем со стороны какой-либо другой державы, угрозу своему экономическому положению и своей морской гегемонии,—англо-германское противоречие сделалось непреодолимым и не могло быть устранено никакими соглашениями по отдельным вопросам; разве только, если бы Англия вздумала порвать со всеми традициями и честно отказаться от того, чтобы использовать свою военную мощь для удержания своего экономического могущества. Но на такой разрыв со своими традициями Англия была неспособна, несмотря на пацифические течения, захватившие также и английское общественное мнение. Бисмарк был прав, сказав еще в 1897 году: «Единственное средство улучшить германо-английские отношения—это наложить узду на наше экономическое развитие; но оно неприменимо». Ключом к мировой политической конъюнктуре, из которой произошла великая война, является упрочение Англией коалиции, рассчитанной на военное столкновение с Германией в момент завершения германо-английских переговоров о соглашении. Немецкой политике не удалось искоренить французскую идею о реванше, так же, как не удалось разрядить напряженную атмосферу, создавшуюся между Россией и центральными державами, благодаря панславистскому стремлению на юго-восток. Решающим в вопросе войны и мира явилось то обстоятельство, что Англия своим закреплением системы антанты, после долгих переговоров с Германией, показала всю безнадежность всякого действительного соглашения с ней и вызвала тем самым новое усиление воинственных течений своих союзников по тройственному согласию.

При таком положении вещей каждый повод, который мог быть использован одним из участников антанты для объявления войны, должен был неминуемо привести к мировой войне.

Часть IV.

Начало мировой войны.

ГЛАВА XIV.

Австро-сербский конфликт и вмешательство Германии.

В последнее июльское воскресенье 1914 года, в день годовщины битвы на Коссовом поле, почитающийся высшим сербским национальным праздником, в Сараеве боснийскими заговорщиками сербского происхождения был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд, престолонаследник Австрии и Венгрии. Нити заговора вели в Белград, и уже при первом следствии обнаружилось причастие к делу сербских офицеров и чиновников.

Когда вечером 28-го июня я получил известие об убийстве, мне сразу стало ясно, что это событие является непосредственной угрозой всеобщему миру.

Великосербская агитация, направленная против целости монархии и почти открыто поддерживаемая официальными белградскими кругами, давно уже была в Вене предметом растущего беспокойства. Из личного общения с влиятельными и ответственными лицами Дунайской монархии я знал, как серьезно там относились к великосербскому движению и как сильно там было убеждение, что сербское правительство, несмотря на данное им в марте 1909 года, по поводу улажения боснийского кризиса, торжественное уверение в своей лойяльности, в качестве движущей силы словом и делом направляет великосербскую пропаганду. Я знал, как трудно всегда бывало и при прежних конфликтах удержать Австро-

Венгрию от ее желания создать себе, наконец, решительным выпадом против гнезда великосербских козней более прочную гарантию, нежели никогда не сдерживаемые сербские обещания. Убийство наследного эрцгерцога и его супруги было, после всего предшествовавшего, вызовом, который едва ли оставлял какую-либо надежду на благополучный исход.

Поведение Сербии непосредственно после злодеяния способствовало тому, чтобы укрепить самые худшие опасения. Сербская пресса совершенно не считала нужным скрывать свою радость и ликование по поводу злодеяния; близко стоящие к правительству газеты выставляли причиной убийства внутренние обстоятельства Австро-Венгрии. Громче, чем когда-либо, стали толковать о близком распадении монархии и о том, какая часть наследства выпадает при этом на долю Сербии. В то время как подвигавшееся вперед следствие давало все новые доказательства сербского происхождения преступления, само сербское правительство не предпринимало никаких шагов для выяснения существа дела и в вызывающей форме разыгрывало полнейшую непричастность.

С другой стороны, у того, кто следил за настроением австро-венгерских газет, не могло остаться никакого сомнения в том, что венское правительство твердо решило настаивать на возмездии за убийство наследной четы и на прочных гарантиях прекращения великосербской агитации.

Тогда уже для меня было загадкой, которая так и осталась неразрешимой навсегда, почему общественное мнение Германии, и не только общественное мнение, но и отдельные личности, занимающие посты, которые делали возможным для них правильное суждение, так легко относились в ту пору к положению дел. Ни боснийский кризис 1908—1909 года, ни марокканский кризис 1911 года, ни кризис балканской войны 1912—1913 года почти не встряхнули нашего общественного мнения и не заставили его насторожиться; наоборот, мирное разрешение этих кризисов действовало с каждым разом все более и более усыпляющим и притупляющим образом. Уверенность в том, что «до войны дело не дойдет», сделалась у нас в широких кругах какой-то догмой, может-быть, оттого, что мы сами были насквозь проникнуты миролюбивым настроением.

Германский император получил известие о злодеянии в то время, как он в Киле принимал участие в парусной гонке. Парусная гонка была немедленно прекращена, император сейчас же уехал в Берлин. В связи с этим преждевременно был прерван также и визит английской эскадры в Киле.

Позиция, которую германское правительство должно было занять по отношению к событиям, была предначертана всей предыдущей политикой. Не считаясь с опасностью быть втянутыми в войну, мы как в боснийском кризисе, так и во время балканской войны и связанной с нею югославской угрозы открыто становились на сторону Дунайской монархии и, пожалуй, именно благодаря этому нашему недвумысленному поведению больше всего способствовали тому, чтобы избежать войны. Никто не имел основания полагать, что на этот раз наше поведение окажется иным. Правда, как-раз в последние месяцы со стороны России нам было сделано частное предложение: «Если бы вы могли решиться расстаться с австрийцами, мы могли бы расстаться с Францией»; но, не говоря уже о всей чудовищности предложенного нам вероломства, уверенность в жизненной важности для нас союза с Дунайской монархией и в необходимости сохранения сильной Австро-Венгрии была настолько безусловна в наших ответственных кругах и во всем народном сознании, что вообще не могло быть никакого колебания относительно пути, по которому надлежало итти. Ответ, полученный Австро-Венгрией от Германии на свой запрос, лучше всего характеризуется следующей выдержкой из Белой книги, позже опубликованной германским правительством: «Мы от всего сердца могли выразить нашему союзнику наше согласие с его оценкой положения вещей и обещать ему, что меры, которые он сочтет необходимым принять для того, чтобы положить конец сербскому движению, направленному против целости монархии, встретят наше одобрение».

Этой своей позиции германское правительство никогда не скрывало от кого бы то ни было,—ни от общественного мнения своей страны, ни от иностранных правительств, заинтересованных в ходе дальнейшего развития событий. Из разговоров со своими друзьями в министерстве иностранных дел я в то время вынес определенное впечатление, что там

царило твердое убеждение в том, что локализации конфликта между Дунайской монархией и Сербией можно лучше всего достигнуть продолжением прежней политики, т.-е. безусловным согласием прикрывать тыл Австро-Венгрии.

С другой стороны, желательно было по возможности избегать всякого лишнего волнения. В момент такого острого напряжения кризиса, волнение и недоверие, действуя взаимно, могут, наконец, привести к активным мероприятиям, неизбежно влекущим именно к тому результату, которого хотелось избежать.

Именно такого рода соображениями и объясняется то обстоятельство, что, несмотря на совершенно невыясненное положение, император предпринял в июле свое путешествие в северные страны. Было опасение, что отказ от ежегодного путешествия, приготовления к которому были заблаговременно сделаны и известны, мог привлечь к себе внимание и затруднить мирное разрешение вопроса; далее, предполагалось, что для расследования событий, связанных с убийством в Сараеве, которое было предпринято венским правительством и в зависимости от которого Австро-Венгрия должна была предъявить свои требования, нужно будет некоторое время, равно и как для тех приготовлений, которые Австро-Венгрия должна была сделать, чтобы придать вес своим требованиям.

Наконец, у нас была и уверенность,—которой я совершенно не разделял, оценивая с своей точки зрения факторы, имевшие значение для дальнейшего хода дела,—в благоприятном исходе; как это было при прежних осложнениях, благодаря нашему ясному и твердому заступничеству за союзников.

Мало уверенный в благоприятном исходе, я в дальнейшем ходе событий все больше находил подтверждение своего взгляда во всевозможных признаках, которым общественное мнение уделяло, однако, удивительно мало внимания. Широкая публика все еще продолжала пребывать в беззаботности, становившейся для меня с каждым днем все менее понятной, когда наша полуофициальная пресса уже ясно стала подавать тревожные сигналы; так, например, в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 19-го июля, в одной очень серьезной

статье о позиции Германии, говорилось, что только своевременное согласие Сербии может предотвратить кризис, локализация которого желательна и необходима в интересах европейской солидарности.

В своей сфере действия, в управлении Немецкого банка, я уже с первых чисел июля сделал необходимые выводы, вытекающие из моей оценки положения. Я убедил воздержаться от выдачи новых обязательств и возможно больше концентрировать наличные средства банка.

23-го июля австро-венгерский посол в Белграде передал сербскому правительству требования своего правительства с подробным обоснованием их. Для ответа сербскому правительству предоставлен был срок в 24 часа.

Ультиматум, неожиданно резкий как по форме, так и по содержанию, сразу сорвал пелену, закрывавшую еще до сих пор от всего мира всю серьезность положения. Теперь всем стало ясно, что Австро-Венгрия твердо решила во что бы то ни стало проучить Сербию, и что мир Европы зависел теперь от того, станет ли Россия, до сих пор открыто потакавшая Сербии, на ее сторону или нет. Европа сразу оказалась перед лицом непосредственной опасности войны.

Впоследствии был подвергнут оживленному обсуждению вопрос о том, какую роль во всех этих событиях играло германское правительство и германский император.

Что касается германского правительства, то оно сейчас же по получении текста австро-венгерского ультиматума Сербии сочло необходимым (хотя и подчеркнув при этом свою верность союзу с Дунайской монархией и свое желание локализовать конфликт) установить как перед общественным мнением страны, так и перед правительствами великих держав, что оно не было причастно к составлению ультиматума и не имело до того никаких сведений об отдельных подробностях его. Следовательно, выраженное Германией согласие на необходимые с точки зрения Австро-Венгрии действия, о чем имперское правительство определенно говорит в Белой книге, предполагало только принципиальную готовность встать на защиту Австро-Венгрии от великосербской пропаганды, направленной против целости монархии, но что не существовало никакого соглашения относительно подробностей программы действий Австро-Венгрии.

Вразрез с этим актом германского правительства, с целью выставить Германию зачинщицей войны, с враждебной стороны, а позднее также и со стороны определенных немецких групп было выставлено утверждение, что германское правительство с самого начала принимало участие при составлении ультиматума, и что оно собственно и несет всю ответственность за его резкость, исключающую всякую возможность мирного исхода. Ультиматум был поставлен в связь с верховным советом, состоявшимся, будто бы, 5-го июля 1914 года под председательством германского императора, при участии высшего военного командования Австро-Венгрии (назывались имена эрцгерцога Фридриха и фельдмаршала Конрада фон-Гётцендорфа) в Потсдаме, на котором, будто бы, были распределены роли в предстоящей войне. Известная записка князя Лихновского заключает в себе ссылку на этот, якобы, состоявшийся верховный совет; о нем говорится также и в записке доктора Мюлона, упоминавшейся в рейхстаге и распространявшейся впоследствии независимыми социал-демократами. Мюлон, бывший в то время заместителем директора у Круппа, ссылается в своей записке на данные, сообщенные ему, будто бы, мною в интимной беседе делового характера. Донесение советника при баварском посольстве, д-ра Шёна, опубликованное в ноябре 1918 года социалистическим баварским министром-президентом Эйснером, было также использовано для того, чтобы выставить императора и германское правительство виновниками австро-венгерского ультиматума и опровергнуть, как ложное, свидетельство о том, что германское правительство не причастно к составлению ультиматума и не было знакомо раньше с его подробным содержанием.

Относительно действительного хода событий мне лично известно следующее.

После злодеяния в Сараеве германское правительство открыто стало на точку зрения австро-венгерского правительства, что целостность Дунайской монархии находится под угрозой великосербского движения, и что австро-венгерское правительство в праве принять активные меры против этой угрозы.

Далее, руководствуясь основным положением имперской политики, что в целостности Австро-Венгрии заключается важный жизненный интерес Германии, германское правительство дало

и на этот раз венскому правительству уверение в том, что Германия примет сторону Австро-Венгрии в защите ею своих жизненных интересов. Император одобрил эту позицию в беседах, имевших место в промежуток времени между злодеянием и началом путешествия в северные страны. Ясно было, что такое поведение Германии вовлечет ее в русско-австрийский конфликт и тем самым может вызвать мировую войну. Но, как в 1908—1909 и 1912—1913 годах, предполагалось, что опасность австро-русского конфликта лучше всего удастся предотвратить занятием ясной и твердой позиции. Все эти соображения мог услышать в то время каждый, желавший осведомиться о положении вещей в министерстве иностранных дел. Легенда о потсдамском верховном совете была пущена в ход в Берлине уже в июле 1914 года, повидимому, со слов оберкельнера одного известного берлинского кафе, который, будто бы, почерпнул свои сведения из подслушанных обрывков разговора высокопоставленных гостей. Легенда возникла, очевидно, в связи с тем, что 5-го июля австро-венгерский посланник граф Сечени вручил германскому императору собственноручное письмо императора Франца-Иосифа. В этом письме и в приложенной записке венского министерства иностранных дел указывалось на опасность положения и выставлялось предложение о принятии Болгарии взамен колеблющейся Румынии в союз центральных держав. В ответе, составленном министром иностранных дел, было выражено согласие на привлечение Болгарии на определенных условиях; далее, указывалось, что нужно попытаться удержать Румынию в союзе; что касается конфликта с Сербией, то выражен был отказ принять ту или иную определенную позицию, но подчеркивалось, что Германия, согласно союзу и старой дружбе, останется верной Австро-Венгрии [1]).

Впоследствии мне удалось твердо установить, что ни эрцгерцог Фридрих, ни фельдмаршал Конрад фон-Гётцендорф не были в то время в Берлине, а тем более, не принимали участия в верховном совете в Потсдаме; далее, что на приеме у императора в тот день не было вообще ни одного воен-

---

[1]) Статс-секретарь Циммерман в „Deutsche Allgemeine Zeitung“ от 28-го ноября 1918 года.

ного представителя Австро-Венгрии; что в то время не созывался ни верховный совет, ни какое-либо подобное ему собрание из представителей тех или иных немецких кругов; что император перед своим отправлением в северные страны ограничился лишь выслушиванием отдельных докладов, в том числе и доклада рейхсканцлера о политическом положении и о нецелесообразности отмены поездки.

Не говоря уже об этом не созывавшемся верховном совете, с венским правительством вообще никогда не обсуждались более подробно меры, которые оно должно было принять, как я точно установил это впоследствии из расспросов государственных деятелей, принимавших участие в этих событиях. Венское правительство осведомило о своих намерениях только в общих чертах; намечались: дознание подозреваемых в соучастии в преступлении при содействии австро-венгерских органов; наказание виновных; гарантия в будущем; особенно прекращение пропаганды, направленной против целости австро-венгерской монархии. Что же касается самого изложения этих требований в отдельности и формы, в которой они должны были быть предъявлены Сербии, то как Вена не испрашивала на это согласия Берлина, так и Берлин не требовал осведомления от Австро-Венгрии. Такой образ действий, в виду большого риска, сопряженного с ним для Германии, должен был казаться странным; мне думается, однако, что при такого рода критическом подходе упускается из виду то обстоятельство, что германское правительство, уклоняясь от соглашения в деталях и от выработки формы австро-венгерского выступления, тем самым далеко еще не предоставляло венскому правительству полную свободу действий; наоборот, оно старалось, чтобы германская политика не оказалась в деталях связанной с австро-венгерской политикой, и поэтому сохраняло для себя свободу действий, чтобы судить потом, что при дальнейшем ходе событий следовало, с германской точки зрения, считать необходимым для сохранения целости австро-венгерской монархии. Я напомню хотя бы ситуацию в ноябре 1912 года, когда император в вышеприведенной телеграмме рейхсканцлеру, выражая неизменную готовность стать на защиту жизненных интересов Австро-Венгрии, был, однако, очень далек от того, чтобы

вызвать мировую войну из-за одной лишь прихоти союзника. Точно так же и в 1914 году, как мы увидим ниже, свобода действий, которую германское правительство сохранило за собой, не связывая себя деталями австро-венгерского выступления, дала возможность императору и рейхсканцлеру заставить Австро-Венгрию пойти на уступку в вопросе об ультиматуме, хотя этот успех, достигнутый таким образом, в дальнейшем ни к чему не привел, натолкнувшись на решительное сопротивление русской военной партии, желавшей войны.

До самого дня вручения ультиматума в Белграде мои друзья в министерстве иностранных дел в Берлине еще не знали, каков будет ультиматум. Когда перед самой передачей его в Белграде текст его был получен в Берлине, то в министерстве иностранных дел были поражены его резкостью.

Впоследствии император, еще задолго до того, как в Германии выдвинут был вопрос, не является ли он виновником войны, часто рассказывал мне о событиях того времени. Чтобы не осложнять еще больше положения, он решил, по совету канцлера и министерства иностранных дел, не откладывать своей поездки в северные страны. Министерство иностранных дел посылало ему короткие и точные донесения, которые позволяли ему надеяться, что все разрешится мирным путем. Текст австро-венгерского ультиматума отнял у него эту надежду. Ознакомившись с текстом и не дожидаясь дальнейших донесений из министерства иностранных дел, он немедленно дал приказ о возвращении на родину. «По приезде в Берлин,—добавил он,—я сейчас же сел за телеграф и испробовал все пути к царю, английскому королю и к императору Францу-Иосифу, чтобы приостановить несчастие. Это мне и удалось бы, если только у злосчастного царя не был вынужден приказ о мобилизации».

Что касается моих личных наблюдений в те критические дни, то я вынес впечатление, что руководящие круги Германии были очень далеки от желания вызвать войну. Если и можно в чем-либо упрекнуть германскую политику того времени, то только лишь в том, что она недостаточно ясно считалась с опасностью войны и слишком была уверена в мирном разрешении конфликта, благодаря чему не было

сделано ни военных, ни дипломатических, ни хозяйственных приготовлений на случай войны.

Передо мною лежит знаменательный документ, характерный в военном отношении. На одном из заседаний рейхстага в 1917 году независимый социал-демократ д-р Оскар Кон утверждал, что в связи с мнимым верховным советом 5-го июля 1914 года были немедленно приняты военные мероприятия, в том числе отдан приказ о немедленном снабжении провиантом на случай войны эльзас-лотарингских крепостей. Это дало мне повод запросить военное министерство относительно действительного положения вещей. Оказалось, что и в самом деле, несколько дней спустя после 5-го июля 1914 года, был отдан приказ относительно снабжения провиантом эльзасских крепостей. Вот точный текст (в переводе) этого приказа.

Берлин, 9-го июля 1914.

Отдел военного управления.
237/14 секр. 132.
Секретно!
К № 476/14 M II.
О сроке снабжения для крепостей Страссбург и Нейбрейзах.

Предложение продлить кратчайший срок, предусмотренный для снабжения провиантом для крепости Страссбург с 12-го на 20-й и для крепости Нейбрейзах с 7-го на 15-й день мобилизации принимается только в виду изложенных обстоятельств и вследствие крайней необходимости. Поэтому необходимо добиваться беспрестанно и при помощи всех находящихся в распоряжении средств сокращения этих сроков. К 1-му апреля 1915 года сообщить, возможно ли и, если да, то в силу каких изменившихся тем временем обстоятельств возможно сокращение сроков.

Королевскому интендантству XV-го армейского корпуса.
И. Ф. (подпись).

Следовательно, отдел управления войсками прусского военного министерства, еще одиннадцать дней спустя после мнимого верховного совета, будто решившего вопрос о войне, продлил сроки снабжения провиантом эльзасских крепостей

на первый раз на одну неделю! Едва ли можно найти более сильное доказательство того, что наши руководящие круги были очень далеки от мысли вызвать войну, раз они, в полной надежде на мирный исход, одобряли меры, прямо противоположные тем, которые следовало бы принять на случай войны.

Что касается дипломатических мероприятий, то тут каждому вдумчивому наблюдателю должно броситься в глаза то обстоятельство, что не было сделано никаких попыток еще до передачи ультиматума в Белграде склонить союзную нам Италию к участию или хотя бы к благожелательному нейтралитету. По крайней мере, проникшие в итальянскую печать сведения о ходе событий перед войной не дают никакого положительного указания на это. Мало того: выражаемое Италией недовольство тем обстоятельством, что она, вопреки прежним заверениям, не была своевременно осведомлена об австро-венгерских намерениях, дает право заключить, что обе державы на самом деле не обращались к Италии. Попытка принципиального соглашения с Италией, при той чрезмерной чувствительности, которая характеризует Италию, и при ее всем известных стремлениях, была бы элементарной необходимостью в случае, если бы центральные державы хотели вызвать войну или хотя бы только серьезно предвидели возможность войны из-за Сербии. Недостатка в объектах для компенсаций не было; достаточно указать лишь на албанский вопрос. Выгоды от открытого с самого начала и недвусмысленного выступления Италии на стороне центральных держав были бы настолько значительны, что они стоили бы компенсации, если бы у нас предвидели возможность войны или хотели бы вызвать ее. Тут, мне кажется, очевидно отсутствие дипломатической подготовки к войне, которое можно объяснить лишь твердой уверенностью немецких государственных деятелей в мирном исходе конфликта.

В хозяйственной области в то время также ничего не было предпринято такого, что указывало бы на приготовление к войне. Ничего не было сделано для пополнения наших запасов пищевых продуктов и сырья, необходимого для войны, как-то: азота, шерсти и хлопка, меди, никкеля, каучука и т. д.; мы не приняли никаких мер для того, чтобы

хоть немного ускорить ввоз лежащих в Антверпене и Роттердаме товаров, предназначенных для Германии. Наоборот, мы еще не обращали внимания на то, что нашим противникам были незадолго до войны доставлены пищевые продукты и важные для войны материалы, и что еще в июле месяце из имперской области были вывезены во Францию большие количества хлебного зерна.

Является ли такое поведение мыслимым для правительства, желающего вызвать войну? Ответ напрашивается сам собой. Лишь безусловная уверенность в мирном исходе, исключающая всякое намерение начать войну, может в достаточной мере объяснить обнаружившуюся перед войной военную, дипломатическую и хозяйственную неподготовленность к войне.

ГЛАВА XV.

Выступление России.

Отношение России к австро-венгерскому ультиматуму с несомненностью показывало, что надежда на мирный исход висит лишь на волоске. Основой всех надежд на мир являлась локализация австро-сербского конфликта. Однако, уже 24-го июля 1914 года, на следующий день после вручения ультиматума, русское правительство сообщило, что к австро-сербскому конфликту «Россия не может оставаться равнодушной». Из позднее опубликованных источников [1]) мы знаем, что того же 24-го июля русский министр иностранных дел сообщил сербскому послу в Петербурге, что Россия ни в коем случае не допустит агрессивных действий Австро-Венгрии против Сербии. Это было поощрением Сербии к сопротивлению требованиям Австро-Венгрии, которое и достигло своей цели. Под прикрытием России Сербия 25-го июля передала свой ответ на ультиматум, в котором она, при всем своем кажущемся желании итти навстречу, либо обходила, либо отвергла важные пункты австро-венгерских требований.

---

[1]) См. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ от 3-го января 1915 года.

Немедленно вслед за этим австро-венгерский посол потребовал свою визу и покинул Белград. Еще до вручения своей ответной ноты сербское правительство отдало приказ о мобилизации.

Это вызвало неизбежность вооруженного столкновения между Австро-Венгрией и Сербией и конфликта между Австро-Венгрией и Россией.

Я не могу задаться целью изложить все те фазы, которые прошел русско-австрийский конфликт в течение восьми дней, предшествовавших открытию военных действий. Эти события подробно изложены с самых различных точек зрения, а также и мною в моей работе: «О возникновении мировой войны на основании источников, опубликованных державами тройственного согласия». Здесь я изложу прежде всего то, что могу сообщить на основании личных наблюдений для подтверждения или выяснения событий.

Вечером 26-го июля, следовательно, на следующий день после передачи Сербией своей ответной ноты, принятой Австро-Венгрией как отказ, мне представился случай иметь продолжительную беседу о политическом положении с лицом, находившимся в близких отношениях с ответственными правительственными кругами.

Выше уже упомянутый председатель правления Русского банка для внешней торговли Давыдов сообщил по телеграфу, что в воскресенье 26-го июля, к 11 часам вечера, он на очень короткий срок будет в Берлине, и что ему очень необходимо сейчас же по прибытии поговорить с моим коллегой Манкиевичем, заведывавшим отделом русской торговли Немецкого банка, и со мной. Мы с Манкиевичем посетили Давыдова сейчас же после его прибытия в гостиницу «Адлон». Окна его салона выходили на Унтер-ден-Линден. С улицы разносился шум возбужденной толпы, которая, как и в предыдущий вечер, шествовала с пением национальных песен по главной улице города.

Давыдов принял нас под сильным впечатлением демонстраций, свидетелем которых он был при своем проезде от вокзала к гостинице. Уже с первых его слов стало ясно, что он приехал в Берлин не по торговым делам, но с целью политической ориентировки, с ведома и по поручению влиятельных русских кругов.

Он указал на свои многолетние усилия, направленные к созданию хороших отношений между Германией и Россией, и высказал свои опасения, вызванные ходом развития сербского вопроса. Он заметил, что самая большая опасность заключается в том, что в Петербурге почти повсюду господствует убеждение, что германское правительство заставило выступить против Сербии, и что оно является действительным автором ультиматума; что действия против Сербии являются лишь звеном в цепи недружелюбных актов Германии против России и что, если бы Россия сейчас подчинилась, то вскоре последовали бы новые унижения; что этот взгляд, заключающий в себе опасность, настойчиво и успешно проводится Извольским, который вместе с ним ехал из Петербурга до Берлина по направлению в Париж. Он добавил, что не ждет ничего хорошего от возвращения Извольского в Париж.

Я решительно восстал против того взгляда, что Германия добивается унижения России. Давыдов, не разделявший сам этого взгляда, за исключением нашего заступничества в различных конфликтах с Сербией за союзную нам Австро-Венгрию, мог указать только на один факт, где Германия, будто бы, заступила дорогу России,—это на назначение немецкой военной миссии в Константинополь; но и в этом случае Германии в конечном итоге уступила протесту России, казавшемуся у нас необоснованным. На основании того, что мне лично было известно о ходе событий, я мог опровергнуть также и то воззрение, будто не Австро-Венгрия, а германское правительство фактически является ответственным за предъявленный Сербии ультиматум. При этом я сослался на объяснения, данные германскими послами различным правительствам, о чем Давыдов еще не знал. Давыдов полагал, что они могли бы вызвать благоприятное впечатление, если бы он имел возможность эти официальные объяснения подкрепить ссылкой на частных лиц, известных его правительству. Я охотно дал ему свое согласие на то, чтобы он использовал в этом смысле данные мною сведения. Я попросил его, однако, добавить, во избежание всякой двусмысленности, что, хотя наше правительство и не принимало участия в составлении австро-венгерского ультиматума, в Германии твердо стоят на той точке зрения, что Австро-Венгрия вполне права, и что никто не

может воспрепятствовать ей урегулировать свои отношения к Сербии в соответствии со своими жизненными интересами. В дальнейшем ходе беседы Давыдов пытался узнать мое мнение относительно того, не могла ли бы Германия вынудить Австро-Венгрию смягчить свою ноту. Я выразил ему свое сомнение по этому поводу; он дал мне понять, что в этом вопросе не столь важным является пойти навстречу сербам, сколько дать России выход из ужасного положения, которое иначе неминуемо должно будет привести к мировой войне. Он заметил, что в России имеется очень сильная и влиятельная военная партия; что мы, немцы, должны быть заинтересованы в том, чтобы помочь партии мира и всем тем, которые стремятся к упрочению хороших отношений с Германией, попытаться найти выход, который дал бы возможность России сохранить свое достоинство, не прибегая к войне.

Я обещал сделать все от меня зависящее и попросил себе сроку до следующего утра, чтобы заняться этим вопросом и, быть-может, предложить какой-нибудь выход.

Было уже два часа ночи. Уже в дверях я спросил Давыдова о его дальнейших намерениях. Давыдов ответил, что он думает выехать во вторник вечером и, следовательно, вернуться к четвергу в Петербург. На мое замечание: «И вы думаете, что до того времени не произойдет ничего решительного и неотвратимого?» он ответил: «Я думаю, что ничего решительного не произойдет; возможно, что мы мобилизуем часть нашей армии...»

Я прервал его: «Вы полагаете, следовательно, что русская мобилизация не является решающим моментом? Что касается меня, то я лично иначе смотрю на это. Я глубоко убежден в том, что русская мобилизация немедленно повлечет за собой немецкую».

Давыдов отвечал: «Ну, так что же?.. Потом можно будет демобилизоваться! Правда, это будет стоить денег, но не должно стоить ни одной капли крови».

Мне было известно, что наше правительство вынуждено было, в силу причин военного характера, рассматривать русскую мобилизацию как объявление войны.

В тот же день, когда я имел эту беседу с Давыдовым, нашему посланнику в Петербурге было поручено передать русскому правительству следующее заявление:

«Подготовляемые Россией военные мероприятия заставляют нас прибегнуть к таким же мерам, именно к мобилизации армии. Но мобилизация означает войну. Так как нам известны обязательства Франции в отношении России, то мобилизация была бы направлена против России и Франции. Мы не допускаем, чтобы Россия хотела вызвать такую европейскую войну».

О том, что эта немецкая точка зрения признавалась совершенно естественной также и союзниками России, свидетельствует донесение английского посла в Петербурге от 25-го июля (Голубая книга, № 17), в котором значится:

«I said all I could to impress prudence on the Minister for Foreign Affairs, and warned him that, if Russia mobilised, Germany would not be content with mere mobilisation, or give Russia time to carry out hers, but would probably declare war at once» («Я сделал все от меня зависящее, чтобы уговорить министра иностранных дел, и предостерег его, что в случае русской мобилизации Германия не ограничится одной только мобилизацией и не даст России времени для проведения своей мобилизации, но, по всей вероятности, немедленно объявит войну»).

Что руководящие военные круги России сами рассматривали свою мобилизацию, как равнозначащую объявлению войны Германии, было позже установлено, благодаря найденному нами в Польше приказу русского военного министра от сентября 1912 года, гласившему: «Высочайше приказано рассматривать объявление мобилизации как одновременное с нею объявление войны Германии».

Таким образом, русская мобилизация (это было в то время моим глубочайшим убеждением) являлась самым опасным из всех осложнений, возможных в дальнейшем ходе событий; она должна была быстро положить конец всем попыткам сохранить мир. Вот почему я был так сильно поражен, когда Давыдов вскользь упомянул об этой возможности.

«Вы можете быть уверены в том,—ответил я ему,—что мобилизация означает немедленную войну».

Давыдов обнаружил сильное изумление.

После короткого молчания он выразил свое сомнение в этом. Я указал ему на то, что возможность более быстрой

мобилизации дает нам над русским численным превосходством перевес, который нельзя выпускать из рук своею медлительностью; что этой мыслью проникнуты у нас все, и военные, и невоенные. Потому мобилизация и война равнозначащи для нас.

Давыдов проникся серьезностью положения. Он заявил, что считает этот пункт до того исключительно важным, что еще ночью протелеграфирует в Петербург.

В понедельник 27-го июля я утром еще поделился с помощником статс-секретаря Циммерманом своей ночной беседой с Давыдовым и спросил его, какой выход из положения можно было бы при случае предложить Давыдову, чтобы, как он желал бы, дать возможность России «сохранить свое достоинство». В результате беседы с Циммерманом я мог передать Давыдову, под видом своего личного предложения, следующее:

Австро-Венгрия сообщила в своей циркулярной ноте державам, что она может предоставить в их распоряжение имеющийся у нее материал, послуживший основой для ноты Сербии. Так как русское правительство сомневается в правильности утверждаемых Австро-Венгрией фактов, то остается, может-быть, возможность внушить, кому следует, в Вене, чтобы австро-венгерское правительство, по собственной воле, и не дожидаясь запроса со стороны русского правительства, сообщило этому последнему свой обвинительный материал. Русское правительство могло бы, если ему важно найти выход из тупика, воспользоваться этим дружеским шагом, заявить о своем удовлетворении и предоставить Австро-Венгрии свободу действий против Сербии.

Давыдов ухватился за эту мысль и сказал, что Россия, кроме того, должна, пожалуй, еще получить заверение в том, что австро-венгерское выступление не поведет к какому-либо нарушению равновесия на Балканах. На мое замечание, что Австро-Венгрия уже дала торжественное заявление о том, что она не преследует никаких территориальных целей, он ответил, что, может быть, было бы возможно еще больше уточнить и дополнить это, чтобы тем самым облегчить России отступление.

С согласия Циммермана, я снесся вслед за тем с советником австро-венгерского посольства бароном Геймерле. По-

следний сказал мне, что венским правительством будут в форме меморандума разосланы на-днях всем великим державам доказательства в подтверждение приведенных во врученной Сербии ноте фактов, что тем самым мое пожелание будет по существу удовлетворено. Рекомендовать своему правительству, сверх того, еще какие-нибудь специальные шаги в отношении России он отказался, ссылаясь на то, что при настоящем положении вещей каждый шаг Австро-Венгрии навстречу России будет объяснен ее слабостью и тем самым еще больше затруднит распутывание клубка.

Тогда я предложил (опять-таки с согласия Циммермана) Давыдову, просившему меня формулировать то, что он мог бы телеграфировать в Петербург, следующий текст:

«Согласно сведениям д-ра Гельфериха, правительство Австро-Венгрии вскоре представит России, а также правительствам других великих держав материал, относящийся к заговору против жизни эрцгерцога Франца-Фердинанда в связи с великосербской агитацией, чтобы предоставить, таким образом, правительствам возможность убедиться в правильности фактов, приведенных во врученной Сербии ноте, и в справедливости требований Австро-Венгрии».

Мне было совершенно ясно, что на это нельзя было возлагать большой надежды. Однако, Давыдов, по внимательном прочтении текста, заметил: «Во всяком случае это уже достаточно много».

На следующий день Давыдов нашел предложенный мною путь также вполне приемлемым и заявил, что он в Петербурге будет ратовать за то, чтобы этот путь был использован. Во время этой последней беседы он сказал, что возлагает особенно много надежд на воздействие кайзера на царя, очень легко поддающегося воздействию.

Непосредственно перед своим отъездом, вечером 28-го июля, Давыдов просил передать мне, что он видел в русском посольстве очень обнадеживающее сообщение по поводу последнего разговора между Сазоновым и графом Пурталесом. Оба государственных деятеля обещали друг-другу не делать пока никаких дальнейших приготовлений к войне.

Циммерману ничего не было известно о таком данном обеими сторонами обещании прекратить военные пригото-

вления. От графа Пурталеса не поступало никакого донесения, которое давало бы возможность заключить о чем-либо подобном; напротив, стали учащаться сведения, что русские приступили к мобилизации также и у нашей границы. На мое сообщение по поводу предложения Давыдова о том, чтобы император взял на себя инициативу по отношению к царю, Циммерман ответил, что император уже по собственному побуждению отправил царю очень сердечный призыв к миру.

На самом деле, русская партия мира, которая группировалась, вероятно, главным образом вокруг Коковцова и по поручению которой Давыдов действовал (безусловно, как я полагаю, с большими надеждами и наилучшими намерениями), была слишком слаба, чтобы выдержать борьбу против чрезвычайно сильной русской военной партии. Министр иностранных дел Сазонов, как впоследствии выяснилось на основании официально опубликованных данных и, прежде всего, из показаний на сухомлиновском процессе, действовал совместно с военным министром Сухомлиновым и начальником генерального штаба Янушкевичем в интересах военной партии. Уже 24-го июля, т.-е. на следующий день после вручения ультиматума, он заявил послам Англии и Франции, что Россия во всяком случае произведет мобилизацию, решение о которой было принято 25-го июля, по крайней мере, в отношении южных и юго-восточных губерний. Решение вначале держалось втайне от Германии и Австро-Венгрии. Как Давыдов, 28-го июля вечером, просил передать мне о состоявшемся, будто бы, в Петербурге соглашении относительно прекращения дальнейших военных приготовлений, точно так же 27-го июля русский военный министр дал утешительные заверения германскому военному атташе в Петербурге. На самом же деле 29-го июля было уже официально сообщено, как о совершившемся факте, о мобилизации одесского, киевского, московского и казанского корпусов, а сообщения, что мобилизация в пограничных с Германией губерниях в полном ходу, становились все чаще и определеннее.

Надежда на вмешательство царя, принимая во внимание его всем известное слабоволие, не могла быть очень значительна. Его первая ответная телеграмма нашему императору подтвердила этот взгляд.

Таким образом, оставалось еще только одно средство, могущее удержать русскую военную партию от войны: сильный нажим Англии и Франции в пользу мира.

Австро-Венгрия расчистила путь для такого воздействия Англии и Франции данным сейчас же после передачи ультиматума заявлением, что она не преследует ни целей территориального расширения, ни умаления независимости Сербии, а стремится лишь к установлению собственной безопасности. Когда же германский посол, ссылаясь на это заявление, обратился к французскому правительству, чтобы побудить его воздействовать на русское правительство в интересах всеобщего мира (26-го июля), то французское правительство отклонило это предложение, ссылаясь на то, что Россия не давала повода сомневаться в своей умеренности, и заявляя, что Германии следовало бы воздействовать на своего союзника, чтобы удержать его от военных операций против Сербии. Ни один из опубликованных в большом числе правительствами антанты документов по вопросу о возникновении войны не дает указания на то, что французское правительство в какой-либо стадии кризиса сделало бы хотя малейшую попытку воздействовать на Россию в примирительном смысле и удержать ее от принятых с его ведома военных мероприятий, которые должны были привести к войне. Все усилия Франции в то время были направлены к тому, чтобы получить от английского правительства формальное и решительное заверение в том, что Англия в случае войны немедленно станет на сторону Франции и России.

При таком положении вещей решение вопроса зависело от Англии. Английскому правительству предстоял выбор: или своим поощрением Франции и России, а, быть-может, и просто своим пассивным попустительством разжечь войну, или в корне заглушить ее своим определенным заявлением, что оно не начнет войны из-за австро-сербского конфликта.

Как официальные, так и частные известия, полученные в те тревожные дни из Лондона, вызвали сперва надежду, что английское правительство, особенно сэр Эдуард Грей, серьезно возьмется за умиротворение. Так, выяснилось, что Англия оказала некоторый отпор настоянию России и Франции на том, чтобы Англия немедленно заявила о своей солидар-

ности с ними. Сэр Эдуард Грей выразил свое безусловное согласие со сделанным сэром Джорджем Бьюкененом от 24-го июля в Петербурге Сазонову заявлением, что английское общественное мнение не одобрит войны из-за сербского вопроса. Правда, с другой стороны, он высказался очень неодобрительно по поводу австро-венгерского ультиматума Сербии и подчеркнул, что сербский ответ должен был бы удовлетворить венское правительство; равным образом он дал понять германскому послу, что правительство Германии должно было бы воздействовать на Вену в смысле сохранения мира.

Последнее и было сделано Германией, после того как германское правительство отклонило предложение Грея передать австро-сербский вопрос на рассмотрение конференции, состоящей из Грея, в качестве председателя, и послов Франции, Германии и Италии, ссылаясь на то, что, согласно петербургским сведениям, Сазонов предполагает войти в непосредственные переговоры с графом Берхтольдом, и что следует сначала выждать результата этих переговоров. Сэр Эдуард Грей нашел эту точку зрения правильной; 28-го июля он протелеграфировал английскому послу в Берлине, что он снимает пока все другие предложения, так как непосредственный обмен мнений следует предпочесть всем прочим способам.

Но еще прежде чем дело дошло до этого непосредственного обмена мнений и прежде чем могло сказаться воздействие Германии на Вену, английское правительство предприняло шаги, которые могли быть только поощрением для России и Франции. Я напомню о последовавшем 28-го июля распоряжении о том, чтобы сконцентрированный в Портлэнде для маневров флот Северного моря остался под парами; далее, о состоявшемся утром 29-го июля разговоре между сэром Эдуардом Греем и французским послом, в котором Грей заявил Камбону, что он предполагает сказать германскому послу, чтобы последний не очень полагался на дружеский тон бывших до того времени разговоров и чтобы не вынес из них ложного впечатления, что Англия останется в стороне, если все попытки к сохранению мира, предпринятые сейчас Англией совместно с Германией, окажутся тщетными.

Это заявление Грея Полю Камбону решило вопрос в пользу войны. Французский посол после этого уже мог быть уверен

в немедленном вмешательстве Англии в войну на стороне Франции и России. В тот же день вечером русское правительство уполномочило Извольского выразить французскому правительству искреннюю признательность русского правительства за обещанную им военную поддержку (русская Оранжевая книга, №58). Уже 25-го июля Сазонов заявил английскому послу: «Если Россия будет уверена в помощи Франции, то она возьмет на себя весь риск войны» (английская Голубая книга, № 17). Сазонов получил теперь эту уверенность от французского правительства, после того как утром того же дня последнее получило, благодаря заявлению Грея Полю Камбону, заверение в английской поддержке.

Известие о беседе между сэром Эдуардом Греем и князем Лихновским пришло в Берлин в ночь на 30-е июля. Содержание его совпадало с тем, что Грей заявил Камбону. Когда я утром 30-го июля посетил министерство иностранных дел, то я вынес впечатление, что уже и оптимисты, которые до тех пор все время еще говорили о «русском блёфе», пришли теперь к сознанию всей серьезности положения. Теперь оставалось возлагать всю надежду на сохранение мира на предпринятые совместно с сэром Эдуардом Греем шаги в Вене.

Уже 28-го июля германский император протелеграфировал царю, что он пустил в ход все свое влияние, чтобы склонить Австро-Венгрию к открытому и удовлетворительному соглашению с Россией. Германское правительство не ограничилось в отношении австро-венгерского общими советами умерить свои требования; оно решительно настаивало на вступлении в непосредственные переговоры с Россией, на которые Сазонов дал свое согласие, и оно передало дальше в Вену, в качестве основы для этих переговоров, компромиссное предложение, сделанное Эдуардом Греем. Граф Берхтольд сейчас же выразил свою готовность войти в непосредственные переговоры с русским правительством. Когда рейхсканцлер вечером 29-го июля получил из Петербурга известие о том, что австро-венгерский посол отказался вступить в переговоры, он велел отправить германскому послу в Вене телеграфную инструкцию, гласившую:

«...Мы не можем требовать от Австро-Венгрии, чтобы она вошла в переговоры с Сербией, с которой она находится

на военном положении. Но отказ от всякого обмена мнений с Петербургом был бы большой ошибкой. Хотя мы и готовы выполнить наше союзное обязательство, мы все же должны воздержаться от того, чтобы быть вовлеченными Австро-Венгрией, благодаря нежеланию считаться с нашими указаниями, в мировой пожар. Прошу ваше превосходительство немедленно поговорить в этом смысле с графом Берхтольдом, указав ему на всю важность и серьезность вопроса».

Рейхсканцлер придал своим шагам перед венским правительством особый вес отправкой еще и второй телеграммы следующего содержания:

«В случае, если австро-венгерское правительство отклонит всякое посредничество, мы окажемся перед конъюнктурой, при которой Англия будет против нас, Италия и Румыния, по всем имеющимся признакам, не с нами, так что мы с Австро-Венгрией будем иметь против себя три великих державы. Так как в рядах противников будет находиться и Англия, на долю Германии выпала бы главная тяжесть борьбы. Политический престиж Австро-Венгрии, военная слава ее армии, а также и ее обоснованные притязания к Сербии могли бы быть достаточно сохранены занятием Белграда или других мест» (это соответствовало предложению Грея). «Поэтому мы должны сделать настойчивое представление о принятии посредничества на предложенных условиях. В противном случае, ответственность за могущие наступить последствия оказалась бы для нас и для Австро-Венгрии необычайно тяжела».

Германское правительство использовало, таким образом, в решительный момент ту свободу действия, которую оно сохранило, благодаря своему воздержанию от активного участия в австро-венгерском выступлении, и оказало на венское правительство давление в смысле сохранения мира, как справедливо заметил позже рейхсканцлер Бетман-Гольвег, «в форме, достигающей предела того, что могло быть допущено нашими союзническими отношениями». Во всяком случае, английские и французские государственные деятели не могут указать ни на один свой шаг в отношении России, который был бы хотя бы отдаленным подобием давления, оказанного Германией на Австро-Венгрию.

Последнее возымело в Вене успех: австро-венгерский посол в Петербурге получил сейчас же предписание немедленно вступить в переговоры с Сазоновым, не состоявшиеся до тех пор вследствие происшедшего по вине русских недоразумения. Переговоры должны были коснуться самого содержания ультиматума, от чего венское правительство до тех пор категорически отказывалось.

Далее, граф Берхтольд сообщил германскому правительству, что он готов ближе подойти к рассмотрению посреднического предложения Грея; наконец, 30-го июля, после обеда, состоялась беседа между графом Берхтольдом и русским послом в Вене Шебеко, устранившая все еще имевшиеся препятствия к непосредственному объяснению между Веной и Петербургом. Французский посол в Вене, который так же, как и его английский коллега, был сейчас же осведомлен Шебеко о результате этой беседы, телеграфировал в Париж, что у него опять явилась надежда на возможность локализации конфликта. Сэр Эдуард Грей телеграфировал на следующий день английскому послу в Петербурге, что он с большим удовлетворением узнал о возобновлении непосредственных переговоров между Россией и Австро-Венгрией.

Таким образом, усилиями Германии 30-го июля удалось склонить венское правительство к шагу, снова открывавшему пути к миру, казавшиеся уже отрезанными.

В Германии с величайшим напряжением следили за результатом уступчивости, проявленной Австро-Венгрией в отношении России и западных держав. Еще в пятницу (30-го июля) в министерстве иностранных дел мнения относительно результатов расходились. В то время как некоторые выражали еще надежду, фон-Штумм сказал мне в пятницу (30-го июля), что он не видит больше надежды удержать Англию от войны, что Черчилль и Сити хотят войны, и что они представляют собою наибольшую силу. Во время разговора с Штуммом пришло известие о том, что Английский банк повысил учетную ставку до 8%. Тревожный сигнал! Далее пришло известие, что Асквит потребовал в нижней палате отсрочки дискуссии о гомруле на том основании, что «Англия должна показать сплоченный фронт». Из Петербурга не поступало никаких известий относительно принятия

венской уступки; наоборот, дошли сведения, что, несмотря на слово, данное начальником русского генерального штаба германскому военному уполномоченному, мобилизация русских войск, между прочим, и против Германии, все время продолжалась. Видя, что преимущество Германии, важное для ее судьбы и заключающееся в возможности более быстрой мобилизации, ускользает от нас, благодаря русским приготовлениям, наши военные руководители стали проявлять нетерпение и настаивать на немедленном разрешении вопроса. Возбуждение берлинского населения было неописуемо; оно уже за день до этого было доведено до высших пределов ложным сообщением газеты «Lokalanzeiger» об отдании приказа о мобилизации, правда, тотчас же опровергнутым.

31-го июля из Петербурга пришло сообщение, что царь издал приказ об общей мобилизации русской армии и флота.

Таким образом, ответом России на проявленную Австро-Венгрией, под давлением Германии, уступчивость была общая мобилизация, которая, согласно русскому указу от сентября 1912 года, должна была для русской армии быть равнозначащей объявлению войны Германии и которая, как о том были осведомлены правительства России и всех великих держав, означала для Германии неизбежную войну с Россией.

Уже до выяснения на сухомлиновском процессе внутренних русских событий, этот шаг России, вызвавший войну наперекор всем усилиям сохранить мир, мог быть объяснен только тем, что те лица, от которых в России в тот момент зависело решение, хотели, в виду проявленной австро-венгерским правительством, под давлением Германии, уступчивости, разрушить все мосты к миру и сделать войну неизбежной [1]).

Показания на сухомлиновском процессе подтвердили это объяснение.

Мы знаем теперь, что царь уже 30-го июля подписал приказ о мобилизации, и что 30-го июля после обеда всеобщая мобилизация была уже в полном ходу; что вечером 30-го июля царь, под сильным впечатлением пришедших тем временем известий, особенно телеграммы германского императора от 1 ч. дня, в которой последний еще раз настойчиво

1) См. мою книгу: „Ents'ehung des Weltkrieges", стр. 25.

указывал царю на «опасность и тяжелые последствия мобилизации», дал своему начальнику генерального штаба Янушкевичу и военному министру Сухомлинову приказ по телефону о немедленном приостановлении мобилизации; что Сухомлинов на вопрос Янушкевича о том, что ему делать после этого приказа царя, дал классический ответ: «не делайте ничего!»; что приказ о мобилизации был официально опубликован еще в ту ночь, и что на следующий день, как выразился Сухомлинов, царя переубедили.

Мы знаем далее, что эти исподтишка нападающие преступники почувствовали свою силу, благодаря полученному 29-го июля вечером заверению в военной поддержке Англии и Франции. 29-го июля, перед обедом, как я уже упоминал выше, Грей сообщил Камбону о своем предполагаемом заявлении князю Лихновскому, которое Камбон не мог рассматривать иначе, как обещание немедленного английского вмешательства на стороне Франции и России; а вечером того же дня Сазонов уполномочил Извольского поблагодарить французское правительство за обещание безусловной военной поддержки. День спустя у царя вынудили приказ о мобилизации, а затем и провели мобилизацию, несмотря на приказ царя о ее приостановлении.

Пусть тот, кто сомневается в этой последовательности и связи событий, прочтет сообщение бельгийского поверенного в делах в Петербурге Эскайя от 30-го июля 1914 года своему министерству в Брюсселе:

«Неоспоримым является только то, что здесь, как и в Вене, Германия приложила все усилия к тому, чтобы найти какой-нибудь выход с целью избежать всеобщего конфликта... Англия дала сперва понять, что она не хочет быть вовлечена в конфликт. Джордж Бьюкенен открыто заявил об этом. Сейчас (30-го июля) в Петербурге имеется твердая уверенность,—больше того: уже получили заверения в том, что Англия выступит на стороне Франции. Эта помощь имеет тут решающее значение: она немало способствовала победе военной партии».

Вот на ком ответственность!

Но германская политика сделала еще одну последнюю попытку отвратить то, что стало неотвратимым.

Германия все время проявляла по отношению к военным мероприятиям России долготерпение, объясняемое только искренним желанием мира. «Подготовляемые Россией военные мероприятия заставляют нас прибегнуть к таким же мерам, именно к мобилизации армии. Но мобилизация означает войну». Так гласила телеграфная инструкция, отправленная 26-го июля графу Пурталесу. Несмотря на это, у нас не были приняты контр-меры в ответ на неловко составленное опровержение русского правительства относительно «подготовляемых военных мероприятий России», которые были, однако, подтверждены достоверными сообщениями и единичными фактами; мало того: мы ничем не реагировали и на отданный 28-го июля приказ о мобилизации Московской, Киевской и Херсонской губерний со всеми соответствующими мероприятиями мобилизации. И даже тогда, когда приказ царя о мобилизации всех русских сухопутных и морских сил был официально опубликован, в Берлине еще медлили с приказом о мобилизации. Мы ограничились объявлением «положения угрожающей военной опасности» и отправкой русскому правительству одновременно с изданием этого приказа сообщения о том, что вслед за положением военной угрозы, еще не являющейся мобилизацией, последует и мобилизация, если Россия в течение 24 часов не приостановит своих военных мероприятий против обеих центральных держав и не поставит об этом в известность Германию. Одновременно германский посол в Париже получил предписание предъявить французскому правительству запрос, ответ на который должен быть дан в течение 18 часов о том, думает ли оно сохранить нейтралитет в случае войны с Россией.

Таким образом, несмотря на непосредственную угрозу в связи с объявленной всеобщей русской мобилизацией, Германия, рискуя потерять драгоценное для нее время, все еще не предпринимала последнего шага, стремясь использовать еще и последнюю возможность для сохранения мира.

ГЛАВА XVI.

Английская дипломатия и успех английской политики.

Если вообще еще существовала возможность отвратить несчастие, то она находилась всецело в руках английского правительства. Германия заставила Австро-Венгрию пойти по пути, предложенному сэром Эдуардом Греем. Сэр Эдуард Грей не скрыл своего чувства удовлетворения по поводу этого успеха. Как должен был он отнестись к факту всеобщей мобилизации России, сводившей к нулю значение этого успеха и всякую надежду на сохранение мира?

Германское правительство направило все свои усилия к тому, чтобы склонить английское правительство к действиям, которые еще в последний момент могли бы предотвратить или, по крайней мере, ослабить катастрофу, и добилось у императора, с целью заручиться временем для этой последней попытки, еще последней отсрочки настойчивых требований ответственных военных инстанций.

Но его усилия в Лондоне не достигли цели. Опубликованные английским правительством документы не заключают в себе ни малейшего указания на какую-либо попытку воздействовать на Россию с целью добиться отсрочки мобилизации или удовлетворительного объяснения с Германией. Сэр Эдуард Грей ограничился только тем, что поставил на вид германскому правительству через берлинского посла, что Германия могла бы продолжать переговоры и оставаясь мобилизованной.

31-го июля сэр Эдуард Грей возбудил вопрос о нейтралитете Бельгии, с очевидным намерением заручиться для английского общественного мнения правдоподобным поводом для вступления в войну.

Германский посол в Лондоне предложил сперва ответить ему на вопрос о том, даст ли Англия с своей стороны обязательство сохранить нейтралитет в случае, если бы Германия обязалась соблюсти нейтралитет Бельгии. Грей ответил уклончиво, но все же в том смысле, что при одном лишь этом условии Англия не может гарантировать своего нейтра-

литета. Тогда князь Лихновский спросил, не может ли Грей формулировать условия, при которых Англия была бы готова соблюсти нейтралитет; с своей стороны, он предложил гарантию неприкосновенности Франции и ее колоний. Мало того: германское правительство пошло еще дальше,—оно объявило, что до тех пор, пока Англия будет сохранять нейтралитет, германский флот не будет подвергать нападениям северный берег Франции и при условии взаимности не предпримет никаких враждебных действий против французской торговли. Но у сэра Эдуарда Грея на все это был стереотипный ответ, что он должен окончательно отвергнуть какую бы то ни было гарантию нейтралитета на таких условиях, так как Англия хочет сохранить за собой свободу действий (английская Голубая книга, № 123).

Таким образом, за нейтралитет Англии, который мог бы не только локализовать, но, может-быть, даже и предотвратить в последний момент войну, Германия предложила неприкосновенность Бельгии и Франции, включая и ее колонии, и, кроме того, гарантию того, что флот не произведет нападения на французский берег и на французские торговые суда; но ни ценой этих, ни ценой каких-либо других уступок не удалось заручиться английским нейтралитетом. Слова, произнесенные 1-го августа сэром Эдуардом Греем: «Англия желает сохранить за собой свободу действий», так точно совпавшие с отзвуком холдэновских переговоров весной 1912 года, значили: Англия решила не препятствовать войне и пойти против Германии.

Известия о таком результате последней попытки пришли в Берлин 1-го августа, в момент, когда император со своими ближайшими советниками принял последнее решение. Сроки, предоставленные для ответа России и Франции, уже иссякли. Тут появился новый луч надежды; была получена телеграмма от князя Лихновского, гласившая, что сэр Эдуард Грей велел запросить его по телефону, обещает ли Германия не нападать на Францию, если последняя сохранит нейтралитет. Князь счел себя в праве выразить свою уверенность в этом при том условии, что Англия гарантирует этот нейтралитет своей армией и флотом. При этом проблеске надежды на мир в Берлине почувствовали, будто гора свали-

лась с плеч. Однако, сейчас же вслед за первой последовала вторая телеграмма от князя Лихновского, разрушившая эту надежду: сэр Эдуард Грей заявил, что его запрос по телефону был ошибочно понят [1]).

Германия исчерпала все средства для предотвращения всемирной катастрофы. Русские войска безостановочно катились по направлению к германской границе. Из Парижа и Петербурга все еще не поступало ответов на срочные запросы Германии. Перед берлинским дворцом, в котором должно было быть вынесено решение, толпился в безмолвном напряжении народ. Внезапно после обеда разнеслась весть, что Россия приостановила свою мобилизацию. Вскоре, однако, удалось установить, что такого сообщения не поступало. В пять с половиной часов вечера офицеры генерального штаба, проезжая из дворца через Унтер-ден-Линден, кричали со своих автомобилей: «Мобилизация!».

Уже до того, в 3 часа 40 минут после обеда, французское правительство выпустило приказ о всеобщей мобилизации. Неудержимо покатилось колесо судьбы. К прежнему уже не было возврата. Во всех странах, причастных к конфликту, решения были приняты бесповоротно. Все, что еще предстояло, было лишь вопросом тактики и формальности.

Как теперь, после неудачного исхода войны, я убежден в том, что у нас в сущности не оставалось другого выхода, что наши враги домогались войны и навязали нам ее, так же

---

[1]) Позиция, занятая германским правительством в связи с этим „недоразумением", показывает, до чего далеко германское правительство было от наступательных замыслов против Франции. Французский министр иностранных дел пытался доказать обратное опубликованием шифрованной депеши, заключающей инструкцию рейхсканцлера германскому послу в Париже, барону фон-Шёну, на основании которой последний должен был потребовать от Франции, в виде гарантии на случай объявления Францией нейтралитета, выдачу крепостей Туля и Вердёна. Инструкция не была использована, так как Франция отказалась от объявления нейтралитета. Она была вызвана военной необходимостью прикрытия нашего тыла со стороны запада, в случае наступления всей нашей армии на восток. „Недоразумение", происшедшее 1-го августа, показало, что в случае, если Франция вообще была бы готова сохранить нейтралитет, германское правительство удовлетворилось бы дипломатической гарантией Англией французского нейтралитета взамен военной гарантии, в виде выдачи пограничных крепостей.

точно и тогда я, уже в качестве постороннего зрителя, был того мнения, что наши враги показали свое превосходство в вопросах тактики и формальности. Так, например, я лично тогда уже считал формальное объявление войны, России и Франции ненужным и вредным проявлением чрезмерной формальной добросовестности. Мы знали, что Россия во что бы то ни стало хотела войны, и что ее ничто не могло удержать, разве только давление со стороны Англии, которое, однако, не последовало. Фактически, русские войска и банды переступили границу Восточной Пруссии еще до истечения поставленного нами срока (31-го июля) и до вручения нами нашего объявления войны, чем и вызвали военное состояние страны. Зачем понадобилось нам официальным объявлением войны выставить себя хотя только формально в невыгодном свете—наступающей стороною? Мы знали, что Франция была обязана и решила оказать России военную поддержку. Зачем понадобилось нам формальным объявлением войны отнять у французского правительства это невыгодное преимущество?

Мне лично кажется, что правильнее было бы последовать совету одного умного француза: «Никогда не нужно ставить точек на i!» Благодаря нашему пылу в вопросах формалистики, мы сыграли на руку врагам и создали для себя внешне-неблагоприятное впечатление, идущее вразрез с действительным ходом событий. То же касается, по моему мнению, и нашего образа действия по вопросу о бельгийском нейтралитете. Также и здесь мы совершили формальный проступок, как позже мне было объяснено, с целью дать бельгийскому правительству возможность выйти из положения, не принимая участия в войне. Бельгия не использовала этой возможности, между тем как признанная нами самими несправедливость продолжает лежать на нашей ответственности.

Главный же партнер противной стороны в нашей дипломатической игре, английское министерство иностранных дел с технической виртуозностью использовало в качестве дипломатического повода к войне именно вопрос о бельгийском нейтралитете, так сильно нарушенном им самим начатым в 1906 году совместным военным сотрудничеством с Бельгией.

Сербский конфликт сам по себе был слишком незначащим, чтобы его можно было выставить перед английским

общественным мнением и перед всем миром, как повод для вступления Англии в войну. Пацифистское движение было очень значительно и в Англии; даже в стоявшей у власти либеральной партии оно насчитывало слишком много сторонников и даже в английском кабинете имело слишком сильное влияние для того, чтобы сербский конфликт мог быть использован как военный лозунг. Я напомню, что 24-го июля 1914 года Джордж Бьюкенен отклонил заявление солидарности, затребованное Сазоновым,—однако, не под предлогом, что было бы преступлением по отношению к человечеству вызывать мировую войну из-за незначительного сербского вопроса (такая «сантиментальность» была чужда английской политике), но вот по какому основанию, одобренному за день до того Эдуардом Греем: «У Англии нет непосредственных интересов в Сербии, и война за эту страну никогда не получит одобрения со стороны английского общественного мнения».

Еще во время того рокового разговора 29-го июля, который сэр Эдуард Гей имел с Полем Камбоном, Грей, как ни ясно он дал почувствовать готовность Англии к военной поддержке, указал на то, что австро-сербский вопрос и даже русско-германский конфликт не могут быть рассматриваемы Англией как удовлетворительный мотив для вступления в войну. Камбон следующим образом ответил на это заявление, согласно собственной передаче сэра Эдуарда Грея великобританскому послу в Париже: «Он (Камбон) понимает, что Англия не видит необходимости в том, чтобы вмешаться в балканский спор или хотя бы даже в борьбу за владычество между немцами и славянами; но если бы появились другие поводы, и Германия и Франция оказались бы впутанными в конфликт, который принял бы значение вопроса гегемонии в Европе, то Англии предстояло бы решить, что ей предпринять». Другими словами, Камбон понял Грея, а сэр Эдуард Грей не только не заявил своего протеста, но сам даже передал эту мысль дальше своему парижскому послу, сказавши: «Сербско-австрийский, а также и германо-русский вопрос не являются для нас достаточными поводами для того, чтобы вовлечь Англию в войну; но если вы из сербско-австрийского или из германо-русского вопроса сделаете гер-

мано-французский и, значит, вопрос о господстве в Европе, тогда я буду иметь нужный мне повод».

Создать этот повод было во власти Франции: Франции достаточно было для этого объявить свою безусловную солидарность с Россией, что и случилось, как я показал выше, еще до того же 29-го июля.

Что сэр Эдуард Грей затронул при этом весьма чувствительную струну,—показывает письмо, направленное 2-го августа лидерами консервативной оппозиции обеих палат, Бонаром Лоу и лордом Лэндсдоуном, премьер-министру; они подчеркнули в этом письме, что «промедление в вопросе о поддержке Франции и России в настоящем кризисе могло бы возыметь роковые последствия для чести и безопасности Соединенного королевства»; они гарантировали безусловную поддержку оппозиции в случае, если бы кабинет оказал эту поддержку Франции и России.

Но в самом либеральном кабинете были люди, а тем более их много было в либеральной партии и в рабочей партии, как в парламенте, так и в стране, которые не соглашались слепо вступать в войну даже и под таким лозунгом. В числе их, если верить сообщениям английских газет [1]), оставшимся неопровергнутыми, был и Ллойд-Джордж. Еще 30-го июля сэр Эдуард Грей был вынужден сообщить французскому послу, что кабинет пришел к тому заключению, что он в данный момент не может взять на себя никакого обязательства. Это сообщение было очень неприятно не только Камбону, но, повидимому, и Грею, так как кабинет в этом случае шел до некоторой степени вразрез с заявлением, сделанным Греем за день до того. В виде утешения Грей поспешил добавить, что дальнейший ход событий может изменить положение и убедить правительство и парламент в необходимости английской интервенции; вопрос о нейтралитете Бельгии мог бы стать если и не решающим, то, по крайней мере, очень важным фактором для выяснения позиции Англии. Сэр Артур Никольсон, отец англо-русской антанты, из всех английских государственных деятелей, пожалуй, с наибольшей последовательностью и решимостью стремившийся к со-

---

[1]) Напр., „Labour Leader“ („Рабочий вождь“), от 18-го марта 1915 года.

зданию военной коалиции против Германии, также дал дружески понять Камбону, встретившись с ним при выходе его из кабинета,—так сообщал Камбон в Париж,—что государственный секретарь не преминет возобновить дискуссию в кабинете министров.

Во всем этом никто не сможет усмотреть и тени какого-либо усилия предотвратить войну; зато ясно видны попытки найти повод к войне, достаточно веский для английского кабинета и для английского общественного мнения. Достаточно отметить различие в поведении сэра Эдуарда Грея в отношении к французскому и германскому послу. В своих разговорах с князем Лихновским он уклонялся от всякого указания условий, при которых Англия могла бы остаться нейтральной в войне; напротив, его беседы с Камбоном почти исключительно касались вопроса об удобном моменте для немедленного вступления Англии в войну. Это различие в поведении характеризует истинный облик английской политики, в той стадии во всяком случае стремившейся к войне.

После того как выяснилось, что и «борьба за гегемонию в Европе», как военный лозунг, не предвещает успеха, сэр Эдуард Грей возбудил вопрос о бельгийском нейтралитете. В качестве меры воздействия на сомневающихся он использовал тот уклончивый и потому неудовлетворительный ответ, который статс-секретарь фон-Ягов 31-го июля дал на первый запрос английского посла в Берлине. Когда затем князь Лихновский 1-го августа, с своей стороны, задал ему вопрос, согласна ли Англия, в случае признания Германией нейтралитета Бельгии, сама остаться нейтральной, то Грей счел нужным скрыть от своего кабинета предложение, заключавшееся в этом вопросе и отвергнутое им, которое гарантировало нейтралитет Бельгии в случае гарантии английского нейтралитета. Он счел нужным скрыть от кабинета также и предложение Германии воздержаться, взамен гарантии нейтралитета со стороны Англии, от каких бы то ни было военных операций в отношении атлантического берега и торговых судов Франции и гарантировать неприкосновенность Франции и ее колоний [1]).

---

[1]) Ср. запрос Кир-Гарди в нижней палате 27-го августа 1914 года.

Вечером 4-го августа английский посол в Берлине вручил рейхсканцлеру в ультимативной форме, со сроком ответа до 12 часов ночи, запрос о том, гарантирует ли Германия нейтралитет Бельгии. В это время германские войска находились уже по ту сторону бельгийской границы. Таким образом, английскому кабинету удалось заручиться нужным ему поводом и лозунгом войны.

Мне трудно судить о том, насколько сильна была военная необходимость, заставившая нас пренебречь бельгийским нейтралитетом ценою представления Англии веского повода к войне и хорошего военного лозунга. Наше моральное право пройти через Бельгию после всего происшедшего не подлежит для меня ни малейшему сомнению. Также не подлежит для меня сомнению и тот факт, что при самом добросовестном соблюдении нами бельгийского нейтралитета Англии не удалось бы избежать участия в войне на стороне наших врагов [1]).

---

1) Это открыто признается в самой Англии. Уже в декабре 1914 года „Spectator" („Зритель") писал: „Если бы Германия решила попытаться прорваться во Францию прямым путем, а не через Бельгию, на нас все-таки лежало бы серьезное обязательство помочь Франции и России... Все наши соглашения с Францией,—наше одобрение ее направления в политике, наши военные „собеседования" с ее штабом, наше тесное общение в вопросах внешней политики,—все это, вместе взятое, так связало нас, как если бы мы заключили с Францией союз. То же, что верно в отношении к Франции, в неменьшей мере правильно и в отношении к России".

Также и передовица „Times" от 19-го марта 1915 года признавала, что Англия была бы вынуждена для сохранения своей чести и своих интересов встать на сторону Франции и России, „даже если бы Германия добросовестно посчиталась с правами своего маленького соседа и прочистила бы себе путь во Францию через ее восточные крепости". Дальше в статье говорится: „Почему мы вступились за нейтралитет Бельгии? Из-за собственных интересов, которые всегда заставляли нас препятствовать тому, чтобы какая-нибудь великая держава не утвердилась по соседству с нашим восточным берегом,—по той причине, которая заставила нас защищать Нидерланды как от Испании, так и от Франции, Бурбонов и Наполеона... Мы не разыгрываем международного Дон-Кихота, который постоянно борется против каждой несправедливости, даже если она не причиняет вреда. Бетман фон-Гольвег вполне прав: даже если бы Германия не ворвалась в Бельгию, то наши честь и интересы все же связали бы нас с Францией... Мы вернулись к нашей традиционной политике равновесия по той причине, по которой она была усвоена нашими предками. Как наши отцы не знали сантиментальности, так она не существует и для нас. Вопрос идет о самодовлеющих, эгоистических причинах: за Англию и за ее могущество борются и умирают ее сыны".

Последнее явствует из длинной истории возникновения войны, в которой Англия была движущей силой, из переговоров между английским министерством иностранных дел и Камбоном, в конечном итоге вертевшихся только еще вокруг вопроса о поводе для выступления Англии, и, наконец, из следующего важного обстоятельства:

2-го августа, следовательно, раньше, чем хотя бы один германский солдат находился на бельгийской территории, и до того, как вечером того же дня в Брюсселе был передан запрос Германии относительно свободного пропуска войск через Бельгию, сэр Эдуард Грей, на основании постановления кабинета, подтвердил французскому послу объяснение, данное им ему под своей личной ответственностью уже за день до того. Согласно донесению Камбона в Париж, это заявление гласило:

«В случае, если бы германский флот вошел в Канал или направился в Северное море, чтобы обойти английские острова с целью нападения на берега Франции или на французский военный флот и стал бы беспокоить (!) французский торговый флот, английский флот выступил бы на защиту французского флота; так что с этого момента Англия и Германия находились бы на военном положении» (французская Желтая книга, № 143).

Это было равносильно решению вступить в войну независимо от нарушения бельгийского нейтралитета, рассчитанному на случай, который естественным образом должен был представиться в войне между Германией и Францией. Английский кабинет был вынужден согласиться на это объяснение, несмотря на противодействие сторонником мира,—раз, в силу известного кабинету 1911 года военного и морского соглашения с Францией, французский флот был сконцентрирован в Средиземном море, что создавало моральную обязанность для Англии защищать атлантические берега и морское сообщение Франции.

Вечером 4-го августа стало уже ясно, что Германии придется повести жестокую борьбу не на живот, а на смерть с коалицией, значительно превосходящей ее своими силами. Весь немецкий народ проникся злобной решимостью принять навязанную нам войну и довести ее до конца. Перед двор-

цом в Берлине столпился народ и приветствовал императора, который сумел в течение 26 лет сохранить мир в стране и теперь в прочувствованных словах призывал народ к борьбе за родной очаг, за право жить и работать.

Несколько недель спустя, 28-го августа, я встретился с императором в кобленцском дворце. Наступление наших войск шло блестяще; французские армии и английский вспомогательный корпус были разбиты; наши войска на всем западе победоносно продвигались вперед; с востока пришли первые известия о большой победе Гинденбурга при Танненберге. Сверх ожиданий, все, казалось, шло хорошо, и оптимисты верили в скорый и счастливый исход войны.

После завтрака император больше часа бродил со мной по парку и откровеннейшим образом высказался о грандиозных событиях последних недель. Он произвел на меня впечатление человека, который, несмотря на то, что счастье улыбалось ему, был внутренно сильно потрясен событиями и тяжело страдал от взятой на себя ответственности. Со свойственной ему живостью он рассказал мне о событиях, приведших к войне, и о своих собственных усилиях предотвратить войну. Он призвал бога в свидетели того, что он за все время своего правления не имел иной более высокой и святой цели, как обеспечить мир своему народу и создать ему путем мирной работы более совершенные и благоприятные условия существования. Он вспомнил о своей последней встрече с своими кузенами, царем и королем Англии, в берлинском замке, по случаю свадьбы его дочери с герцогом брауншвейгским в 1913 году, о вынесенной им тогда уверенности в мирных намерениях Англии и России. Он говорил, что он все еще не может свыкнуться с той мыслью, что все эти дружеские и мирные заверения были лишь обманом. Из всего хода вещей ему пришлось убедиться в том, что уже тогда, под его собственной кровлей, его гости хранили в своей душе заговор против Германии. С того момента, как он убедился в серьезности положения, он просил, умолял короля Англии и царя помочь ему предотвратить ужас войны; он, с своей стороны, оказал наивысшее давление на императора Франца-Иосифа, как ни трудно ему было становиться поперек пути союзнику в его борьбе за правое дело. Но ответом ему от

короля Англии и от царя были только безразличное пожимание плечами и пустые отговорки. Он еще в последний момент прямо-таки умолял царя приостановить мобилизацию, которая в силу нашего географического и политического положения должна была вынудить нас к немедленному началу военных действий. Он уже после русской мобилизаци, несмотря на все уговоры его военных советников, дал России еще последний срок. Все было напрасно. Три раза бросал он перо, прежде чем он подписал приказ о мобилизации. Но ответственность перед своим народом не давала ему другого выхода. «Наша судьба находится теперь в руках всевышнего»,—закончил он.

В той же беседе император высказался о том, как он себе представляет дальнейшую конъюнктуру, если бы Германии была суждена победа. Самым важным для него является то, чтобы следствием войны было направляемое здравомыслием и природою вещей мирное сотрудничество народов Европы, что до сих пор было невозможно вследствие франко-германского противоречия. Мир должен быть заключен на таких основах, чтобы цель могла быть достигнутой. Французы были всегда рыцарской нацией с высоким представлением о чести,—нацией, которую он всегда высоко ценил; он всегда добивался их примирения с Германией. Он понимает, что этой нации было трудно подчиниться решению 1870 года, не испытав еще раз счастья в борьбе. Он, однако, надеется, что после этой войны французы придут к заключению, что уже достаточно было воздано требованиям чести, и что при заключении мира удастся создать основы для свободного и честного сотрудничества обоих культурных народов Европы в области политики и хозяйства.

Таков человек, которого наши враги и, что еще хуже, люди нашей же крови хотят заклеймить именем кровожадного завоевателя и поработителя, именем зачинщика войны. Я лично убежден до глубины души, и мне кажется, что высказать это является моей обязанностью перед императором,—что Вильгельм II не знал более высокой цели, чем обеспечение мира немецкому народу и всему миру, что он стремился создать себе славу только успехами Германии на поприще мирного труда. Никто из знавших его близко не мог быть

введен в заблуждение относительно его действительного характера его пристрастием к военному быту, вложенным в кровь Гогенцоллернов,—так же, как знаток немецкого народного характера не вынесет заключения о воинственных, насильнических и завоевательных наклонностях немецкого народа на основании его неровностей и резкостей, объясняемых нашей многовековой историей страданий.

Германский император и германский народ хотели мира и в мирной работе видели свое будущее. Где находились те силы, которые вызвали эту величайшую в истории мира войну,—это мне кажется уже достаточно выяснено выше.

Великобритания еще раз достигла своей цели.

Сильнейшая континентальная держава и ее сильнейший конкурент на мировых рынках разбита, как некогда Испания, Нидерланды и Франция. Наша мощь оказалась сломленной в войне, так же мало вызванной непосредственно самой Англией, как и война за испанское наследство, семилетняя война и наполеоновские войны, которой она, однако, дала возникнуть так же, как и тем большим коалиционным войнам, с непревзойденным дипломатическим искусством, из причины, лежащей вне ее интересов, всеми силами способствуя ее развитию, чтобы затем вмешаться и свергнуть своего сильнейшего противника для увеличения своей собственной силы и могущества.

Так будет рисоваться возникновение войны неподкупным и трезвым взорам истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Предисловие редакции 3
Предисловие автора 5

Часть I.

От тройственного союза к тройственному соглашению.

Глава I. **Перегруппировка держав со времени ухода Бисмарка.** 15

Бисмарковский „кошмар коалиций" и его система гарантий . . . . . —
Постепенный развал системы Бисмарка 17
Англо-французская антанта 19
Отношение Бельгии к антанте 22
Англо-русское соглашение 23
Примирение Италии с Францией 24
Япония 26
Соединенные Штаты . . . . . —
Группировка держав перед отставкою канцлера Бюлова. 27

Глава II. **Движущие силы** 28

Германская политика без соответственного противовеса. —
Неловкости и резкости 29
Политическая „насыщенность" Германии и Австро-Венгрии 31
Жажда реванша и колониальное расширение Франции. —
Тяготение России к Константинополю и Балканам . . 32
Итальянская ирредента и триполийские стремления . 34
Торговые аппетиты Англии . . . . . —
Багдадская железная дорога 39
Вопрос о флоте 40
Соперничество в вооружении 42
Тройственный союз — как общество самострахования; тройственное соглашение — как общество наживы . 45

Часть II.

Этапы на пути к мировой войне.

	Стран
Предварительное замечание	47
Глава III. Боснийский кризис	—
Турецкая революция	—
Провозглашение Австро-Венгрией суверенитета над Боснией и Герцеговиной	48
Позиция Германии в австро-турецком конфликте	49
Позиция великих держав	50
Мирное улажение конфликта	51
Глава IV. Попытка соглашения Германии с Францией и Россией	52
Германо-французское соглашение о Марокко 9-го февраля 1909 года	53
Потсдамское соглашение между Германией и Россией	
Глава V. Мароккский кризис 1911 года	55
Прежний разлад между Германией и Францией, несмотря на соглашение 1909 года	—
Занятие Феца французами	57
Германское предположение относительно соглашения.	—
Агадир	58
Переговоры между Кидерленом и Камбоном	—
Вмешательство Англии	59
Германо-французский договор 4-го ноября 1911 года	60
Глава VI. Миссия лорда Холдэна	61
Реакция на германофобскую политику английского правительства	—
Вопрос о флоте	63
Соглашение о нейтралитете	—
Безрезультатность переговоров	—
Глава VII. Триполийская война	64
Объявление войны Италией	—
Влияние войны на германо-турецкие отношения	—
Влияние на Францию, Англию и Россию	—
Глава VIII. Две балканские войны	66
Балканский союз	—
Поведение великих держав	67
Двойственная политика Англии	70
Позиция Германии в русско-австрийском конфликте	71
Подчинение Франции русской политике	74
Вторая балканская война и бухарестский мир	77
Великосербская и албанская опасности	—

Часть III.

Последние попытки к соглашению.

	Стран.
Предварительное замечание	79
Глава IX. Соглашение с Англией по вопросам об африканских колониях	80
Германо-английское соглашение 1898 года по поводу ликвидации португальских колониальных владений	—
Переговоры 1913—1914 годов по колониальным вопросам	81
Глава X. Вопросы Передней Азии и особенно вопрос о багдадской железной дороге	82
Багдадская дорога и немецко-английские отношения	—
Первые попытки к сооружению багдадской дороги	83
Проекты багдадской дороги на международной основе	84
Отказ от участия со стороны английского и французского правительства	87
Багдадская дорога, как немецкое предприятие	90
Младотурецкая революция и новая борьба из-за багдадской дороги	91
Глава XI. Соглашение с Францией относительно турецких дорог	94
Полное „отделение“ в багдадском предприятии	—
Соглашение по вопросу о железнодорожных интересах обеих сторон в Турции	95
Глава XII. Соглашение с Англией по вопросам о Передней Азии	96
Цели английского правительства	—
Немецкая и турецкая точки зрения	98
Речное судоходство, оросительные сооружения и нефть в Месопотамии	100
Соглашение	101
Глава XIII. Германо-английское соглашение и англо-русская морская конференция	104
Неискренность стремлений к соглашению	—
Предложение союза со стороны Извольского	105
Англо-русское морское соглашение	107
Дух английской политики	—
Воинственное настроение во Франции и России	108
Безнадежность немецко-английского соглашения	110

Часть IV.

Начало мировой войны.

	Стран.
Глава XIV. Австро-сербский конфликт и отношение к нему Германии	112
Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда	—
Поведение германского правительства в австро-сербском конфликте	114
Австро-венгерский ультиматум Сербии	116
Германское правительство и ультиматум	117
Германский император и ультиматум	120
Стремление Германии к миру; недостаточная военная, дипломатическая и хозяйственная подготовка войны	121
Глава XV. Выступление России	123
Вмешательство России	—
Переговоры Гельфериха с Давыдовым 26-го и 27-го июля 1914 года	124
Русская военная партия	130
Позиция Франции	131
Позиция Англии	—
Давление германского правительства на венский кабинет и успех его	132
Общая мобилизация в России	136
Неисполнение приказа царя о приостановке мобилизации	137
Глава XVI. Английская дипломатия и успех английской политики	139
Прикрытие тыла Франции и России Англией	—
Шаги Германии в Петербурге и Париже	—
Возбуждение Англией вопроса о бельгийском нейтралитете и отказ ее гарантировать свой нейтралитет	—
Мобилизация в Германии	141
Превосходство английской дипломатии	142
Стремление сэра Эдуарда Грея найти достаточный повод к войне	143
Нарушение бельгийского нейтралитета, как повод к войне	145
Усилия германского императора сохранить мир и его заботы о будущей группировке держав	148
Триумф английской политики	150

ЦЕНА **75** КОП.

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, д. № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.
4. Ленинград, Проспект Володарского, 64.